

3

2023

ISSN 0132-1625

СОДМГС

**COVID-19: анализ
кампании на Первом канале**

**Что нам дает анализ репрезентации
экологических практик
в социальной сети ВК?**

К 100-летию Л.Н. Когана

**Можно ли верить опросам
общественного мнения в Китае?**

**Православная миссия в Китае:
современные коммуникативные
практики**

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ Л.Н. КОГАНА

- 3 ЗБОРОВСКИЙ Г.Е. Л.Н. Коган и отечественная социология
14 ВИШНЕВСКИЙ Ю.Р. Несостоявшееся интервью с Учителем о социологии культуры
21 ПАВЛОВ Б.С. К истории эмпирических исследований молодых рабочих на Урале

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 26 ЛИ ЦИНЬ, БАБИЧ Н.С. Достоверность опросов общественного мнения в Китае
32 ИЛЬИН В.И. «Человеческий капитал» как категория качественной социологии

ЭКОСОЦИОЛОГИЯ

- 42 КОНДРАШОВ П.Н. Концептуальная реконструкция экологии Карла Маркса:
социологический аспект
53 ПУПЫШЕВА И.Н., ЗАХАРОВА О.В., КУЗНЕЦОВА Н.В. Разновидности дискурса
о сборе и переработке вторсырья: между стремлением
к прибыли и спасением мира

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

- 66 ОСТРОВСКАЯ Е.А., БАДМАЦЫРЕНОВ Т.Б., ВАСИЛЬЕВА С.В. Медиатизированное
православие: миссия в Китае
80 АНДРЕЕНКОВА А.В., МЕДВЕДЕВА А.А. Структура и содержание
информационной кампании на телевидении во время первой волны
пандемии COVID-19 в России

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 91 ДЕЛАНТИ Дж. Социология (пер. Н.В. Романовского)

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 103 СОРОКИН П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности:
состояние и направления развития
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 115 ПОДВОЙСКИЙ Д.Г. Мужчины, женщины, ... племена, народы: как живет человек среди его конструкторов? (Часть 1)

ЮБИЛЕИ

- 126 Поздравляем Л.Г. Титаренко!
127 Вишневскому Ю.Р. – 85 лет

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 129 ЛУШНИКОВА О.Л. Трудовое поведение жителей удаленных сел Хакасии
135 РОМАНОВИЧ Н.А. Представления молодежи о браке и семье
141 СИМАКОВА А.В., ПАХОМОВ С.И., ГУРТОВ В.А. Кандидаты наук: мотивы защиты и вектор развития научной карьеры

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 148 АСОЧАКОВ Ю.В. Социология в постглобальном мире: проблемы и перспективы
150 БЕЛЯЕВА Л.А. Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях
154 ГРАБЕЛЬНЫХ Т.И., САБЛИНА Н.А., ЗЫРЯНОВ В.В. Угрозы как социальный феномен в XXI веке
157 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Осинский И.И.* Интеллигенция Тувы. XX век. Формирование, развитие, деятельность. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. **Рец. О.Б. Истомина;** *Титаренко Л.Г.* Социология общественного мнения: учебное пособие. Минск: РИВШ, 2021. **Рец. П.А. Амбарова**)

- 162 **КОРОТКО О КНИГАХ**

- 165 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

IN MEMORIAM

- 173 А.Н. Нысанбаев

- 175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.) В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

К 100-летию Л.Н. Когана

Вниманию читателей предлагается подборка статей, посвященных столетию со дня рождения одного из ярких отечественных социологов второй половины XX в. профессора Л.Н. Когана. Авторы предлагаемых читателям статей Г.Е. Зборовский, Ю.Р. Вишневский, Б.С. Павлов – ученики Л.Н. Когана. Стаж их взаимодействия с профессором колеблется в пределах 30–40 лет. Оно включало в себя слушание лекций, участие в практических занятиях, сдачу зачетов и экзаменов, работу в научных семинарах, проведение совместных исследований, написание совместных научных работ, совместные научные командировки и многое-многое другое, что оставляет глубокий след в душе, сохраняет память и любовь к учителю, переходит на новое поколение учеников и продолжателей идей руководителя Уральской социологической школы профессора Л.Н. Когана.

© 2023 г.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

Л.Н. КОГАН И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (garoldzborovsky@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и вклада в отечественную социологическую науку Л.Н. Когана в связи со столетием со дня его рождения. Предлагается краткий биографический очерк Когана, анализ процесса его становления и развития в качестве социолога – теоретика и эмпирика. Рассматриваются некоторые проблемы теоретической социологии в творчестве ученого. Дается общая характеристика эмпирических исследований, проведенных под его руководством. Заключительный раздел статьи посвящен анализу содержания деятельности Л.Н. Когана как основателя и главы Уральской социологической школы.

Ключевые слова: Л.Н. Коган • развитие отечественной социологии • Уральская социологическая школа • теоретические проблемы социологии • эмпирические исследования • значение Когана для отечественной социологии

DOI: 10.31857/S013216250023350-8

Краткий биографический очерк. 20 марта 2023 г. исполняется 100 лет со дня рождения отечественного социолога Льва Наумовича Когана (1923–1997). В литературе его часто называют крупнейшим уральским социологом. Но думаю, что эта характеристика узка и не совсем точна. Правильнее его, с моей точки зрения, называть в первую очередь одним из крупнейших отечественных социологов второй половины XX в., важна его роль в становлении и развитии социологии не только на Урале, но и в стране.

Понятно, что необходимо предварить этот текст хотя бы кратким биографическим очерком о нем. Такие очерки за последние 25 лет (время после смерти ученого) появлялись каждые пять лет, по мере того как отмечалась новая юбилейная дата ученого. Его биографий написано немало; отсюда неизбежность некоторых повторов (в том числе наших).

Последние тексты появились, когда отмечалось его 95-летие. Одна из больших статей о Л.Н. Когане была написана с участием его учеников и коллег [Вишневецкий и др., 2018].

Л.Н. Коган родился и вырос в Свердловске в семье врачей. В этом же городе (с 1992 г. – Екатеринбург) он окончил среднюю школу, а в 1945 г. историко-филологический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Вся последующая жизнь и профессиональная деятельность ученого связаны со столицей Урала. Работая в университете после его окончания, Л.Н. Коган защищает в 1949 г. кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию проблемы народных масс и личности в истории русской революционно-демократической мысли, а в 1962 г. – докторскую диссертацию о труде при социализме и коммунизме. Это была одна из первых социологических диссертаций по проблемам труда в нашей стране. В 1966 г. Коган был переведен на работу в Уральский филиал АН СССР. Вначале – в 1966–1971 гг. – он возглавлял сектор социологии культуры в Отделе экономических исследований при Президиуме УФАН СССР, с 1971 по 1977 г. руководил Отделом социологических исследований Института экономики УНЦ АН СССР. Вернувшись в университет в 1977 г., он руководит в течение 10 лет кафедрой научного коммунизма и социологии, а с 1987 по 1997 г. работает профессором кафедры социально-политических наук.

За более чем полувековой период научно-творческой деятельности Л.Н. Коган опубликовал более 500 научных и публицистических работ, в том числе свыше 20 монографий. Более 40 работ переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. Под его руководством было подготовлено и защищено 22 докторские и 182 кандидатские диссертации. С момента основания журнала «Социологические исследования» в 1974 г. он до 1988 г. был членом его редколлегии, а затем до своей кончины – членом редакционного совета. С 1991 г. он действительный член Российской академии естественных наук, с 1994 г. – член Академии гуманитарных наук. В течение 20 лет (с 1972 г.) возглавлял бюро Уральского отделения Советской социологической ассоциации. В 1983 г. получил звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, в 1996 г. был избран Почетным профессором Уральского государственного университета. В 1979 и 1982 гг. был награжден соответственно серебряной и бронзовой медалями ВДНХ СССР за работы в области методического обоснования социального планирования. В 1985 г. был удостоен премии имени Ленинского комсомола. Похоронен в Екатеринбурге на Широкореченском кладбище.

Несмотря на краткость многих биографий Л.Н. Когана, самую краткую и в то же время самую лучшую биографию написал ... сам Коган: «Вероятно, самое трудное для меня – написать свою биографию. Она совершенно не типична для нашего бурного, динамичного века. Я всю жизнь прожил в Екатеринбурге, где родился в 1923 году в семье врачей. С 1929 года живу в той квартире, где пишу эти строки. Даже номер моего телефона не менялся с довоенного времени. С 1940 года связал свою жизнь с Уральским университетом, где прошел весь путь от студента до профессора, не перепрыгнув ни через одну ступеньку. Даже работая в Академии наук с 1966 по 1977 г., я оставался на полставки профессором университета. Женился в 1946 году, дожили до золотой свадьбы. С социологией я связал большую часть жизни, если говорить точно, 44 года. Не надо сомневаться в этой цифре. Один студент на экзамене сказал мне: “Маркс стал марксистом, когда марксизма еще не было”. Упаси боже, не думаю ни о какой параллели; просто так случилось и со мной» [Коган, 1999: 280].

Социология в Когане и Коган в социологии. Мы же эту параллель проведем: речь идет, конечно, о том, что Коган стал социологом тогда, когда о ней у нас еще и не говорили. Лекции, которые читал Коган в середине – второй половине 1950-х гг. студентам Уральского госуниверситета по философии, особенно по историческому материализму (автор статьи был одним из них), свидетельствуют о том, что он находился на позициях, я бы сказал, «стихийной социологии». Этому в немалой степени способствовало блестящее знание истории общественной мысли в России в середине и второй половине XIX в. (тема кандидатской диссертации Л.Н. Когана, защищенной в 1949 г., – «Русские

революционеры-демократы о роли народных масс и личности в истории»). Не владея знанием зарубежной социологии вообще и отечественной социологии 1920-х – начала 1930-х гг. в частности, он прекрасно знал работы А.И. Герцена, хорошо разбирался в идеях западничества, славянофильства, народничества, зарождавшегося в России марксизма (в частности, Г.В. Плеханова) и др. Насколько помню, Коган никогда не использовал в 1950-е гг. термин «социология», но в конце этого десятилетия вплотную приблизился к ее идеям как теоретической, так и эмпирической направленности. Разумеется, это была марксистская социология. Знанием марксистского учения об обществе, производстве, труде, общественном сознании, классах и классовой структуре, человеку (личности), культуре Коган владел прекрасно.

Во многом этому знанию способствовала поистине блестящая память. Целые фрагменты из работ Маркса он мог излагать близко к тексту. Особенно это проявлялось во время его участия в различных дискуссиях. Многие из них проходили в рамках заседаний диссертационного совета. В то время именно такие заседания были «местом для дискуссии», в чем и состояла их особая ценность и привлекательность. Об этом нельзя забывать и следует сказать специально сейчас, когда работа многих таких советов превращается в сугубо формализованное действо.

Аспиранты, молодые преподаватели, даже студенты-старшекурсники приходили не столько на сами защиты, сколько «на Когана». А он блистал не только знанием обсуждаемого материала, но еще и остроумием. До сих пор помню часто разворачивающуюся полемику по ряду социально-экономических проблем нашего общества между ним и одним из интереснейших экономистов того времени, тоже членом диссертационного совета проф. В.М. Готлобером. В личной жизни они были большими друзьями, а на защитах – яростными диспутантами. Когда они вступали в полемику, защиты даже кандидатских диссертаций затягивались надолго, иногда на 4–5 часов. Это были настоящие праздники «мыслеизъявления». Иногда Коган во время дискуссии мог позволить себе прочесть на ее тему только что сочиненные стихи. Мало кто догадывался, что они появлялись не просто так, а возникали «ad hoc», по случаю, иногда «на спор» с кем-либо из членов совета (условие выигрыша в споре могла стать, к примеру, новая книга или бутылка коньяка).

Основные научные труды Л.Н. Когана были написаны в 1960–1990-е гг. и имели самый что ни на есть разнонаправленный характер. Если рассматривать только одни монографические исследования (а их у ученого было более 20), то они распределялись по-разному в его творчестве. Во многих из них сочетались философские, социологические, искусствоведческие, морально-этические, эстетические и другие трактовки сложных социальных проблем. В 1960-е гг. были написаны «Труд и красота» (1962), «Художественный вкус» (1963), в 1970-е – «Очерки теории социалистической культуры» (1972), «Советская социалистическая культура: итоги и перспективы» (1979), в 1980-е – «Всестороннее развитие личности и культура» (1983), «Цель и смысл жизни человека» (1984), «Человек и его судьба» (1988), «Жить по справедливости» (1988), «Духовное воспроизводство» (1988), «Культура в условиях НТР» (1989), в 1990-е – «Зло» (1992), «Социология культуры» (1992), «Теория культуры» (1993), «Вечность» (1994), «В четвертом измерении» (1994), «Жизнь в поколениях. Классика и современность» (1995), «Философия: серьезная и веселая» (1996) и др.

Даже из этого краткого перечня названий книг становится видно, что основные «сквозные» проблемы в творчестве Л.Н. Когана были связаны с трудом, человеком, личностью, духовной жизнью, культурой, временем. Вокруг них, так или иначе, строилось сложное многоголосье научных подходов, осуществлялся многомерный мультидисциплинарный анализ. И то и другое демонстрировало гигантский диапазон научных интересов исследователя. Именно за это разнообразие научная общественность всегда ценила социологический дар Л.Н. Когана – видеть остроту противоречий общественной и личной жизни в стране в ее различных сферах и структурах.

Несмотря на то что Л.Н. Коган был блестящим ученым в области философии, культурологии, искусствоведения, эстетики, истории, театра, кино и др., его основные научные

интересы были связаны с социологией. Причем это была, с одной стороны, глубокая теоретическая социология, касавшаяся разработки ряда концепций духовной жизни общества, общественного сознания, рабочего класса, труда, личности, культуры, деятельности, образования. С другой стороны, он руководил крупными по масштабу эмпирическими исследованиями серьезных социальных проблем, имевших большое народно-хозяйственное значение.

Его хорошо знали буквально все социологи страны. Он много ездил по ее «городам и весям», участвовал в многочисленных конференциях и семинарах, читал публичные лекции в самых массовых аудиториях, выступал перед студентами, консультировал нуждающихся в его советах (а их всегда было предостаточно). Его известные «БСК» и «ДБСК»¹ на полях многих рукописей до сих пор рассматриваются как предмет «смехотворчества». Известность Когана в стране и самых разных ее регионах была настолько велика, что стоило в какой-то социологической аудитории представиться свердловчанином, как тут же сыпались многочисленные вопросы о нем, его здоровье, новых его публикациях, ближайших конференциях с его участием.

Л.Н. Коган был сыном своего времени. Он не взрывал идеологию социалистического общества и даже не угрожал ей, но социологически адаптировал ее под свои исследовательские задачи и показывал всем, как это нужно делать. Однако важно отметить, что многие его работы 1990-х гг. уже смотрели в XXI век.

Некоторые проблемы теоретической социологии в творчестве Л.Н. Когана. Говоря о развитии теоретической социологии в работах Л.Н. Когана, нельзя не коснуться его концепции деятельности и связанной с ней трактовки сущностных сил человека. Согласно ей, сущностные силы человека есть силы общества, воплощенные в его социальном бытии и выражающие социальную сущность человека. Сущностные силы человека проявляются в его деятельности. Они преобразуются вместе с изменением самих общественных отношений, присваиваемых человеком, и проявляются прежде всего в труде как основном виде социальной жизнедеятельности общества.

В наиболее обобщенной и концентрированной форме проблема сущностных сил человека в ее различных аспектах трактуется Л.Н. Коганом в фундаментальной монографии «Цель и смысл жизни человека» (1984). Именно в ней он разрабатывает эту категорию. Ее использование заметно обогатило анализ развития личности как другой центральной категории теоретической социологии. В связи с этим он писал: «Сущностные силы человека формируются, реализуются и развиваются только в процессе практической деятельности. Развивая и опредмечивая их, человек тем самым “творит” самого себя. Социальные силы человека поистине универсальны: они обеспечивают власть человека над стихийными силами природы и общественного процесса, их развитию нет пределов и границ. Социальные (сущностные) силы личности не тождественны ее сущности, они есть деятельное проявление этой сущности – совокупности общественных отношений. Их нельзя отождествлять с деятельностью людей, поскольку они характеризуют возможность осуществления такой деятельности» [Коган, 1984: 20].

Мерой и способом реализации сущностных сил человека, его социальной деятельности является, по Л.Н. Когану, культура. Она выступает как срез, как характеристика всех видов деятельности человека через реализацию и воспроизводство в ней способностей, потребностей, творческих возможностей в качестве его сущностных сил. Сами сущностные силы человека проявляются только в его социальной, преобразующей деятельности.

В процессе социальной деятельности люди творят друг друга. Если это верно для любой социальной деятельности человека, то тем более это относится к культуре как деятельности, ибо сама она есть раскрытие и реализация сущностных сил человека в социальной

¹ Эти аббревиатуры расшифровывались как «бред сивой кобылы» и «дикий бред сивой кобылы» и означали отрицательную, но не оскорбительную оценку Коганом отдельных суждений, а иногда и работ рецензируемого автора.

деятельности и ее результатах. Следовательно, говоря о культуре, мы рассматриваем всю социальную деятельность человека в ее человеко-творческом (культурном) аспекте.

Значительное место в социологии культуры, в социологическом анализе духовной жизни общества Л.Н. Коган уделял духовной культуре. Она, по его мнению, представляет собой самую разветвленную систему культуры. В ней можно выделить определенные элементы, соответствующие различным видам духовно-практической деятельности – философской, научной, нравственной, правовой, художественной. Однако все эти виды деятельности могут рассматриваться как проявления духовной культуры лишь в одном аспекте – как способ раскрытия, реализации сущностных сил человека. Самое краткое определение духовной культуры по Когану – ее рассмотрение как способа и меры самореализации человека в духовно-преобразующей деятельности.

Деятельность человека в сфере духовной культуры есть деятельность, направленная на производство, сохранение, распределение (распространение) и потребление духовных ценностей. Культурная деятельность в сфере духовной жизни возвышается до уровня всеобщности, ибо в результате обмена духовной деятельностью (знаниями, художественными моделями, навыками, умениями) культурная деятельность индивида или группы интегрируется в культуру класса или общества в целом.

Во многих работах в рамках анализа культуры Коган обращается к рассмотрению функций культуры как социального института. Одна из его любимых тем, которая, что называется, «красной нитью» проходит через многие работы ученого, – человекотворчество как главная функция культуры. А отсюда выход на рассмотрение культуры как важнейшего механизма социализации индивида, личности. Чрезвычайно плодотворным представляется понимание культуры как мира социального опыта, социальной памяти.

Исследование личности и культуры не могло не вывести Л.Н. Когана на целый блок проблем, связанных с творчеством. Главным и определяющим в его подходе был акцент на то, что критерием творчества, его масштабов и эффективности являются не только и не столько ценности и достижения культуры, но и степень развития творческого потенциала человека – субъекта творчества. Центр тяжести в исследовании творчества тем самым переносится на человека, его способности и потребности, их реализацию в самом творческом процессе.

Постепенно складывается и утверждается качественно новый подход к культуре – деятельностный. В рамках его культура стала рассматриваться как мера (степень) реализации сущностных сил человека в процессе его деятельности. Это позволило по-новому подойти к пониманию структуры культуры. В ней стали выделяться и изучаться (в том числе и многочисленными учениками Л.Н. Когана) такие ее компоненты, как духовное производство, духовное потребление, духовное распределение.

Своеобразным синтезом размышлений исследователя о развитии личности и культуры является идея о том, что с первых лет сознательной жизни человека формирование его личностных качеств связано с освоением им определенной системы культуры. Человек одновременно и субъект, и объект культуры. Именно благодаря овладению культурой развиваются сущностные силы личности. Сама неповторимость личности является следствием активного освоения культуры. Отсюда очевидно, что о культуре личности правильно судить не столько по культурному багажу, сколько по ее реальной социальной деятельности и поведению, по полноте самореализации сущностных сил человека.

Л.Н. Коган и развитие эмпирических исследований. Теоретические разработки Л.Н. Когана в социологии, ее общей теории и различных отраслях (социологии труда, управления, культуры, образования, театра, кино, политической социологии и др.) легли в основу многочисленных эмпирических исследований, проведенных под его руководством и с его непосредственным участием.

Реальное включение ученого в ту сферу социологии, которую мы определяем как эмпирические исследования, начинается, по нашему мнению, с рубежа 1950–1960-х гг. Свидетельством резкого поворота к эмпирической социологии и занятиям ею в конце 1950-х гг.

стало участие Л.Н. Когана в большом, мы бы сейчас сказали, научном проекте, посвященном изучению культурно-технического уровня советского рабочего класса. Оно осуществлялось под руководством М.Т. Иовчука, который четыре года руководил кафедрой диалектического и исторического материализма Уральского госуниверситета (потом он уехал в Москву)². На эту тему была опубликована коллективная монография в 1961 г. [Подъем..., 1961]. В подготовке ее материалов активное участие принимал Л.Н. Коган. Ее написанию и изданию предшествовала Всесоюзная конференция по проблемам подъема культурно-технического уровня советских рабочих, проведенная в 1959 г. в Свердловске (в ее подготовке и проведении Коган также участвовал). Сама книга стала первой в стране крупной социологической монографией. Эмпирический материал для нее был собран одной из первых в стране социологических лабораторий, созданных в Уральском госуниверситете.

Монография отличалась рядом как достоинств, так и недостатков, о которых впоследствии писал Л.Н. Коган. Среди первых он называл то, что это было большое коллективное исследование по актуальной проблеме, что в нем использовались многочисленные статистические данные, в том числе и заводской статистики, что была применена попытка использования анкетного опроса и неформализованного интервью. Но при этом отмечался и ряд серьезных недостатков, типичных вообще для начального этапа отечественной социологии. Среди них: явная «лакировка» действительности, когда мало или почти ничего не говорилось о просчетах и упущениях и однобоко показывались достижения культурно-технического роста на специально подобранных для этого примерах отдельных продвинутых рабочих; отсутствие научно обоснованной выборки; некритический отбор источников исследования. В целом Л.Н. Коган и его коллеги отмечали, что это был шаг назад по сравнению с достижениями отечественной социологии 1920-х – начала 1930-х гг., которые, к сожалению, на рубеже 1950-х – 1960-х гг. были неизвестны социологам Урала, равно как они не были знакомы и с зарубежным опытом [Анисимов и др., 1990: 20, 24].

Понятно, что незнание не освобождает от ответственности, но подобная ситуация в отечественной социологии была достаточно типичной для того времени. Только постепенное знакомство с прежними достижениями в нашей эмпирической социологии и изучение соответствующего зарубежного опыта постепенно привело к научному пониманию и использующую методологии, методики, техники и процедуры эмпирического исследования. Большую роль в этом отношении сыграла деятельность Ленинградской школы социологии и лично В.А. Ядова. Его и Л.Н. Когана связывали очень близкие, поистине дружеские отношения³. Благодаря им и просьбе Л.Н. Когана В.А. Ядов приезжал

² Говоря о Когане, нельзя не сказать несколько слов о его взаимоотношениях с М.Т. Иовчуком. Он считал Иовчука своим единственным учителем. Отношения между ними длились с 1949 г., когда Иовчук был «сослан» в Екатеринбург с занимаемой им тогда высокой партийной позиции заведовать кафедрой, и до самой его смерти в 1990 г. Это были отношения настоящей дружбы. Иовчук относился к Когану как родному сыну. При этом Коган хорошо видел противоречивость его личности, говорил о нем как о драматической фигуре, подчеркивал его необыкновенное трудолюбие. В их соавторстве было написано немало работ. В начале 1990-х, уже после смерти Иовчука, я однажды попытался вызвать Льва Наумовича на открытый разговор об их отношениях. Ведь об Иовчуке говорилось многое и часто нелицеприятное. Но он ушел от разговора. Некоторые факты мне были известны, в частности, от работников кафедры. Их отношения формировались в очень сложный период начала 1950-х. Против Когана нередко предпринимались и антисемитские выходки, в том числе на кафедре. Защищая молодого доцента, Иовчук очень жестко подавлял их, иногда с риском для себя. Лев Наумович, конечно, помнил это всю жизнь и был бесконечно благодарен своему старшему коллеге.

³ Коль скоро речь зашла об отцах-основателях советской социологии и дружбе между ними, не могу не сказать об одном из ее примеров, свидетелем которого мне довелось быть. Весной 1997 г., где-то в конце мая – начале июня я был в командировке в Москве и зашел к В.А. Ядову (тогда директору ИС РАН) по просьбе Л.Н. Когана, который в то время уже очень тяжело болел. Он попросил передать Ядову правку рукописи его главы в «Социологию в России». Времена были тяжелые, зарплату не всегда вовремя выплачивали, Коган уже долго не работал... В разговоре с Ядовым мы обсуждали разные вопросы жизни, в том числе и Льва Наумовича. После разговора я встаю и собираюсь уходить, и тут Владимир Александрович мне говорит: «Погоди». Он открывает сейф, достает несколько сот долларов (не видел точно, сколько), кладет их в конверт, заклеивает его и говорит: «Тут деньги для Лени

в Свердловск (причем неоднократно) и читал лекции, по существу, учил молодых уральских социологов методологии и методике проведения эмпирических исследований. Это была в то время (середина 1960-х гг.) крайне важная форма сотрудничества социологов Ленинграда и Свердловска, которая сыграла значительную роль в преодолении ограниченной социолого-эмпирической грамотности рождающейся на Урале собственной научной школы (школы Л.Н. Когана).

Говоря о деятельности Л.Н. Когана в рамках эмпирической социологии, особенно в области социологии труда, управления, социального планирования, важно указать названия некоторых проектов, связанных с разработкой и составлением комплексных планов социального и культурного развития ряда областей Урала и Сибири, крупных промышленных центров (г. Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Ревда, Качканар и др.), а также предприятий (Северский трубный завод, Среднеуральский медеплавильный завод, «Пневмостроймашина», Турбомоторный завод, Нурекская ГЭС, Севастопольский морской завод и др.).

Под научным руководством Л.Н. Когана осуществлялось комплексное изучение социально-экономических процессов на территориях Урала, включающее в себя четыре основных направления: культурно-технический уровень и духовная жизнь рабочего класса; комплексное социальное планирование перспективного развития регионов, поселений и трудовых коллективов; культурная деятельность населения и развитие территориальных сетей учреждений культуры, искусства и досуга; образовательный потенциал региона и личности работника.

Существенно обогатилось исследование традиционно выделявшихся компонентов культуры – ценностей художественной культуры, образования. В рамках нового понимания культуры особенно стало подчеркиваться, что чтение научной или художественной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма – тоже творчество. Проводившиеся под руководством Л.Н. Когана эмпирические социологические исследования читательской и театральной, кино- и телеаудитории, художественной самодеятельности были нацелены на то, чтобы выявить и зафиксировать, каким сложным и противоречивым (и одновременно каким важным для культурного развития человека) является это сотворчество. Тем самым эти исследования, как и многие другие его теоретические изыскания, имели большое практическое значение.

Л.Н. Коган является одним из основателей отечественной социологии образования. Одна из первых трактовок ее предмета принадлежала именно ему. Он доказывал, что социология должна изучать в первую очередь соотношение между системой образования и общественными потребностями [Коган, 1969: 4–5; Зборовский, 2008а].

Вклад ученого в развитие социологии образования определяется, во-первых, его собственной теоретической разработкой этой отрасли социологической науки, во-вторых, богатейшими эмпирическими исследованиями образования, выполненными под его руководством. Несмотря на то что он не оставил после себя отдельных книг, непосредственно посвященных социологии образования, большое количество статей и специальные работы по теории и социологии культуры (Коган рассматривал образование как часть культуры) не оставляют сомнения в постоянном внимании и не ослабевавшем научном интересе к образованию на протяжении последних трех десятилетий его жизни и творчества (1967–1997). Особенное значение в этом плане приобретает глава седьмая его работы «Социология культуры», имеющая название «Социология культуры и социология образования». Ее объем – всего 11 страниц, но зато каких! Без всякого преувеличения можно утверждать, что по постановке проблем, способу их анализа и предлагаемому решению это краткий конспект, тезисное изложение большой и серьезной книги по социологии образования.

(близкие люди, обращавшиеся к Когану на «ты», всегда называли его Ленией), скажи, что это его гонорар за главу в «Социологию России». Вечером я прилетел домой, на следующий день пошел к Когану отнести конверт и передать привет от Ядова. Дома была Зинаида Николаевна, супруга Льва Наумовича. Он передал ей конверт с деньгами, когда она его открыла, всплеснула руками: «Тут же большие деньги!» Мне показалось, у Льва Наумовича выступили слезы. Он только и сказал: «Ах, Володька...».

Л.Н. Коган сформулировал пять основных вопросов, на которые должна дать ответ социология образования. Самое любопытное состоит в том, что эти вопросы и проблемы по-прежнему остаются такими же важными, как и 30 лет назад: 1) в какой мере существующая система образования удовлетворяет общественные потребности в образованных, подготовленных людях, в том числе в специалистах в разных отраслях народного хозяйства; 2) в какой степени эта система удовлетворяет потребности и интересы самих обучающихся; 3) что является стимулом образования: практические, инструментальные нужды или же превращение потребности в знаниях в самоцель личности; 4) каково влияние образования на все системы общественной жизни; 5) в чем состоят перспективы и тенденции развития образования, пути достижения оптимальной взаимосвязи всех элементов этой системы [Коган, 1992: 72–73].

Роль Л.Н. Когана в становлении и развитии Уральской социологической школы.

Л.Н. Коган стоял у истоков создания Уральской социологической школы [Зборовский, Вишневецкий, 2008б; Вишневецкий, Зборовский, 2015; Зборовский, 2022]. По его инициативе и при его непосредственном участии сформировался и успешно развивается поныне ряд актуальных социологических направлений региональной академической науки.

На рубеже 1950–1960-х гг. произошло то, что мы, по терминологии Б.З. Докторов [Докторов, 2013], называем вторым рождением социологии на Урале. После длительного тридцатилетнего периода ее забвения, вызванного господством в стране сталинского режима, возник качественно новый этап социологии, который означал и ее ренессанс (в стране и регионе), и принципиально новую ступень в развитии. Возрождающаяся или, точнее, рождающаяся вновь уральская социология заявила о себе сразу и решительно тем, что «ворвалась» в отечественную науку первой серьезной работой (о которой упоминалось выше) – «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» (1961). Благодаря своему активному старту социология на Урале изначально заняла свое достойное место в ряду ведущих центров развития этой науки в стране (Ленинград, Москва, Новосибирск), мало в чем им уступая. У истоков социологии на Урале были М.Т. Иовчук, Л.Н. Коган, М.Н. Руткевич. В этом же ряду свое достойное место занимают Н.А. Аитов и З.И. Файнбург.

В 1960-е гг. шел процесс экстенсивного развития социологии на Урале, который означал, во-первых, вовлечение в него областей и автономных республик Уральского региона (вслед за Свердловской областью – Пермской и Челябинской, чуть позднее – Оренбургской и Курганской областей, Башкирской и Удмуртской автономных республик); во-вторых, в рамках областей, городов и республик – появление вузовских, академических и производственных центров и структур. Однако социологической школы на Урале в 1960-е гг., по всей видимости, еще не было. Ее формирование и развитие падает на 1970-е – первую половину 1980-х гг., ставших поистине периодом расцвета социологии на Урале.

Сам Л.Н. Коган также считал, что понятие «уральская социология» утвердилось не раньше середины 1970-х гг. До этого обычно социологи идентифицировали себя лишь с городом (областью, республикой), где они работали. Решающую роль в процессе ее институционализации и оформления сыграли создание Свердловского отделения Советской социологической ассоциации и последующее его превращение в Уральское отделение, а также регулярное (с частотой в 2–2,5 года) проведение Уральских социологических чтений.

В плане трактовки Л.Н. Коганом роли уральской социологии представляет значительный интерес его последнее (за год до смерти) большое публичное выступление, которое в известном смысле можно рассматривать как духовное завещание и одновременно напутствие уральским социологам. Это был пленарный доклад на юбилейных X Уральских социологических чтениях в 1996 г. В связи с юбилеем уральской социологии Л.Н. Коган вернулся к событиям 20-летней давности – проведению I Уральских социологических чтений в 1976 г. и оценке состояния дел в целом в отечественной социологической науке. Приведем фрагмент из доклада ученого: «Социология – наука, обязанная держать руку на пульсе общественной жизни. В России задачи социологии особенно сложны и ответственны: дело не только в огромных масштабах нашей страны, но и в исключительной

неравномерности экономического, социально-политического и культурного развития ее регионов. И победы, и вопиющие поражения нашей социологии в прогнозировании итогов выборов в последние годы еще раз подтвердили ту, в общем-то очевидную, мысль, что без сильной профессиональной социологии в регионах нельзя говорить и об удовлетворительном состоянии российской социологии в целом. Между тем долгие годы существования Советской социологической ассоциации все ее внимание было обращено на столичных социологов и их международные связи. Именно в этой обстановке Уральское отделение ассоциации в начале 1970-х гг. решило не ждать милостей от центра, а опираться главным образом на собственные силы. Почти без всякой финансовой помощи (60–70% собираемых Отделением членских взносов забирала Москва), в основном на бескорыстном энтузиазме актива в течение 15 лет Отделение добилось проведения целой серии тематических региональных семинаров и симпозиумов, школ молодых социологов, издания региональной социологической литературы. Однако главной особенностью нашего Отделения стало проведение в различных городах Урала (Ижевск, Курган, Оренбург, Пермь, Свердловск, Челябинск, Уфа) социологических чтений, являвшихся своеобразным отчетом вузовских, академических и заводских социологов Урала о проделанной ими работе. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что именно эти чтения во многом способствовали появлению дружеских профессиональных связей между уральскими социологами, пробудили у многих из них стремление к повышению своей квалификации. Разумеется, далеко не все из поставленных нами задач удалось решить: в нашем регионе не сложилось современной социологии села, социологии девиантного поведения, социологии религии и морали и т.д. До последнего времени сказывается несомненная недооценка математически-статистических методов. Однако при всех этих (и других) пробелах уральские социологи получили заслуженную известность и авторитет не только в стране, но и за ее пределами» [Коган, 1996: 3].

Будучи созданной в 1970-е гг. под руководством Л.Н. Когана, Уральская социологическая школа «заявила» о себе целым рядом особенностей. Во-первых, в ее рамках шло параллельное развитие сразу трех «ветвей» российской социологии – вузовской, академической, производственной (заводской), причем между ними изначально были установлены и долгое время (вплоть до развала заводской социологии в начале 1990-х гг.) существовали интенсивные творческие связи. Заводская социология на Урале, по существу, была любимым детищем и вузовской, и академической науки, которые ее взрастили и поставили, что называется, на ноги.

Во-вторых, на Урале достаточно быстро происходил процесс институционализации социологии и ее общественного признания, чему в значительной степени способствовали властные структуры во всем регионе. Представители власти принимали участие в организации социологической деятельности, проведении конкретных исследований (часто выступая их заказчиками), конференций и семинаров, Уральских социологических чтений. Такая работа способствовала росту популярности социологии, придавала ей определенного рода «паблисити». В немалой степени этому содействовали местные СМИ, которые пропагандировали работу социологов в печати, по радио, телевидению. Несмотря на отсутствие в стране социологического образования и профессионально подготовленных через него кадров специалистов, на предприятиях вводились должности и структуры (лаборатории, секторы, бюро и даже отделы и службы) под социологов.

В-третьих, несмотря на широкий спектр исследуемых направлений и проблем, Уральская социологическая школа имела явно выраженные приоритеты среди них, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культурных процессов в регионе. Ведущей была проблематика социологических исследований в области труда, культуры, образования, молодежи, социальной структуры, политических процессов, свободного времени и др.

В-четвертых, школа формировалась за счет хорошего знания социологами разных областей, республик и городов друг друга, постоянного общения, проведения совместных

исследований, конференций, семинаров, симпозиумов. Одну из основных ролей в этом неформальном творческом союзе и содружестве сыграли Уральские социологические чтения и, не побоимся сказать, лично Лев Наумович Коган, научный и человеческий авторитет которого был очень значительным. К Когану ездили все и за всем, что касалось науки, изданий, защит диссертаций.

Уральская социологическая школа имела и продолжает иметь широкое общественное признание, она хорошо известна в стране в целом, в первую очередь в российской социологической науке. В ней она всегда занимала и занимает сейчас (когда уже нет в живых ни одного из трех ее лидеров) достаточно заметные позиции. Об этом свидетельствуют многие факты: продолжающаяся практика проведения конференций и социологических чтений (в том числе новых – «Коганских», «Файнбургских», «Аитовских»); совместные публикации в виде издаваемых материалов чтений и конференций, а также специализированных выпусков журнала «Социс» (первый уральский выпуск состоялся в 1997 г. по инициативе Л.Н. Когана, с его заглавной статьей, и главного редактора журнала Ж.Т. Тощенко); создание ряда диссертационных советов, на заседаниях которых выступают в качестве оппонентов и представителей ведущих организаций, прежде всего, социологи Уральского региона; широкое участие в Российском обществе социологов и его руководящих органах; представительство в редакционной коллегии журнала «Социс» и др.

«Послекоганский» период социологии на Урале в XXI в., связанный с существенными преобразованиями в ней, подтвердил справедливость основных идей Л.Н. Когана о направлениях ее развития. Успехи уральской социологии во многом были подготовлены и стали результатом его многогранной деятельности. Этот результат в полной мере ощущают и сегодня все поколения уральских социологов. Коган жил, Коган жив, Коган будет жить и среди следующих их поколений! На это очень хочется надеяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов С.А., Коган Л.Н., Павлов Б.С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск: ИЭ УрО РАН, 1990.
- Вишневский Ю.Р., Докторов Б.З., Зборовский Г.Е., Павлов Б.С. Л.Н. Коган: «Я жил» // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 152–175. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5718.
- Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е. Социология на Урале: проблемы становления и развития // Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Отв. ред. Г.Е. Зборовский. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 4–12.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: ЕУ в СПб., 2013.
- Зборовский Г.Е. Л.Н. Коган и проблемы социологии образования // Л.Н. Коган. Феномен многогранной творческой личности: мат. юб. конф. (Екатеринбург, 18 марта 2008 г.). Екатеринбург: Маска, 2008а. С. 39–43.
- Зборовский Г.Е. Социология в регионе как предмет научного исследования // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 1. С. 121–142. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8841.
- Зборовский Г.Е., Вишневский Ю.Р. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008б. № 6. С. 69–74.
- Коган Л.Н. Неповторимая романтика социологии // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: РХГУ, 1999. С. 280–300.
- Коган Л.Н. Общее и специальное образование как предмет социологического исследования // Проблемы общего образования трудящихся промышленных предприятий Урала: сб. ст. Свердловск, 1969. С. 4–5.
- Коган Л.Н. Предисловие // Молодежь – будущее России: тезисы докладов X Уральских социологических чтений (11–12 сентября 1996 г.): в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: УИМ, 1996. С. 3–7.
- Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1992.
- Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984.
- Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса / Под ред. М.Т. Иовчука и др. М.: Соцэкгиз, 1961.

Статья поступила: 21.11.22. Принята к публикации: 10.02.23.

**L.N. KOGAN AND RUSSIAN SOCIOLOGY
(TO THE 100th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)****ZBOROVSKY G.E.***Ural Federal University, Russia*

*Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
(garoldzborovsky@gmail.com).*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role and contribution to the domestic sociological science of one of its great representatives in the second half of the XX century, L.N. Kogan, in connection with the centenary of his birth. A brief biographical sketch of Kogan, an analysis of the process of his formation and development as a sociologist – theorist and empiricist is offered. Some problems of theoretical sociology in the work of the scientist are considered. A general description of the empirical studies conducted under his leadership is given. The final section of the article is devoted to the analysis of the content of L.N.'s activity as the founder and head of the Ural Sociological School.

Keywords: L.N. Kogan, revival, formation and development of Russian sociology, Ural Sociological School, theoretical problems of sociology, empirical research, the significance of Kogan for Russian sociology.

REFERENCES

- Anisimov S.A., Kogan L.N., Pavlov B.S. (1990) *From the History of sociological research in the Urals (late XIX century – 1985)*. Sverdlovsk: IE UrO RAN. (In Russ.)
- Doktorov B.Z. (2013) *Modern Russian Sociology: History in Biographies and Biographies in History*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1969) General and special education as a subject of sociological research. *Problems of general education of workers of industrial enterprises of the Urals: proceedings*. Sverdlovsk: 4–5. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1984) *The aim and meaning of human life*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1992) *Sociology of culture*. Ekaterinburg: Uralsk. un-t. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1996) Introduction. *Youth – the future of Russia: abstracts of the reports of the X Ural Sociological Readings (September 11–12, 1996): in 2 parts*. P. 1. Ekaterinburg: UIM: 3–7. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1999) The inimitable romance of sociology. *Russian Sociology of the Sixties in memoirs and documents*. Ed. by G.S. Batygin. St. Petersburg: RHGU: 280–300. (In Russ.)
- The rise of the cultural and technical level of the Soviet working class*. (1961) Ed. by M.T. Iovchuk et al. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.)
- Vishnevsky Yu.R., Doktorov B.Z., Zborovsky G.E., Pavlov B.S. (2018) L.N. Kogan: "I lived". *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*. Vol. 24. No. 1: 152–175. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5718. (In Russ.)
- Vishnevsky Yu.R., Zborovsky G.E. (2015) Sociology in the Urals: problems of formation and development. In: *Sociology in the Urals: Rebirth and the Path to the XXI century*. Ed. by G.E. Zborovsky. Ekaterinburg: UrFU: 4–12. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2008) L.N. Kogan and problems of sociology of education. In: *L.N. Kogan. The phenomenon of a multifaceted creative personality: materials of the anniversary conference (Yekaterinburg, March 18, 2008)*. Ekaterinburg: Maska: 39–43. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2022) Sociology in a Region as a Subject of Scientific Research. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*. Vol. 28. No. 1: 121–142. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8841. (In Russ.)
- Zborovsky G.E., Vishnevsky Yu.R. (2008) Sociology in the Urals: features, achievements and problems. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 69–74. (In Russ.)

Received: 21.11.22. Accepted: 10.02.23.

Ю.Р. ВИШНЕВСКИЙ

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИНТЕРВЬЮ С УЧИТЕЛЕМ О СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

ВИШНЕВСКИЙ Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, почетный профессор УрФУ, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия (soc_stu@e1.ru).

Аннотация. В статье рассматривается вклад советского и российского социолога, философа, культуролога Льва Наумовича Когана (1923–1997) в возрождение, становление и развитие отечественной социологии культуры. Используется форма «вероятного интервью», в котором в качестве ответов приводятся материалы из статей и монографий Л.Н. Когана. Обсуждается его самореализационная теория культуры, определявшая культуру как меру реализации сущностных сил (потребностей и способностей) человека в его жизнедеятельности. Культура при таком – деятельностном – подходе не сводилась к накопленным достижениям, богатствам, совокупности культурных ценностей, она включала и «живую» деятельность по их производству, сохранению, распространению и освоению. Качественно изменялось и понимание творчества: его важнейшим результатом оказывались не только те или иные (материальные или духовные) продукты творчества, но и развитие самого человека, его способности, умения и стремления творить. Культура приобретала человекотворческий характер, а человек становился не только объектом культурного воздействия, но и субъектом развития культуры. Даже официальная цель «коммунистического» воспитания – всестороннее развитие личности – в рамках этой теории получала не количественное, а качественное измерение – наиболее полное развитие человека как субъекта культуры.

Ключевые слова: социология культуры • самореализационная теория • сущностные силы человека • актуальная культура • воспитание • всестороннее развитие личности • социализация и индивидуализация • социальное планирование

DOI: 10.31857/S013216250023797-9

Накануне 100-летнего юбилея Л.Н. Когана важной целью анализа его творчества становится оценка вклада ученого в «возрождение, становление и развитие социологии культуры» [Социологи..., 2014: 210]. Что касается формы и инструментария, то меня привлек биографический метод Б.З. Докторовой, особенно после того, как я сам стал одним из участников его биографических интервью. Понимание трудностей проведения интервью с человеком, которого нет, определило способ – поиск ответов в его работах. В литературе сохранилось лишь одно воспоминание самого Льва Наумовича – о становлении социологии в Свердловске (Екатеринбурге) [Коган, 1999]. Не осталось неопубликованных рукописей, но есть воспоминания его друзей, коллег, учеников, учеников его учеников. Главное, что об ученом, его вкладе в науку говорят его статьи и книги, в которых можно найти ответы на многие вопросы. Итак, начнем это не состоявшееся, но вполне возможное интервью.

Ю.В.: Лев Наумович, Ж.Т. Тощенко в интервью к 45-летию СоцИса назвал Вашу статью конца 1950-х гг. одной из первых публикаций по материалам современных социологических исследований¹.

Л.К.: Возрождение российской социологии обычно относят к 60-м годам XX в., к «хрущевской оттепели». Что же касается 50-х годов..., то молчаливо предполагается, что никакой социологии в то время существовать не могло. Между тем первые, весьма

¹ См.: [«Журнал живет...», 2019: 4].

несовершенные с современной точки зрения попытки ее возрождения все-таки предпринимались. И я считал своим долгом рассказать о них [Коган, 1999]. Конечно, мы не имели о социологии и ее методах серьезного представления. Да и книга² за пять лет подготовки выдержала столько редакторских и цензурных правок, что её только при наличии развитого воображения можно назвать социологическим исследованием [там же]. И все-таки – при всех её недостатках «она стала едва ли не первой попыткой возродить социологические исследования в послевоенной России [там же]. Да и для ее авторов это стало «живым делом». Мы вышли из кабинетов и аудиторий, общались с людьми – рабочими и инженерами сначала на «Уралмаше», а затем и на других предприятиях Урала, всего Советского Союза. Удалось и выявить ряд серьезных проблем и трендов. В частности, мною конкретизировалась идея Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу, рассматривалось обогащение понятий «навыки к труду» (с точки зрения «суммы общих и специальных знаний, необходимых для работы на данной машине или агрегате») и «передовой опыт». Отмечалось появление слоя рабочих-инженеров, рабочих-техников, что позднее вызвало целую дискуссию о рабочих-интеллектуалах. Наконец, нами было установлено, что чем выше уровень образования рабочего, тем сильнее стремление повышать его [Подъем..., 1961: 111–151]. Мы, конечно, понимали, что тогдашний уровень научно-технического прогресса еще не требует среднего технического или среднего образования для каждой профессии. Но считали, что «надо смотреть вперед. Рост культурно-технического уровня трудящихся должен опережать научно-технический прогресс. Нельзя и оценивать знания только с точки зрения узкопрофессиональных интересов. Существуют определенные социальные требования к образованию» [Коган, 2009а: 81].

Не могу не отметить доброжелательного отношения рабочих к исследованиям. В них виделся хотя бы робкий проблеск демократии, когда с человеком советуются, интересуются его мнением по коренным вопросам жизни предприятия. Формальное отношение к исследованиям со стороны руководителей справедливо воспринималось как проявление равнодушия к нуждам рабочих [Коган, 1999].

И, наконец, включившись в исследования, осознавая, как мало знаем о социологии, мы учились на ошибках, на опыте – своем и коллег. По крайней мере, уже на рубеже 1950–1960-х гг. журнал «Вопросы философии» опубликовал две мои статьи об опыте социологических исследований на предприятиях и об их методах [Коган, 1959; Коган, Руткевич, 1961].

Выделю еще один важный момент: эти первые исследования во многом определили, помогли найти мне свою тематику исследований. Меня давно уже волновали проблемы социологии культуры, которые стали основным стержнем моей научной работы [Коган, 1999].

Ю.В.: Ваш интерес к теории и социологии культуры с начала 1960-х гг. (эстетическая сторона процесса и результатов труда, эстетический вкус) по времени совпал с общим поворотом в советском обществоведении к культуре, с дискуссией о сущности культуры, активным участником которой Вы стали. В чем состоял смысл этого поворота? Какова была Ваша позиция?

Л.К.: «До начала 1960-х годов в нашей литературе почти отсутствовали серьезные обобщающие философские труды по коренным проблемам теории социалистической культуры. Сейчас этот пробел в определенной мере восполнен» [Коган, 2009а: 111]. В рамках дискуссии выявились разнообразные позиции для определения культуры, среди которых условно можно выделить три основные группы.

«Одну из них (и до недавнего времени наиболее распространенную) составляют определения, в которых выделяется предметная сторона культуры... культура рассматривается как совокупность ценностей, достижений, богатств, достигнутых человечеством в процессе его развития». Такие определения «вполне удовлетворяют исследователей при анализе культурного состояния общества с точки зрения содержания ценностей

² Речь идет о книге «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» [Подъем..., 1961].

культуры. Но в них недостаточно подчеркивается, хотя и предполагается активная деятельность людей по освоению мира. В определениях второй группы акцент делается на функциях культуры. Культура рассматривается как своеобразный механизм, регулирующий деятельность общества, как фактор прогрессивного развития общества и личности. Ценным в подобных определениях выступает подчеркивание активного характера культуры, ее роли в преобразовании мира, ее влияния на социальные процессы. Однако взаимосвязь культуры и личности трактуется в них, на наш взгляд, односторонне. Культура не только воздействует на человека, но и сама развивается в процессе его деятельности. Но деятельность человека, направленная на преобразование мира, в эти определения не включена, что мешает раскрытию источников развития культуры. Специфической чертой третьей группы определений культуры является акцент на творческую деятельность субъекта культуры. В них подчеркивается деятельная, творческая, активная сторона культуры. Наиболее полно раскрывая сущность содержания культуры, эти определения могут быть положены в основу <...> понятия "культура", которое можно определить как обусловленную способом материального производства активную творческую деятельность людей (индивидов, социальных групп, классов, общества) по освоению мира, в процессе которой производятся, сохраняются, распределяются и потребляются социальные ценности и нормы, а также совокупность самих этих ценностей и норм, опредмечивающих творческую деятельность людей» [Коган, 2009а: 117].

Ю.В.: Ваше определение культуры как активной творческой деятельности было связано и с более глубоким пониманием творчества. Не могли ли бы Вы раскрыть эту связь?

Л.К.: «Рассматривая творчество как создание социально значимого нового, мы <...> не могли согласиться с резким противопоставлением творчества стандартам, пониманием творчества как нестандартной деятельности в нестандартных ситуациях. Предпосылкой такого подхода выступает односторонне отрицательная характеристика стандартов без учета их сущности. Игнорируется <...> нормативная сторона культуры, поскольку культурное творчество выступает и как созидание новых норм, обычаев, т.е. определенных стандартов». Но главное – «диалектический характер культуры реализуется и в роли человека как субъекта и объекта культуры. История культуры – не только история накопления материальных и духовных благ, но и история развития потребностей людей, история развития человека как творца этих благ» [Коган, 2009а: 115].

Ю.В.: Понимание творчества в единстве процесса и результата предполагает, что самый важный результат – развитие субъекта творчества, обогащение его творческих сил и способностей. Стало ли такое понимание основой для разработки самореализационной теории культуры, с которой наиболее часто соотносят Ваш вклад в развитие отечественной социологии культуры?

Л.К.: «Культура как общественное явление выступает мерой и способом реализации сущностных сил человека (социального субъекта) в его деятельности и в созданных в результате этой деятельности продуктах материального и духовного производства» [Коган, 2009а: 183]. «Главная функция культуры... – человекотворческая» [Коган, 2009а: 194].

Понятие «сущностные силы» «раскрывает социальные потенции субъекта истории, возможность осуществления им той или иной социальной деятельности; сама социальная деятельность выступает реализацией, опредмечиванием социальных сил исторического субъекта; социальные силы характеризуют направленность и масштаб социальной деятельности субъекта. Сущностные силы человека формируются, реализуются и развиваются только в процессе практической деятельности. Развивая и опредмечивая их, человек тем самым "творит" самого себя» [Коган, 2009а: 205].

Ю.В.: Насколько же парадоксален ваш подход? В понимании культуры господствует принцип: хочешь быть культурным – набирай, набирай, набирай извне. А Вы ставите вопрос иначе: стали ли эти богатства твоими, насколько ты смог реализовать себя, свои способности? Подчеркивая деятельностный характер культуры, Вы

специфику социологии культуры соотносили с особым ракурсом изучения человеческой деятельности. Нельзя ли специально остановиться на этом вопросе?

Л.К.: «Культура характеризует развитие человека и связана с “ядром” его личности, духовным миром, с решением основных вопросов смысла его бытия» [Коган, 2009б: 121]. «Культура интересует социолога именно с точки зрения ее влияния на развитие личности, каково бы ни было это влияние – положительное или отрицательное, ведущее ее к деградации. Это влияние всецело зависит от содержания деятельности... Поэтому решающее значение для социолога имеет не сам факт участия человека в той или иной деятельности, а реальное содержание последней, ее фактическое влияние на развитие человека. Важны и мотивы занятия этой деятельностью» [Коган, 2009б: 123].

Ю.В.: **Особый – социокультурный – аспект интересовал Вас и на рубеже 1960–1970-х гг., когда Вы (вместе с коллегами по сектору Уральского филиала АН СССР) активно включились в движение социального планирования. Что это значило для Вас в исследовательском плане?**

Л.К.: Нас более всего интересовало «планирование развития личности работника, его потребностей, интересов и т.д. В этом случае план должен опираться на общий прогноз тенденций становления и развития личности и оценку условий, в рамках которых развитие личности будет особенно эффективным» [Коган, 2009а: 52]. Мы исходили из принципиальной невозможности планировать ни развитие личности, ни развитие культуры. Задача плана – создание оптимально возможных условий для их более полного развития [Коган, 1999]. В планировании культуры «речь вовсе не идет о нивелировке людей, их потребностей и интересов, о приведении их культурного развития к какому-то установленному заранее стандарту или шаблону» [Коган, 2009а: 73].

Ю.В.: **Ваш подход к культуре позволил, используя официальную терминологию «коммунистическое воспитание» и «всестороннее развитие личности», заметно углубить содержание этих понятий. Инновационной была и ваша трактовка «социализации». Если можно, остановитесь подробнее на этом.**

Л.К.: Всестороннее развитие личности – «наиболее полное и последовательное проявление и реализация социальных (сущностных) сил человека» [Коган, 2009а: 104]. Подчас в обыденном обиходе (а иногда и в научной литературе) всесторонность понимается именно как бесконечное умножение видов занятий. Но всесторонность предполагает лишь участие человека в основных, всеобщих видах деятельности – труде, познании, общении, общественно-политической, художественной, культурно-спортивной жизни. При этом личность отнюдь не старается охватить всю совокупность входящих в данную деятельность занятий и ее конкретных видов. Выбор круга знаний, специфического для каждой личности, и составляет ее индивидуальность, ее неповторимое “Я” [Вишнеvский, Зборовский, 2015: 7]. «Культура является средством социализации, то есть приобщения к общественному целому, становления как члена общества. Но сама эта социализация в ходе освоения культуры происходит как индивидуализация личности, как обретение ею своего, не похожего на других “я”. Социализация и индивидуализация – две стороны одного и того же процесса освоения культуры» [Коган, 2009б: 122]. «Благодаря сугубо индивидуальному присвоению всеобщих форм культуры одновременно осуществляются процессы и социализации, и индивидуализации личности, а диалектическое единство этих противоположностей и есть <...> условие развития каждого индивида. Так конкретно культура, обеспечивая и социализацию, и индивидуализацию личности, выступает в качестве механизма ее развития» [Коган, 2009а: 257].

«Овладение культурой во всем многообразии ее форм и проявлений» выступает «и средством воспитания, и его результатом». «В этом смысле процесс воспитания является частью культурной деятельности, хотя сводить весь процесс воспитания только к овладению культурой было бы ошибочно». «В процессе воспитания социальные идеи и нормы складываются в ядро личности, превращаются в ее убеждения, обогащают ее». «До сих пор встречается точка зрения, согласно которой воспитание выступает как

односторонний процесс влияния воспитателя на воспитуемого, которому отводится роль пассивного объекта воспитательного воздействия. При этом не учитываются активная жизненная позиция воспитуемого, его ответственность за свое развитие перед самим собой и всем обществом, степень его готовности к самовоспитанию» [Коган, 2009а: 237].

Ю.В.: Выявление субъектности («самости») проходит и через эмпирические исследования, в которых Вы и Ваши коллеги зачастую были первопроходцами, – слушатели музыки, аудитория кино-, ТВ, театров и клубов, читатели, коллекционеры, любители, участники художественной самодеятельности и научно-технического творчества. Эти исследования позволяли углублять и уточнять теоретические выводы. Из многообразия Ваших инноваций в социологии культуры хотелось бы остановиться на проблематике «актуальной культуры». Как бы тавтологично это ни звучало, сегодня она еще актуальнее. Согласились ли бы Вы с таким тезисом?

Л.К.: Проблема обострилась из-за «информационного бума»: «Лавинообразно увеличивается поток самой разнообразной информации, каждодневно воспринимаемой человеком. Естественно, освоить всю эту информацию невозможно, да, очевидно, и не нужно. Каков тот объем усвоенных личностью духовных ценностей общества, та степень участия в культурной деятельности, которые дают право человеку называться культурным? Ответ на этот и другие подобные вопросы невозможен без понятия “актуальная культура”» [Коган, 2009а: 108]. «Актуальная культура – всегда подвижная, динамическая система. В ходе общественного развития в ней всегда отмирают одни ценности, постепенно выходя из общего “оборота”, и включаются новые ценности, созданные сегодня. Актуальная культура не может изучаться в статике, в застывшем состоянии. К ней нужно подходить как к процессу» [Коган, 2009а: 110].

«Актуальная культура... – временное (и в определенной мере пространственное) понятие. Оно призвано выделить те ценности культуры прошлого, культуры других стран и народов, которые реально функционируют в данном обществе, в данную конкретную эпоху... Это понятие помогает отделить “живую”, находящуюся в реальном обращении культуру, от культуры “мертвой” или “невостребованной” в данный период» [Коган, 2009б: 146]. «Кто-то назвал культуру “великим кладбищем”, во всяком случае, сравнение это не лишено смысла. Неактуально в культуре то, что перестало реально функционировать в культурной коммуникации, “умершие” ценности и нормы культуры. Ряд произведений культуры, не нашедших отзвука в сердцах людей, неизбежно уходит со сцены, “умирает” и в лучшем случае, да и то не всегда, становится объектом изучения специалистов» [там же: 147]. «Актуальная культура имеет сложную структуру. Она состоит из нескольких слоев:

- слой общечеловеческих, непреходящих ценностей;
- национальная классика;
- произведения деятелей культуры прошлого и современности, поддерживаемые одними культурами (направлениями, школами), но отвергаемые другими;
- самым широким и мощным в любой культуре является тот непрерывно меняющийся слой, который мы называем современным “культурным потоком”. В нем могут оказаться и замечательные произведения, которые со временем станут классикой, но все же основная масса его произведений обречена на забвение чуть ли не сразу после их появления;
- особое место в актуальной культуре занимают те “невостребованные” ранее произведения, которые обогнали свое время и лишь сейчас получили свою аудиторию» [там же: 147–148].

Ю.В.: Отмечу и Ваше неприятие любых попыток искусственно «актуализировать» или «деактуализировать» ценности культуры во имя узкоклассовых, националистических, коммерческих интересов. Посвятив себя науке социологии (хотя в один ряд с ней можно поставить философию, эстетику, театроведение и массу других гуманитарных наук), Вы требовали серьезного отношения и к ней, и к её выводам и рекомендациям. Особенно нетерпимо Вы относились к формальному, конъюнктурному

отношению к науке. Отсюда Ваше стремление, например, в рамках социального планирования учесть особенности социокультурного развития и трудовых коллективов и отдельного работника; и Ваше обращение к работам «молодого Маркса» (который привлекал Вас и многих социологов Вашего поколения своим гуманизмом и явно отличался от официального псевдомарксизма тех времен). Много усилий приложив к изучению и развитию культуры межнационального общения, Вы одинаково критически относились и к тому, что целые поколения в советский период «воспитывались в духе вульгарного социологизма в отношении к национальной культуре», и к ситуации начала 1990-х гг., когда в ряде новых государств «начало проявляться нигилистическое отношение к культуре других наций и народов бывшего Союза и, прежде всего, – к русской культуре»³. В этом проявилась Ваша активная гражданская позиция. Завершить интервью хотелось бы Вашими размышлениями о Вечности.

Л.К.: «Мысли о Вечности рождают оптимизм, веру в наше будущее, в возможность (и необходимость) скорейшего преодоления современных трудностей и бед. Вечность – проблема реального гуманизма. У каждого из нас есть определившие его судьбу мгновения, свои “звездные часы”, свои интимные отношения с Вечностью. Но, думаю, у всех нас есть неистребимая вера в Россию, в ее будущее, в счастье ее народов» [Коган, 1994: 11].

Вместо заключения. Мое обращение к Учителю. Дорогой Лев Наумович, один из Ваших любимых учеников В.И. Волков сказал слова прощания:

Не прижился к врачам и палатам,
Взбунтовался Лев-Человек.
И ушёл. Но не в этот, Двадцатый,
А вперёд – в двадцать первый век!

И эти слова стали пророческими. Вы действительно шагнули в новое тысячелетие. Ваши идеи развиваются и обогащаются Вашими учениками и учениками Ваших учеников. В Уральском федеральном университете активно работают две ведущие социологические научные школы, у истоков которых стояли Вы, – социологии культуры и личности (руководители Ю.Р. Вишневский, А.В. Меренков) и исследований социальных общностей (руководитель Г.Е. Зборовский).

Мы продолжили Вашу традицию Уральских социологических чтений. В дни Вашего юбилея в рамках Уральского социологического форума объединятся XXIII Уральские социологические чтения и XXIII Когановские чтения. Надеемся в 2026 г. провести XXV юбилейные Чтения и отметить их 50-летие. Мы осуществили уникальный эксперимент – провели восемь этапов (1995–2020) мониторинга социокультурного развития студенчества Среднего Урала, реализовав и развив Ваши идеи по социологии культуры и социологии молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е. Уральские социологические чтения: историко-социологическое исследование. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2015.
- «Журнал живет, как и весь российский народ, в ожидании серьезных перемен в жизни страны» (интервью с Ж.Т. Тощенко) // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 3–10.
- Коган Л.Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1994.
- Коган Л.Н. Неповторимая романтика социологии // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Под ред. Г.С. Батыгина; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 280–301.
- Коган Л.Н. Опыт социологического исследования на промышленном предприятии // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 92–97.
- Коган Л.Н., Руткевич М.Н. О методах конкретно-социологического исследования // Вопросы философии. 1961. № 3. С. 123–133.

³ См.: [Коган, 2009б: 144].

- Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961–1987 гг. / Под общ. ред. Ю.П. Вишневого. Екатеринбург: Мaska, 2009а.
- Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1988–1993 гг. / Под общ. ред. Ю.П. Вишневого. Екатеринбург: Мaska, 2009б.
- Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М.: Соцэкгиз, 1961.
- Социологи России. История социологии в лицах: биобиблиографический справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Статья поступила: 21.11.22. Принята к публикации: 13.02.23.

WHAT WOULD AN INTERVIEW ABOUT THE SOCIOLOGY OF CULTURE WITH THE TEACHER LOOK LIKE

VISHNEVSKY Yu.R.

Ural Federal University, Russia

Yuriy R. VISHNEVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (soc_stu@e1.ru).

Abstract. In connection with the centenary of the Soviet and Russian scientist (sociologist, philosopher, culturologist) Lev Naumovich Kogan (1923–1997), the article specifies his contribution to the revival, formation and development of the national sociology of culture. The form of a nonreal interview was used. The author interpreted research materials from articles and monographs of L.N. Kogan. His “self-fulfilling” theory of culture is discussed, which defined culture as a measure of the realization of the essential forces (needs and abilities) of a person in his life. Culture with such an activity-based approach was not limited to accumulated achievements, wealth, totality of cultural heritage, it also included “live” activity for their production, preservation, distribution and development. The understanding of creativity also changed qualitatively: its most important result turned out to be not only certain (material or spiritual) products of creativity, but also the development of the person ability, skill and desire to create. Culture acquired a human-creative character, and a person became not only an object of cultural influence, but also a subject of cultural development. Even the official goal of “communist” education – comprehensive development of personality – within the framework of this theory received not a quantitative (versatility), but a qualitative dimension – the most complete development of a person as a subject of culture.

Keywords: sociology of culture, self-realization theory, essential human forces, actual culture, upbringing, all-round development of personality, socialization and individualization, social planning.

REFERENCES

- Kogan L.N. (1959) Experience of sociological research at an industrial enterprise. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 8: 92–97. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1994) *Eternity. The transient and the imperishable in a person's life*. Ekaterinburg: Ural. un-t. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1999) *The unique romance of sociology. In Russian sociology of the sixties in memoirs and documents*. Ed. by G.S. Batygin, S.F. Yarmolyuk. St. Petersburg: RHGI. (In Russ.)
- Kogan L.N. (2009a) *Personality. Culture. Society. Selected articles (1961–1987)*. Ed. by Yu.R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Maska. (In Russ.)
- Kogan L.N. (2009b) *Personality. Culture. Society. Selected articles (1988–1993)*. Ed. by Yu.R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Maska. (In Russ.)
- Kogan L.N., Rutkevich M.N. (1961) About methods of sociological research. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 3: 123–133. (In Russ.)
- Russian sociologists. The history of sociology in faces: a bio-bibliographic guide*. (2014) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: YUNITI-DANA. (In Russ.)
- “The journal lives, like the entire Russian people, in anticipation of serious changes in the life of the country” (interview with Zh.T. Toshchenko). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–10. (In Russ.)
- The rise of the cultural and technical level of the Soviet working class*. (1961) Moscow: Socgiz. (In Russ.)
- Vishnevsky Yu.R., Zborovsky G.E. (2015) *Ural Sociological Readings: historical and sociological research*. Ekaterinburg: Ural. un-t. (In Russ.)

Received: 21.11.22. Accepted: 13.02.23.

Б.С. ПАВЛОВ

К ИСТОРИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ НА УРАЛЕ

ПАВЛОВ Борис Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия (pavlov_boris@mail.ru).

Аннотация. Представлена основная проблематика социологических исследований молодых рабочих, проведенных в Институте экономики УрО РАН в 1960–1970-е гг. под руководством Л.Н. Когана. Эти исследования опирались на теоретические представления о том, что экономические отношения и соответствующее им социально-экономическое поведение следует изучать как двуединый процесс – экономизации всей социальной жизни, с одной стороны, и социализации экономической жизни – с другой. Обобщены основные результаты исследований поколенческой преемственности в труде, рабочих династий как фактора воспроизводства рабочих профессий, социальных проблем трудовых коллективов и рабочих общежитий. Показано формирование научных традиций уральской социологии, сделаны выводы о перспективах их развития в последние годы, в том числе об исследовании процесса профессиональной социализации молодых людей в рамках четырех основных институциональных образований: родительской семьи, школы, вуза, предприятия.

Ключевые слова: социология на Урале • молодые рабочие • преемственность поколений • рабочие династии • социальные проблемы промышленного региона • планы социального развития предприятий

DOI: 10.31857/S013216250023439-5

Академический институт на Среднем Урале как центр социологии в регионе. Социологическая наука на Урале в конце 1960-х – начале 1970-х гг. была еще молода, кадры малочисленны и разрознены. Открытие в это время в Институте экономики УрО РАН социологического подразделения, который возглавил профессор Л.Н. Коган, сыграло важную роль в подготовке квалифицированных кадров социологов. Сектор стал координирующим центром исследований, направленных на решение актуальных проблем социально-экономического развития, проблем культуры и труда в Уральском регионе.

Научные сотрудники сектора под руководством Л.Н. Когана одними из первых в стране начали разработку планов социального развития коллективов промышленных предприятий (Среднеуральского медеплавильного завода, Северского трубного завода, Нурекской ГЭС, фабрики «Уралобувь», завода «Пневмостроймашина» и др.), комплексных планов развития культуры ряда городов (Качканара, Нижнего Тагила) и областей – Омской, Челябинской, Свердловской. В дальнейшем проводились социологические исследования проблем планирования и развития сети культурпросветучреждений, уровня художественной культуры трудящихся Урала, научно-технического творчества, культуры рабочей семьи и т.д., в конце 1970-х гг. – социалистического образа жизни коллективов трудящихся крупных промышленных предприятий [История Института экономики..., 2002].

Научный коллектив под руководством Л.Н. Когана обосновывал теоретические предположения о том, что экономические отношения и соответствующее им социально-экономическое поведение людей пронизывают все процессы их повседневной жизнедеятельности,

поэтому важно изучать двуединый процесс – растущей экономизации всей социальной жизни, с одной стороны, и нарастающей, подобно эффекту бумеранга, социализации экономической жизни – с другой. Рассмотрим некоторые из этих неординарных проектов уральских социологов, реализованных в 1970-е гг.

Профессионально-трудовая династийность как предмет социологического анализа. С конца 1960-х гг. социологами ИЭ УрО РАН под руководством Л.Н. Когана было проведено более десяти массовых опросов населения в уральских городах (Челябинск, Копейск, Сатка, Миасс, Златоуст, Оренбург, Гая, Орск, Бузулук и др.) по проектам «Семьи – династии» (1976), «Воспитатели – Челябинск» (1978), «Жильцы общежитий – Оренбург» (1978), «Культура семьи» (1978) и др.

Одним из наиболее значимых было комплексное исследование по проблемам рабочих династий, которое проводилось в 1974–1975 гг. совместно с Оренбургским обкомом КПСС и объединением «Оренбургнефть». На предприятиях Оренбургской области было опрошено более 2 тыс. взрослых горожан и проинтервьюировано 265 работников предприятий – основателей рабочих семей-династий, а также более 3 тыс. членов таких семей [Коган и др., 1977].

Устойчивое воспроизводство промышленного рабочего класса и, соответственно, рост числа потомственных рабочих на промышленных предприятиях пришлось на период послевоенной модернизации советского общества. В 1970-х гг. завод «Уралмаш» насчитывал 1700 династий, Нижнетагильский металлургический комбинат – 1073 трудовые семьи и династии, на промышленных предприятиях Свердловской области одновременно работало более 30 тыс. трудовых династий. По мнению западных социологов (см.: [Bertaux, Bertaux-Wiame, 1997]), данный феномен – один из проектов коммунистической идеологии, противопоставившей «рабочую аристократию» аристократии дореволюционной сословной России. Идеология воплощалась в ритуалах официального чествования потомственных рабочих как «знатных людей» промышленного предприятия.

В условиях современного образа жизни феномен династийности предполагает унаследование сыновьями, внуками профессий, профессиональных навыков и традиций, сохраненных и приумноженных их отцами, дедами, прадедами. В этих семьях не только наследуются трудовые и профессиональные качества, но и передаются любовь и приверженность к определенному предприятию, производственному коллективу. Специфические условия труда на протяжении нескольких поколений формируют у членов таких семей особые качества и черты. Труд выступал своеобразным стержнем, вокруг которого формировалась и развивалась семья-династия. В общественной практике 1970-х гг. выделялись различные типы трудовых семей-династий: рабочие династии, династии хлеборобов, свекловодов, хирургов, ткачей, машиностроителей, рыбаков, музыкантов и т.д., передающих из поколения в поколение верность труду и профессии.

Было выявлено, что с повышением уровня «династийности» рабочих семей заметно росла их роль в ориентировании детей на труд в конкретном производственном коллективе. Сам этот механизм представлялся исследователям сложным социальным явлением, и понимание его сущности требовало специальных социологических и социально-психологических исследований для выявления причинно-следственной связи появления тех или иных мотивов и ценностных ориентаций, определявших поведение молодых людей на пороге их гражданской зрелости.

При всей значительной роли семей-династий, они тем не менее (в силу своей малочисленности) не могли решить всех проблем, которые возникали в сфере общественного воспитания молодежи. В Свердловской области в 1970-е гг., например, насчитывалось около одного миллиона семей трудящихся, а семей-династий – немногим более 20 тыс. Эффективное включение рабочей семьи в решение проблемы воспроизводства социально-классовой и профессионально-квалификационной структуры общества требовало, по мнению Л.Н. Когана, единого общегосударственного подхода к выработке и реализации стимулирующих в этом направлении мер. Одной из таких мер считалось поощрение успешной педагогической деятельности родителей, семей вне зависимости от того, где трудятся их дети.

Поколения молодых рабочих: ретроспективный взгляд социологов. В конце 1974 г. у Л.Н. Когана возник замысел социологического проекта, посвященного условиям воспитания молодых рабочих, отношениям «отцов и детей» в трудовых коллективах, изменениям образа жизни молодых поколений, т.е. процессу воспроизводства молодой смены рабочего класса. В сердцевине проекта были понятия «молодой рабочий Урала», «преемственность молодых рабочих поколений», «ретроспективный опрос».

По результатам его осуществления была опубликована книга «Молодой рабочий: вчера, сегодня», в которой нашли отражение образ жизни двух поколений рабочих уральских городов – Свердловска и Каменска-Уральского. По одной и той же методике были опрошены ветераны труда и кадровые рабочие (о днях их молодости), а также молодые рабочие этих городов (об их современной жизни). Исследование показало тесную связь, преемственность и различия поколений советского рабочего класса [Коган, Павлов, 1976].

Интересным предметом анализа в этом проекте стала заработная плата как основной источник доходов. Поскольку она составляла более 80% всего дохода семьи, ее размеры и способ получения служили не только характеристикой уровня жизни представителей двух поколений, но и определяли образ жизни, в том числе содержание непродуцированной жизнедеятельности.

Были выявлены важные особенности в оплате труда уральских рабочих в 1930-е и 1970-е гг. Так, средний заработок на Урале был намного ниже, чем в других развитых экономических районах страны, из-за технической отсталости уральских предприятий, а разрыв между зарплатой молодого и кадрового рабочего был значительным. Все это существенно отражалось на условиях жизни, и в первую очередь на питании и одежде. В особенно затруднительном материальном положении находились рабочие-одиночки и молодые семьи, жившие отдельно от родителей. Почти каждый десятый молодой рабочий в 1930-е годы вместо отпуска брал денежную компенсацию или подрабатывал в отпускные дни где-нибудь.

В 1970-е гг. среднемесячный заработок молодого уральского рабочего лишь на 7–10% был ниже среднего заработка кадровых рабочих, а заработок молодых работниц по отношению к их сверстникам-юношам составлял 82%. Работники перестали жертвовать отпуском ради денежной компенсации за него, экономить на улучшении питания, покупке продуктов. Фраза «наесться досыта хлебом», часто повторявшаяся ветеранами, для молодого поколения 1970-х звучала парадоксально.

Своеобразным объектом для изучения благосостояния и благополучия рабочих стала одежда. Колоритный эмпирический материал был получен в беседах с рабочими-ветеранами: «Сейчас одеваются на работу так, как раньше на праздник не ходили»; «Костюм купили, а ботинки носил материны до 18 лет»; «Раньше рубаха шею смозолит, прежде чем новую купишь». Тканями, одеждой и обувью рабочие поощрялись за ударный труд: «За хорошую работу дали бирку на одно ситцевое платье»; «В книжке ударника было отмечено: премируется двумя кусками мыла, кальсонами, рубашкой, брюками и сапогами»; «Сапоги и ботинки вручали на митингах. Считалось самым большим подарком» (речь идет о 1920–1930-х гг.). Конечно, опрос молодых рабочих 1970-х гг. показал экзотичность таких деталей быта и значительные изменения в их образе жизни, произошедшие вслед за повышением их материального благосостояния.

Упомянутое исследование, идеологом которого стал Л.Н. Коган, продолжило важную традицию уральской науки, заданную исследованиями молодых рабочих 1920-х гг. [Анисимов, Павлов, 2018]. Прошли десятилетия, изменились мода, вкусы, пристрастия, условия труда уральцев, система их социальной защиты, но неизблемы основные скрепы – традиционные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу), нравственные ориентиры: крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, историческая память и преемственность поколений.

Проблема рабочих общежитий в молодёжной и социальной политике СССР. В основу изучения состояния рабочих общежитий в стране был положен анализ обширного статистического материала и фактологической базы данных, полученных уральскими исследователями в результате проведения комплекса социологических исследований в Уральском регионе. Особо отметим такое исследование, как «Паспортизация рабочих общежитий», предполагавшее анализ социально-демографического состава проживающих в 204 рабочих общежитиях Свердловской, Пермской, Челябинской областей, Украинской ССР [Павлов, Плотников, 1973], опрос их воспитателей [Павлов, 1972], опрос жильцов общежитий в городах Свердловской, Карагандинской и Оренбургской областей, а также их активистов по хозяйственно-бытовой и культурно-воспитательной проблематике. Столь разнообразные предметно-объектные, географические характеристики социологического поля были обусловлены высокой актуальностью, всеохватностью и производственной значимостью.

По заданиям и предложениям Л.Н. Когана в программу этих исследований был включен анализ количественно-качественных показателей хозяйственно-бытовой и воспитательной работы в общежитиях, наличия предметов одежды и обуви у несемейных рабочих и служащих, бюджетов их заработной платы. Эмпирические данные были обработаны с помощью электронной цифровой вычислительной машины «М-20» в лаборатории математико-экономических моделей Института математики и механики УНЦ АН СССР. Л.Н. Коган особое внимание уделял теории и практике математической обработки статистических материалов, осуществлявшейся группой под руководством Н.В. Мартыновой. Кроме того, залогом успеха проводимых исследований было конструктивное взаимодействие с партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями, заинтересованными в научных заказах и оказывавшими мощную организационную помощь.

Тематика рабочих общежитий стала с тех пор своеобразным научно-практическим брендом социологического подразделения Института экономики УНЦ АН СССР. В это время были реализованы многие десятки исследовательских проектов по этой проблеме, результаты которых были переданы в распоряжение органов власти, опубликованы в сотнях статей в центральных и местных СМИ («Правде», «Советской России», «Комсомольской правде», «Уральском рабочем», «Челябинском рабочем» и др.).

Эмпирические данные уральских социологов служили в те годы репрезентативным подтверждением актуальности и остроты проблемы рабочих общежитий в различных областях СССР и научной основой разработки планов социального развития многих уральских (и не только) предприятий, городов, территорий.

Заключение. Мониторинговые исследования, проводимые в Институте экономики УрО РАН в последние два десятилетия, продолжают традиции, заложенные Л.Н. Коганом в бытность его руководителем отдела социологических исследований. Эти исследования показывают, что в современных условиях трансформации общественно-экономических отношений в России возможна и необходима особая кадровая политика промышленных предприятий, основанная на сохранении семей-династий. Конечно, социальные и экономические условия изменились, однако идея Л.Н. Когана о целенаправленном формировании в семьях кадровой и профессиональной преемственности, сохранении профессиональной приверженности детей «делу отцов» остается актуальной.

Развивается и другая социологическая традиция, выраженная в исследовании профессионально-производственного коридора подготовки молодых специалистов. Современные уральские социологи обосновывают целенаправленное и заинтересованное сопровождение процесса профессиональной социализации молодых людей по мере их взросления, в рамках четырех основных институциональных образований: родительской семьи, школы, вуза, предприятия. Подобное сопровождение, по их мнению, способствует адресному воспроизводству структуры кадров региона в профессиональном и производственно-поселенческом разрезе, создавая реальные условия для удовлетворения потребностей подготовки кадров в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов С.А., Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики. УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.). Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2018.
- История Института экономики Уральского отделения Российской академии наук / Под ред. А.И. Татариной. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2002.
- Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Опыт историко-социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х годов. На материалах Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976.
- Коган Л.Н., Павлов Б.С., Поляничко В.П. Трудовые династии Оренбуржья. Оренбург: Вып. ОК КПСС, 1977.
- Павлов Б.С. Воспитатель общежития // Молодой коммунист. 1972. № 4. С. 82–88.
- Павлов Б.С., Плотников Н.А. Ключ от дома для трех миллионов (О проблемах рабочего общежития) // Молодой коммунист. 1973. № 4. С. 28–31.
- Bertaux D., Bertaux-Wiame I. Heritage and its Lineage: A Case History of Transmission and Social Mobility over Five Generations // Pathways to Social Class. A Qualitative Approach to Social Mobility / Ed. by D. Bertaux. P. Thompson. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 62–97.

Статья поступила: 21.11.22. Принята к публикации: 01.02.23.

ON THE HISTORY OF EMPIRICAL RESEARCH OF YOUNG WORKERS IN THE URALS

PAVLOV B.S.

Institute of Economics of UB RAS, Russia

Boris S. PAVLOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Leading Researcher at the Institute of Economics of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (pavlov_boris@mail.ru).

Abstract. The article presents the history of the formation and problems of sociological studies of young workers conducted at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in the 1960s and 1970s under the guidance of Professor L.N. Kogan. These studies were based on theoretical ideas that economic relations and their corresponding socio-economic behavior should be studied as a two-pronged process – the economization of all social life, on the one hand, and the socialization of economic life, on the other. The main results of research on generational succession in labor, working dynasties as a factor of reproduction of working professions, social problems of labor collectives and workers' dormitories are summarized. The formation of scientific traditions of Ural sociology is shown, conclusions are drawn about the prospects of its development in recent years, including the study of the process of professional socialization of young people within the framework of four main institutional formations: parent family, school, university, enterprise.

Keywords: sociology in the Urals, young workers, continuity of generations, working dynasties, social problems of the industrial region, plans for the social development of enterprises.

REFERENCES

- Anisimov S.A., Pavlov B.S. (2018) *Sociological research at the Institute of Economics. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (a half-century excursion based on the results of 1968–2018)*. Ekaterinburg: IE UrO RAN. (In Russ.)
- Bertaux D., Bertaux-Wiame I. (1997) Heritage and its Lineage: A Case History of Transmission and Social Mobility over Five Generations. In: *Pathways to Social Class. A Qualitative Approach to Social Mobility*. Ed. by D. Bertaux. P. Thompson. Oxford: Clarendon Press: 62–97.
- History of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. (2002) Ed. by A.I. Tatarin. Ekaterinburg: IE UrO RAN. (In Russ.)
- Kogan L.N., Pavlov B.S. (1976) *Young worker: yesterday, today. The experience of historical and sociological research of the lifestyle of young workers of the 30s and 70s. Based on the materials of the Urals*. Sverdlovsk: Sredne-Uralskii knizhnoe izd-vo. (In Russ.)
- Kogan L.N., Pavlov B.S., Polyanchko V.P. (1977) *Labor dynasties of Orenburg region*. Orenburg: OK CPSU. (In Russ.)
- Pavlov B.S. (1972) The teacher of the dormitory. *Molodoi communist* [Young Communist]. No. 4: 82–88. (In Russ.)
- Pavlov B.S., Plotnikov N.A. (1973) The key to the house for three million (On the problems of the workers' dormitory). *Molodoi communist* [Young Communist]. No. 4: 28–31. (In Russ.)

Received: 21.11.22. Accepted: 01.02.23.

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

ЦИНЬ ЛИ, Н.С. БАБИЧ

ДОСТОВЕРНОСТЬ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КИТАЕ

Ли Цинь – кандидат филологических наук, старший преподаватель Института иностранных языков Юго-Восточного университета, Нанкин, КНР (chineseli@mail.ru); БАБИЧ Николай Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент кафедры социологии РУДН, Москва, Россия (sociolog@mail.ru).

Аннотация. Международная ситуация повысила актуальность анализа общественного мнения в Китае. Специфика китайского общества позволяет оппонентам КНР критиковать проводящиеся в ней социологические опросы, используя такие аргументы, как отсутствие в стране «демократической общественности», самоцензура респондентов, подозрения в политической цензуре, нерепрезентативность выборок. Авторы статьи рассматривают эти критические аргументы и доказывают, что они либо легко опровергаются, либо с не меньшими основаниями должны предъявляться всем исследованиям общественного мнения в мире. Приведенные контраргументы доказывают, что данные опросов в КНР заслуживают доверия и позволяют анализировать тенденции общественного мнения, хотя такой анализ, безусловно, должен учитывать обычную для любого общества вероятность самоцензуры респондентов и то, что большинство выборок в Китае репрезентирует в первую очередь наиболее активное городское население.

Ключевые слова: общественное мнение • КНР • самоцензура • достоверность опросов • репрезентативность выборок

DOI: 10.31857/S013216250024880-1

В сложившейся международной ситуации большое значение приобретают тенденции общественного мнения Китая – крупнейшей по многим параметрам экономики мира, торгового партнера и непосредственного соседа России. В то же время есть аргументы против возможности достоверного анализа общественного мнения в КНР, которые выдвигаются, в основном, исследователями, занимающими прозападные и антикоммунистические позиции. Во-первых, они считают, что в современном Китае отсутствует общественное мнение как таковое за неимением его субъекта – демократической общественности [Thornton, 2011]. Во-вторых, предполагается, что в КНР особенно сильна самоцензура респондентов [Robinson, Tannenberg, 2019]. В-третьих, критикуется практика проведения и презентации опросов, ограниченная, как предполагается, государственной политической цензурой [Song, Lu et al., 2017]. В-четвертых, отмечается использование

Статья выполнена при финансовой поддержке соавтора Цинь Ли фондами фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект № 2242020S20050 и проект № 2242020R10030) и фондами проекта провинции Цзянсу «Двойная творческая докторская степень» (JSSCBS202030305).

нерепрезентативных выборок, часто ограничивающихся жителями крупных городов [Zhang, 2004]. Перечисленные возражения распространены в научной литературе и, надо это признать, имеют некоторые основания – теоретические и эмпирические. Следовательно, прежде чем анализировать тенденции общественного мнения в КНР, социологам необходимы аргументы против описанных возражений. Авторы данной статьи ставят задачу представить их в систематизированном виде.

Первое возражение относится к самому существованию в Китае института общественного мнения. Как известно, в современном западном обществе он во многом сформировался в первой половине XX в. под влиянием электоральных опросов, в особенности успеха Д. Гэллага в предсказании итогов президентских выборов 1936 г. в США. Такая политическая природа общественного мнения в западных странах требует более или менее выраженной редукции его к сумме индивидуальных мнений – по образцу голосования на выборах [Ferrin, McFarland, 2011].

Описанного «электорального» индивидуализированного общественного мнения в КНР действительно может не существовать. Во-первых, из-за иной организации власти в социалистическом государстве опросы практически не являются инструментом предвыборной борьбы. Во-вторых, отличается отношение населения к опросам. Средний представитель западной культуры, участвуя в опросе общественного мнения, прежде всего, осуществляет самопрезентацию [Neuman, 2012: 237]. Китайский же респондент под влиянием культурных традиций [Cho, 2000] и устройства политической системы [张荣臣 (Zhang Rongchen), 2007: 27–32] выступает скорее как представитель социальной группы, выражающий не только свою личную, но и коллективную позицию.

Следует учитывать, что КНР может отличаться от Запада отношением к опросам со стороны политического руководства. Свою роль сыграла здесь практика «собеседований», введенная в 1960-х гг. в партийную работу Мао Цзэдуном для, как тогда это называли, осуществления учебы на опыте народных масс [Цзэ-дун, 1969: 8–9]. По своей организации эти собеседования с представителями народа сильно напоминали фокус-группы, они играли существенную роль в выработке решений руководством КНР вплоть до конца 1970-х гг., когда были заменены на более объективные массовые опросы [Zhu, 1988]. Однако смена метода не означала смены цели, так что опросы населения также стали выполнять функцию своего рода «консультаций с народом» при принятии решений руководством страны.

Все отмеченные особенности китайского общественного мнения в значительной степени корреспондируют, например, с российской социологической традицией. Б.А. Грушин полагал, что общественное мнение представляет собой «органический продукт общественной жизни, некое коллективное суждение, возникающее в процессе и результате весьма сложной социальной коммуникации – публичной дискуссии» [Грушин, 2001: 16–17].

Если рассматривать общественное мнение не как квазиголосование, а как латентно вырабатываемое социально влиятельное коллективное суждение, то его существование в современном Китае оказывается вполне очевидным. Во всяком случае, нет недостатка в исследованиях, показывающих влияние коллективных суждений граждан КНР на самые разные стороны жизни страны – загрязнение окружающей среды [Zhang, Li et al., 2018], практику смертной казни [Zhou, 2018], устойчивость банковского сектора [Ouyang, Chen et al., 2022] и т.п. Существенное воздействие коллективное суждение населения КНР оказывает на формирование внешней политики современного Китая [张志明 (Zhang Zhiming), 2007] – как в аспекте выработки ее общей линии [Weiss, 2019], так и в конкретных ситуациях [Chubb, 2019]. Отметим, что в последние десятилетия закономерно наблюдается быстрый рост публикаций на китайском языке, посвященных анализу общественного мнения [Zhao, Jin et al., 2022].

Но возможно ли измерить общественное мнение в условиях самоцензуры респондентов, существование которой предполагается критиками современного Китая? Наиболее простым индикатором самоцензуры представляется доля респондентов, затрудняющихся ответить на политически чувствительные вопросы. Некоторые исследования показывают, что по этому критерию самоцензура действительно может присутствовать в КНР [Ratigan, Rabin, 2020].

В то же время детальный анализ распределения «не-ответов» показывает, что их повышенный уровень в китайских опросах приходится на социальные группы, обладающие сравнительно меньшими информационными и экономическими ресурсами, а также более низким образованием (женщины, крестьяне, представители низших классов и старших поколений), в то время как молодые городские профессионалы демонстрируют тот же уровень готовности высказываться, что и в западных обществах [Shen, Truex, 2021]. Для этого отклонения более убедительным объяснением, чем самоцензура, служит хорошо известная социологам неодинаковая способность представителей разных социальных страт к «производству мнения» [Бурдые, 1993: 168]. Дополнительный вес этой интерпретации придают результаты экспериментов, которые показывают, что позитивное отношение к государственной власти в КНР проявляется в косвенных измерениях, таких как эмоциональные реакции на появление в социальной рекламе упоминаний Коммунистической партии Китая (КПК) [Stockmann, Esarey et al., 2018]. Если население Китая в целом демонстрирует имплицитное доверие к правительству [Huang, Intawan et al., 2022], то указание на аффилиацию опроса с КПК не ведет к повышению уровня «не-ответов» и доли лояльных респондентов [Lei, Lu, 2017]. Таким образом, влияние самоцензуры на достоверность измерения общественного мнения в КНР, как и в любом обществе, отнюдь не исключено, но его какая-то особая сила маловероятна, так как доказательства ее существования фрагментарны и частично опровергаются другими эмпирическими исследованиями.

Следующая проблема состоит в предполагаемой политической цензуре китайских опросов. Она решается сравнительно легко, так как значительная часть китайских исследований может быть верифицирована с использованием опросов населения КНР, проведенных западными институциями, такими как Исследовательский центр Пью, Институт Гэллапа и т.п. Эти организации активно изучают мнение жителей Китая по, например, международным вопросам, анализируя их отношение к различным странам, включая Россию.

Более серьезного внимания заслуживает проблема репрезентативности выборок, распространяющаяся и на исследования зарубежных центров, которые также в большинстве своем охватывают только жителей крупных городов КНР. Например, «диспропорционально городской» во все годы проведения международного «Опроса о глобальных установках» в Китае являлась выборка Исследовательского центра Пью [Pew Research Center, 2022]. В наиболее подробном из доступных нам описаний этой выборки указано, что опрос проводился в 12 крупных городах, 12 малых городах и 12 деревнях, при этом последние находились поблизости от городов опроса (т.е. фактически были сельскими пригородами), так что в целом такая выборка репрезентировала примерно 64% взрослого населения КНР [Pew Research Center, 2012]. Японский аналитический центр Genron NPO, ежегодно проводящий опросы по теме международных отношений в Азии, довольствуется интервьюированием респондентов в 10 крупных городах в основных географических районах Китая [Genron NPO, 2021].

Очевидно, причины такой концентрации выборок в немалой степени связаны с логистическими трудностями организации интервьюирования респондентов – территориальной удаленностью и сравнительно слабой транспортной доступностью многих сельских районов. Но может играть роль и языковой фактор: трудно проводить общенациональные опросы в стране с множеством очень сильно (гораздо сильнее, чем в России) различающихся диалектов, особенно характерных для сельской местности (как известно, единое информационное пространство городской жизни постепенно стирает диалектные различия). Оба эти фактора существенно повышают затраты на опросы «лицом к лицу» вне крупных городов, население которых гораздо более доступно для контакта в логистическом и в языковом аспекте. Но и в городах присутствуют сравнительно менее доступные группы – плохо образованные, бедные и т.п. Описанная ситуация знакома и наблюдателю, вовлеченному в социально-политические исследования в России. В самом деле, объективная доступность и готовность принимать участие в исследованиях для образованных москвичей и петербуржцев, попадающих практически во все выборки

опросов национального уровня, превосходит как доступность жителей небольших отдаленных сельских регионов, которые во многие выборки могут вообще не попадать, так и готовность участвовать в опросах малограмотных бедных жителей мегаполисов.

Отчасти решением проблемы могли бы выступать опросы в Интернете, нивелирующие транспортные расходы и не требующие знания диалектов от интервьюеров (китайская иероглифическая письменность предполагает одинаковое обозначение объектов, часто очень по-разному называемых в различных диалектах). Действительно, Центрально-европейский институт азиатских исследований в описании своего дебютного онлайн-опроса, проведенного весной 2022 г., претендует на репрезентацию всего населения КНР [Turcsanyi, Dubravcikova et al., 2022: 3]. Однако исследователи из компании Ipsos, многие годы проводящие онлайн-опросы в Китае, продолжают предостерегать пользователей данных, что их выборка смещена в сторону городского, более образованного и состоятельного населения [Bricker, 2021: 3].

Причиной такого положения вещей является как наличие бедных слоев с низким образованием в городах, так и существенные различия между городским и сельским населением, закрепленные в институте регистрации по месту жительства («хуцзи», кит. 户籍), во многом аналогичной действовавшей в СССР разрешительной системе «прописки». Реформируемая в последние годы в сторону повышения равенства, она, тем не менее, традиционно определяет многие культурные, политические и образовательные возможности домохозяйств, расширяя ресурсы городского населения и сужая – сельского. Кроме того, в Китае до сих пор не преодолена традиционная бедность сельского населения, наряду со сравнительно более низким образованием сокращающая способность крестьян к «производству» релевантного мнения. Все это делает опросы общественного мнения в сельской местности крайне проблематичными не только с точки зрения объективной доступности сельских респондентов, но и с точки зрения их собственной готовности и способности участвовать в интервью. Этот фактор, разумеется, продолжает воздействовать и на переселенцев из деревни в город, снижая представленность в выборках малограмотных и сравнительно бедных горожан.

На первый взгляд, аргумент нерепрезентативности выглядит неопровержимым. Ведь если массовый социологический опрос плохо репрезентирует сельских жителей в стране, где их доля, как в КНР, в начале 2020-х гг. составляет порядка 36–37%, такой опрос становится заведомо непредставительным. Однако этот критический подход кажется убедительным лишь до тех пор, пока сравнение осуществляется с идеализированными правилами проведения опросов, а не с реальностью других стран. Представим себе, что сельское население Китая совершенно не участвует в массовом опросе (как это происходит в исследованиях Genpop NPO); тогда оно увеличивает долю недоступных для обследования единиц генеральной совокупности на 37%. Это кажется большой величиной до тех пор, пока мы не сталкиваемся с тем, что из-за общей низкой готовности разговаривать с незнакомыми людьми и низкой готовности участвовать именно в опросах доля доступного для телефонных выборок населения в США, по современным оценкам, колеблется на уровне 9–20% [Keeter, 2017: 375]. А так как телефонные опросы сегодня являются одним из основных способов сбора данных, то недоступными для них оказываются от 80% до 91% американцев. И это не мешает интенсивному анализу динамики общественного мнения в США. На этом фоне «выпадение» из выборки чуть более трети генеральной совокупности не кажется критическим нарушением методических норм. Разумеется, оно имеет значение и должно учитываться при анализе, но аргумент о бессмысленности такого анализа теряет остроту. Кроме того, с точки зрения своего политического веса доступная для опросов генеральная совокупность (с большей вероятностью городские, более образованные и богатые, более активные жители) может превосходить нерепрезентируемую часть населения Китая [Shirk, 2008].

Итак, анализ возражений против достоверности исследований общественного мнения в КНР показал, что эти возражения либо преодолеваются, либо – с не меньшими основаниями – должны предъявляться вообще всем исследованиям общественного мнения. На самом

деле общественное мнение формируется и активно воздействует на социальные процессы в современном Китае, хотя и отличающимся от западных политических систем способом. При этом оно может быть достаточно надежно исследовано массовыми опросами, хотя при их анализе необходимо учитывать вероятность самоцензуры респондентов и то, что большинство выборок при социологических опросах в КНР смещены в сторону населения, с большей вероятностью проживающего в городах, а относительно городского населения – в сторону более образованных, обеспеченных, социально и политически активных горожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. [Bourdieu P. (1993) *Political sociology*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)]
- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. М.: Прогресс-Традиция, 2001. [Grushin B.A. (2001) *Four lives of Russia in the mirror of opinion polls. 1st life*. Moscow: Progress-Tradicia. (In Russ.)]
- Цзэ-дун М. Избранные произведения в 5 т. Т. III. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1969. [Ze-dong M. (1969) *Selected works in 5 vol. Vol. III*. Beijing: Izd-vo lit-ry na inostr. yaz. (In Russ.)]
- Bricker D. (2021) *Ipsos World Affairs*. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-11/World-Affairs-Global-Survey-2021-Halifax-Security-Forum.pdf> (accessed 10.12.22).
- Cho H. (2000) Public opinion as personal cultivation: A normative notion and a source of social control in traditional China. *International Journal of Public Opinion Research*. No. 3: 299–323. DOI: 10.1093/ijpor/12.3.299.
- Chubb A. (2019) Assessing public opinion's influence on foreign policy: the case of China's assertive maritime behavior. *Asian Security*. No. 2: 159–179. DOI: 10.1080/14799855.2018.1437723.
- Genron NPO. (2021) *Japan-China Public Opinion Survey 2021*. URL: <https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/211025.pdf> (accessed 10.12.22).
- Huang H., Intawan C., Nicholson S.P. (2022) In Government We Trust: Implicit Political Trust and Regime Support in China. *Perspectives on Politics*. First view. 1–19. DOI: 10.1017/S1537592722001037.
- Keeter S. (2017) The Impact of Survey Non-response on Survey Accuracy. In: D.L. Vannette, J.A. Kroshnick (eds). *The Palgrave Handbook of Survey Research*. New York: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-54395-6_47.
- Lei X., Lu J. (2017) Revisiting political wariness in China's public opinion surveys: Experimental evidence on responses to politically sensitive questions. *Journal of Contemporary China*. No. 104: 213–232. DOI: 10.1080/10670564.2016.1223104.
- Neuman W.L. (2012) Designing the Face-to-Face Survey. In: L. Gideon (ed.). *Handbook of Survey Methodology for the Social Sciences*. New York: Springer.
- Ouyang Z., Chen S., Lai Y., Yang X. (2022) The correlations among COVID-19, the effect of public opinion, and the systemic risks of China's financial industries. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. Vol. 600(c): 127–518. DOI: 10.1016/j.physa.2022.127518.
- Pan J., Xu Y. (2018) China's ideological spectrum. *The Journal of Politics*. No. 1: 254–273. DOI: 10.1086/694255.
- Perrin A.J., McFarland K. (2011) Social Theory and Public Opinion. *Annual Review of Sociology*. Vol. 37: 87–107. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102659.
- Pew Research Center. (2012) Growing Concerns in China about Inequality, Corruption. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2012/10/Pew-Global-Attitudes-China-Report-FINAL-October-10-2012.pdf> (accessed 10.12.22).
- Pew Research Center. (2022) Country Specific Methodology. URL: <https://www.pewresearch.org/methods/interactives/international-methodology/all-survey/china/all-year/> (accessed 10.12.22).
- Ratigan K., Rabin L. (2020) Re-evaluating political trust: The impact of survey nonresponse in rural China. *The China Quarterly*. Vol. 243: 823–838. DOI: 10.1017/S0305741019001231.
- Robinson D., Tannenbergh M. (2019) Self-censorship of regime support in authoritarian states: Evidence from list experiments in China. *Research & Politics*. No. 3: 1–9. DOI: 10.1177/2053168019856449.
- Shen X., Truex R. (2021) In search of self-censorship. *British Journal of Political Science*. No. 4: 1672–1684.
- Shirk S.L. (2008) *China: Fragile Superpower*. Oxford: Oxford University Press.
- Song Y., Lu Y., Chang T.K., Huang Y. (2016) Polls in an authoritarian space: reporting and representing public opinion in China. *Asian Journal of Communication*. No. 4: 339–356. DOI: 10.1080/01292986.2016.1261362.

- Stockmann D., Esarey A., Zhang J. (2018) Who is afraid of the Chinese state? Evidence calling into question political fear as an explanation for overreporting of political trust. *Political Psychology*. No. 5: 1105–1121. DOI: 10.1111/pops.12471.
- Thornton P.M. (2011). Retrofitting the steel frame: From mobilizing the masses to surveying the public. In: S. Heilmann, E. Perry (eds). *Mao's Invisible Hand: The Political Foundations of Adaptive Governance in China*. 237–268. DOI: 10.1163/9781684171163_009.
- Turcsanyi R.Q., Dubravcikova K., Kironka K., Wang T., Iocovozzi J., Gries P., Vasekova V., Chubb A. (2022) *Chinese views of the world at the time of the Russia-Ukraine war. Evidence from a March 2022 public opinion survey*. Olomouc: Palacky University and CEIAS. URL: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2022/05/CN-poll-report-final_may11.pdf.
- Weiss J.C. (2019) How hawkish is the Chinese public? Another look at “rising nationalism” and Chinese foreign policy. *Journal of Contemporary China*. No. 119: 679–695. DOI: 10.1080/10670564.2019.1580427.
- Zhang S., Li Y., Hao Y., Zhang Y. (2018) Does public opinion affect air quality? Evidence based on the monthly data of 109 prefecture-level cities in China. *Energy Policy*. Vol. 116: 299–311. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.02.025.
- Zhang Y. (2004) Public Opinion Without a Public? State Democracy, Middle-Class Consumerism and Opinion Surveys in Post-Mao China. *Southern Review: Communication, Politics & Culture*. No. 2: 4–21.
- Zhao T., Jin C., Zhai X. (2022) The Evolution and Development of Public Opinion Analysis in China – From the Perspective of Bibliometric Analysis. In: X. Shi, G. Bohacs, Y. Ma, D. Gong, X. Shang (eds). *Proceedings of the 11th International Conference on Logistics, Informatics and Service Sciences*. Singapore: Springer: 401–414.
- Zhou Z. (2018) China's Death Penalty Reforms and Trials under the Influence of Public Opinion. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. No. 2: 582–604. DOI: 10.1515/zstw-2018-0023.
- Zhu J.H. (1988) Public opinion polling in China: A descriptive review. *Gazette*. Vol. 41. No. 2: 127–138. DOI: 10.1177/001654928804100204.
- 张志明. 中国共产党与中国民主政治. 北京: 五洲传播出版社, 2007. [Zhang Zhiming. (2007) The Chinese Communist Party and Chinese Democratic Politics. Beijing: China Intercontinental Press. (In Chinese)]
- 张荣臣. 中国共产党的组织与机制. 北京: 五洲传播出版社, 2007. [Zhang Rongchen. (2007) Organization and Mechanism of the Chinese Communist Party. Beijing: China Intercontinental Press. (In Chinese)]

Статья поступила: 12.12.22. Финальная версия: 28.12.22. Принята к публикации: 16.01.23.

REABILITY OF PUBLIC OPINION POLLS IN CHINA

LI QIN*, BABICH N.S.** ***

*Southeast University, PRC; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; ***RUDN University, Russia

Qin Li, Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Southeast University, Jiangsu Province, Nanjing, PRC (chineseli@mail.ru); Nikolay S. BABICH, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Associate Prof. at the Department of Sociology, RUDN University, Moscow, Russia (sociolog@mail.ru).

Acknowledgements. Co-author of this article Li Qin was supported by Fundamental Research Funds for Chinese Central Universities (Project No. 2242020S20050 and Project No. 2242020R10030) and Jiangsu Province Project “Double Creative PhD” (JSSCBS202030305).

Abstract. The current international situation has increased importance of analyzing public opinion in the PRC. But the specificity of Chinese society allows critics of the PRC to put forward arguments (lack of “democratic public”, self-censorship of respondents, suspicions regarding political censorship, non-representative samples) against such an enterprise. This article systematically examines and refutes these arguments. The undertaken analysis shows that they are either easily overcome, since they are based on fragmentary data, or, with no less reason, should be addressed to all studies of public opinion in the world. This makes it possible to rely on polling data in the PRC and analyze public opinion trends with their help, although such an analysis should take into account likelihood of self-censorship of respondents, common for any society, and the fact that most samples in China represent, first of all, the most active urban population.

Keywords: public opinion, PRC, self-censorship, reliability of surveys, samples' representativity.

Received: 12.12.22. Final version: 28.12.22. Accepted: 16.01.23.

В.И. ИЛЬИН

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ» КАК КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИЛЬИН Владимир Иванович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (ivi-2002@yandex.ru).

Аннотация. Целью данной статьи является адаптация категории человеческого капитала, разработанной в рамках экономической науки, применительно к задачам и возможностям качественной социологии, в центре внимания которой стоит действующий человек. В рамках социально-конструктивистской методологии «человеческий капитал» – это не объективная данность, а шанс, который становится реальностью только в результате компетентных волевых усилий. Категория человеческого капитала интерпретируется здесь с позиций неомарксистской традиции и экзистенциальной социологии. Человеческий капитал в рамках неомарксистской логики – это не какие-то объективные атрибуты человека, а возникающие на основе их использования социально-экономические отношения. Экзистенциализм исходит из того, что у человека, стремящегося к самореализации, всегда есть та или иная степень свободы выбора (в данном случае использовать или не использовать ресурс, а если использовать, то как). Таким образом, капитализация человеческих ресурсов зависит, с одной стороны, от рыночной ситуации в конкретном месте (баланса спроса и предложения на определенные качества работников), а с другой – от субъектности их обладателей, т.е. наличия желания, воли и способности использовать свои ресурсы в качестве капитала в контексте имеющихся условий. В результате одинаковые человеческие ресурсы (шансы) разные индивидуумы используют по-разному. Предмет исследования сдвигается с классического вопроса «Кто и что имеет?» на процесс превращения абстрактных возможностей в реальность индивидуального социального положения, т.е. на то, кто и как использует шансы. Процесс капитализации человеческих ресурсов столь сильно подвержен индивидуализации, что его проблематично зафиксировать с помощью методов социальной статистики. Качественная методология сдвигает предмет исследования в сторону типологизации стратегий и практик капитализации человеческих ресурсов.

Ключевые слова: человеческий капитал • рабочая сила • рыночная ситуация • субъектность • экзистенциальная ситуация • качественная социология

DOI: 10.31857/S013216250024881-2

Постановка проблемы. Уже с XVII–XVIII вв. формировались представления о человеке как важном факторе производства (У. Петти, А. Смит). К. Маркс разработал концепцию рабочей силы как специфического товара, понимая под ней совокупность способностей человека, с которыми он может выйти на рынок труда [Маркс, 1987]. Эти способности являются вероятностными ресурсами: они могут быть проданы или остаться невостребованными по тем или иным причинам.

Во второй половине XX в. была разработана теория человеческого капитала [Schultz, 1961; 1968; Becker, 1964; Mincer, 1958]. Ее практическая значимость состояла прежде всего в экономическом обосновании необходимости инвестиций в образование [Marvel et al., 2016: 599; Константиновский и др., 2011: 18]. В докладе Всемирного банка констатируется, что «экономическое развитие и человеческий капитал представляют собой две неразрывно связанные категории»¹. Под человеческим капиталом понимаются «все свойства

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант No. 19-29-07559.

¹ The World Bank. Building Human Capital. Lessons from Country Experiences. Developing Human Capital in Egypt through Energy Subsidy Reforms: A Case Study. April 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35533/Developing-Human-Capital-in-Egypt-through-Energy-Subsidy-Reforms-A-Case-Study.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 11.02.23).

личности, имеющие отношение к экономической деятельности»². В России эта концепция вызвала научный энтузиазм в начале XXI в., когда по этой теме появились сотни публикаций и диссертаций (почти исключительно экономических).

«Человеческий капитал, – писал один из основоположников этой теории, – является строго экономической категорией. Хотя она имеет отношение к определенным качествам человека, она не предназначена для обслуживания тех, кто занимается психологическим, социальным или культурологическим анализом поведения» [Schultz, 1961: 5]. Она достаточно жестко привязана к возможностям сбора статистических данных.

Однако идея о том, что человек является фактором производства, имеет большой социологический потенциал. Так, категория рабочей силы стала одним из ключевых элементов классовой теории К. Маркса [Маркс, 1987]. Концепция человеческого капитала дала толчок разработке «социологии человеческого капитала» [Sawyer, 1978]. Она является базовой моделью почти для всех исследований дифференциации заработной платы [Tomaskovic-Devey et al., 2005: 59]. Другой путь эволюции этой категории – от капитала как категории политической экономии к инструменту социального анализа [Бурдые 2002; Попов, 2020; Радаев, 2003; 2005; Тихонова, 2006; Sorensen, 2000]. В результате расширяется список изучаемых форм капитала, в т.ч. и инкорпорированных в человека.

Категории человеческих ресурсов и капитала при переносе в социальные науки несут на себе «родимые пятна» экономической науки. Во-первых, человек рассматривается не как ключевая самостоятельная ценность, а как ресурс развития фирмы, региона, государства или страны. Во-вторых, социальный факт интерпретируется в традиции позитивизма как объективная информация, очищенная от субъективных «помех», т.е. собственно от многомерного человека. В-третьих, методология адаптируется к возможностям квантификации и к логике статистического анализа, что предполагает минимизацию учитываемых различий.

Между тем, как констатирует П. Штомпка, прослеживается тренд к «третьей социологии» как поворот к экзистенциальной повседневности [Штомпка, 2009]. И это уже социология как наука о существовании человека в обществе. Это предполагает сдвиг в сторону исследования субъектности людей.

Такой поворот предполагает серьезный пересмотр категорий человеческих ресурсов и капиталов применительно к возможностям качественной социологии, в которой субъективные и объективные факторы рассматриваются как две стороны одной медали – социальности. Если для классической социологии характерен вопрос «кто и что имеет?», то в данном случае он дополняется вопросом о том, кто и как использует имеющиеся шансы.

3. Бауман очень точно определил формирующуюся новую социальную реальность как «текущую современность» [Бауман, 2008]. В ней происходит и качественное изменение человеческих ресурсов: они тоже становятся текучими, изменчивыми, непредсказуемыми, быстро девальвируются, а их смысл и ценность привязаны к нескончаемому потоку ситуаций. Понять микропроцессы трансформации текучих ресурсов с помощью жестких статистических методов становится все сложнее.

Человеческие ресурсы как шансы. Объективные возможности человека – это не факторы с однозначным статусом, а шансы. Их надо суметь декодировать и «поймать». Распространенное в социологии стирание грани между категориями ресурса и капитала уводит в тень проблему превращения шансов в реальность. В данном процессе можно выделить несколько фаз.

1. **Потенциал** – это абстрактная возможность, рассматриваемая вне сложного контекста ситуации ее использования (образование, измеряемое длительностью обучения или сертификатами, возраст, состояние здоровья). Одной из стратегий поведения людей является накопление скрываемых от посторонних глаз сокровищ, которые становятся

² OECD (1998) Human Capital Investment: An International Comparison. OECD.

самоцелью³. Человеческие ресурсы (знания, навыки, физическая сила и ловкость) также могут накапливаться без четкого ответа на вопрос «зачем?». В фольклоре этот феномен описывается с помощью образа спящего богатыря: достоверно только то, что человек спит, все остальное – предмет веры.

2. **Ресурсы** – это возможности, реально используемые для обеспечения деятельности человека⁴. Это энергия, делающая возможной активность в той или иной форме. Потенциал, который не используется, не является ресурсами, как и природные объекты, с которыми местное население пока не знает, что делать. Человеческие ресурсы можно разделить на два типа: потребительские и рыночные (капитал).

а. **Ресурсы, обладающие потребительской стоимостью.** Здоровое тело позволяет наслаждаться активной жизнью, диплом повышает самооценку, знание иностранного языка разнообразит досуг.

б. **Человеческие ресурсы как товар.** Индивид выводит на рынок свои телесные, интеллектуальные и культурные возможности, ставшие товаром, обменивая их на всеобщий эквивалент (деньги)⁵, т.е. монетизируя. Только в этой ситуации человеческие ресурсы приобретают свойства рабочей силы или капитала как стоимости, способной к самовозрастанию в процессе рыночного оборота. При этом индивид может поймать или упустить шанс, выбрать разные пути самореализации. Качественное интервью позволяет углубиться в стратегии и практики, мотивацию, блокирующие превращение формального потенциала в ресурс.

3. **Упущенные возможности.** Значительная часть приобретаемого людьми личностного потенциала в силу разных причин не используется и вполне закономерно и неизбежно девальвируется до полной его утраты. Неиспользуемые сила и ловкость, профессиональные знания, «мягкие навыки» (soft skills) и знание иностранных языков достаточно быстро девальвируются, превращаясь в предмет воспоминаний. Взрослые информанты нередко вспоминали, как задолго до окончания школы они запускали те или иные предметы. В результате профессиональный выбор определялся структурой когда-то упущенных шансов.

Упущенные возможности – это одно из основных проявлений процесса социального исключения. Эти негативные ресурсы составляют фундамент социального статуса безработных – как временных, так и постоянных, людей, исключенных из учебных заведений, всех тех, кто отказался от разных форм самореализации в сфере труда, личной жизни, интеллектуального и физического самосовершенствования.

Структура рыночной ситуации. Возможность превращается в действительность в контексте конкретной ситуации, локализуемой в пространстве и времени. Социально-психологические эксперименты показывают, что максимальная статистическая корреляция между показателями, характеризующими выраженность тех или иных индивидуальных различий, и поведением в новой ситуации составляет 0,30. Это то, что называют потолком предсказуемости поведения. Но в большинстве случаев психологи не могут получить даже близкую к этому показателю корреляцию [Росс, Нисбетт, 2000: 33]. Судьба человеческого потенциала решается в контексте рыночной ситуации.

Способность к труду сама по себе не является товаром и капиталом. Это лишь возможность (часто очень небольшая) при определенных обстоятельствах стать ими. Рыночная ситуация состоит из нескольких основных элементов.

³ Накопление денег становится самоцелью. «Вследствие этого деньги окаменевают в виде сокровищ» [Маркс, 1987: 125].

⁴ Для обозначения реального ресурса нередко используется категория актива [Тихонова, 2006].

⁵ «Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительской стоимости, посредством обмена» [Маркс, 1987: 41]. Это определение товара в полной мере относится и к человеческим ресурсам. Эта же логика просматривается и в тезисе В.В. Радаева, подчеркивающего, что различные виды капитала только тогда могут рассматриваться в качестве таковых, когда они способны конвертироваться один в другой и в экономический капитал [Радаев, 2003: 21].

1. Человеческий потенциал как совокупность абстрактных возможностей экономической самореализации. Именно такие данные собираются социальной статистикой и в ходе массовых опросов (работоспособное население, количество людей с аттестатами разного типа и т.д.).

2. Наличие спроса на эти возможности, т.е. рабочих мест. «Способность к труду, – подчеркивал К. Маркс, – еще не означает труд <...>. Если способность к труду не может быть продана, рабочему от нее нет никакой пользы» [Маркс, 1987: 165]. Повсюду в ходе интервью в российской глубинке звучит диагноз: «Работы здесь нет!». Трудоустройство – это не только способность индивида найти подходящее для себя рабочее место. Это еще и реакция работодателя на те или иные свойства соискателя [Wilson et al., 1995; Holzer, 1996]. Часто она имеет произвольный характер. Его субъектность является очень важным элементом рыночной ситуации. Столь индивидуализированная, запутанная и противоречивая рыночная ситуация, сильно отягощенная субъектностью работодателя или его представителя, плохо поддается описанию с помощью жестких методов.

3. Субъектность (агенсу) – это наличие у потенциального работника осознанных потребностей, способностей, знаний, желаний, навыков, воли, привычек, ценностных ориентаций, минимальных стандартов, вектора устремлений и других субъективных условий реализации потенциала. Субъектность можно описать с помощью формулы «хочу + знаю + могу». Индивид лепит свою судьбу по своему проекту, но только из доступного ему материала.

С. Квале отмечал, что качественное исследовательское интервью, являясь профессиональной беседой, основано на обыденном разговоре, цель которого – описать жизненный мир интервьюируемого [Квале, 2003: 15]. А жизненный мир является своего рода социальным навигатором, задающим логику поступков. В такой неформализованной беседе, обращенной и в прошлое, и в настоящее, мы разбирали с нашими информантами логику субъективных факторов, порождающих совершенно объективные поступки и практики.

4. Определение рыночной ситуации. Как гласит Теорема Томаса, ситуации, которые люди определяют как реальные, реальны по своим последствиям [Thomas, Thomas, 1928: 572]. В нашем исследовании информанты, объясняя выбор вузовской специальности, нередко ссылались на то, что им и/или их родителям «казалось», что та или иная специальность «беспспективна» или наоборот «востребована». При этом основания для таких оценок часто очень сомнительны: либо давно устарели, либо опираются на случайные примеры. Однако последствия такой оценки ситуации вполне реальны: выпускники школ совершают выбор, исходя из нее.

Составной частью оценки ситуации является видение горизонта будущего. И не важно, что это – мираж или контуры реальности. В обоих случаях они определяют устремления в настоящем и составляют содержимое социального навигатора.

Ж.-П. Сартр сформулировал ключевой принцип экзистенциализма: человек обречен быть свободным, делать свободный выбор и нести ответственность за него [Сартр, 1989: 327]. Определив ситуацию, он решает, входить в нее или избежать, выбирает в рамках доступного ассортимента возможностей свой вариант, а потом несет бремя последствий за свои прозрения и заблуждения. Большинство социальных ситуаций имеют определенный ассортимент для выбора.

Рабочая сила как ресурс. «Под рабочей силой, или способностью к труду, – писал К. Маркс, – мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [Маркс, 1987: 159]. В этой ситуации человек исполняет социальную роль наемного работника, монетизируя свои ресурсы. Концепция человеческого капитала внесла коррективы, адекватные новой эпохе: рабочая сила не может измеряться только в часах, важным фактором продуктивности является также ее качество, которое определяется инвестициями в образование и профессиональные навыки [Becker, 1972; Schultz, 1961; 1972]. «Способность к труду» во многих сегментах рынка труда включает в себя не только физические данные, но неотделимые от индивида (инкорпорированные) культурные ресурсы.

Социальное взаимодействие в форме купли / продажи рабочей силы превращает абстрактную способность в ресурс. Она не существует в сослагательном наклонении, которое нередко встречаем в полевом исследовании: «Если бы мне предложили хорошую работу, я бы работал». Похожими фразами часто рационализуется собственная устойчивая безработица. Ресурс не знает сослагательного наклонения. Он либо задействован, либо его нет.

Проблема качественной адекватности вакантных мест и человеческого потенциала. Связь рабочих мест и человеческого потенциала имеет конкретно-исторический характер: то, что крайне востребовано в одной ситуации (место-время), может быть совершенно бесполезно в другой. Как констатировал О.И. Шкаратан, в разные исторические периоды и в зависимости от ситуации в месте проживания даже в условиях одного типа общества бывают востребованы разные компоненты потенциала индивидов [Шкаратан и др., 2003: 398–399]. При нехватке людей с соответствующими ресурсами их обладатели получают также «ренту за дефицитность» их активов. Преодоление дефицитности ведет соответственно к исчезновению этой ренты [Тихонова, 2006].

В теории человеческого капитала выделяют два типа: общий и специализированный [Becker, 1964]. Специализированный человеческий капитал – это ресурсы, имеющие ценность для конкретного работодателя. Это могут быть навыки, выработанные в конкретной фирме (специализированная профессиональная подготовка и адаптация к практикам на определенном рабочем месте) [Tomaskovic-Devey, 2005: 64]. Такие специализированные характеристики рабочей силы крайне слабо улавливаются с помощью жестких методов сбора данных.

Неспециализированные человеческие ресурсы также ценятся работодателями. Отражением интереса именно к таким ресурсам является нередко встречающееся объявление: «Требуется работник с высшим образованием». В этом есть вполне четкая логика: человек, хорошо окончивший университет, гораздо быстрее и с меньшими издержками пройдет обучение на конкретном рабочем месте, чем тот, кто не выработал навыков освоения нового знания. Однако спросом пользуется не сам диплом, а ожидаемые от его обладателя мягкие навыки.

Проблема адекватности вакантных мест и субъектности. Рабочая сила – это не только способность к труду, но и адекватность предложения работодателя запросам работника в контексте масштабов доступного выбора. Для локальных рынков труда России типична ситуация, когда есть рабочие места, есть адекватная им рабочая сила (возраст, квалификация), но желающих заниматься таким трудом и/или за такую оплату нет. Два противоречивых диагноза гармонично сочетаются: «Работы нет» и «Работать никто не хочет». При этом уровень оплаты труда лишь частично объясняет этот феномен. Революция притязаний, захватывающая условия труда, его увлекательность, креативность и перспективы самореализации существенно ограничивают роль фактора оплаты. Молодые люди из глубинки в ходе интервью в той или иной форме повторяют мотив своего отъезда в большой город: «Не пойду же я работать на ферму (лесопилку, стройку)!» Если голодный человек сговорчив и неразборчив в выборе путей обеспечения физического выживания, то сытый начинает понимать, что не хлебом единым жив человек.

В ходе нашего полевого исследования часто встречаются информанты (особенно молодые), которые, сетуя на свои материальные проблемы, без колебаний отвергают доступные рабочие места в силу не только недостаточной, как им кажется, оплаты труда, но и непривлекательного режима работы (например, «от звонка до звонка»), необходимости ездить каждый день на большое расстояние, скучного содержания труда или его тяжести, монотонности, непрестижности и т.д. Часто за таким рыночным поведением стоит семья, старшие члены которой в той или иной форме субсидируют затягивающийся на годы поиск «детьми» подходящего места.

Этот процесс открывается только с помощью мягких методов сбора и анализа данных. В ходе интервью и наблюдения выявляется запутанный процесс самоопределения стоимости рабочей силы отдельного индивидуума, т.е. той оплаты труда, за которую он

готов занять данное место. Однако только в процессе работы он решает, насколько долго будет здесь трудиться.

Трансформация потенциала в человеческий капитал. Рабочая сила как капитал – это способность к труду (товар), которая, будучи пущенной в рыночный оборот, создает прибавочный продукт. Иначе говоря, сами по себе качества индивида, его потенциал еще не являются капиталом⁶. Это лишь возможность. В определенной ситуации личностный потенциал капитализируется. И этот процесс удачного или неудачного превращения ресурса в капитал – ключевой вопрос нашего исследования молодежи как в больших городах, так и в глубинке. Четкое разведение категорий рабочей силы и человеческого капитала представляет собой специфическое рыночное отношение, существующее в пульсирующем режиме: одно и то же свойство человека то капитализируется, то декапитализируется. Такие характеристики – это сущность, являющаяся в разных формах, капитал – одна из них.

К. Маркс анализировал автономию капитала по отношению к физической форме на примере средств производства и денег. Суть капитала не в его материальной форме, а в социально-экономических отношениях. В XX в. в общественных науках утвердилось представление о том, что формы капитала могут быть самыми разнообразными и не сводимыми к деньгам и средствам производства.

Наблюдаются две модели превращения человеческих ресурсов в человеческий капитал: самозанятость и делегирование предпринимательской функции работодателю.

(а) Самозанятость как капитализация личностных ресурсов. Самозанятый выходит на рынок как предприниматель, предлагая либо только свои знания и навыки, материализуемые в услуги, либо этот же набор личных качеств вместе с произведенным благодаря им товаром. С одной стороны, он сам себе продает свою рабочую силу, стоимость которой равна расходам на ее воспроизводство с учетом его семейного статуса (например, наличие или отсутствие семьи, наличие детей, статус занятости жены). При нормальном развитии бизнеса он создает стоимость, превышающую расходы на воспроизводство его рабочей силы (прибавочную стоимость). В противном случае рано или поздно он приходит к выводу о бессмысленности этой деятельности. Прибавочная стоимость используется по его усмотрению в тех или иных пропорциях на расширение дела и / или на повышение уровня жизни. В этой модели индивидуум сам превращает свой личностный ресурс в капитал⁷, возрастающий в рыночном обороте.

Ключевым фактором выбора этой стратегии реализации личностного потенциала является наличие предпринимательской субъектности (специфической системы ценностных ориентаций, характера, навыков и знаний, способности к самоорганизации и т.д.). Нет предпринимательства без предприимчивости. Предприимчивость – это деловая активность, инициативность, способность к начинанию и осуществлению дела, приносящего успех, стремление к экономической самостоятельности, сильная ориентация на материальный успех и т.д. [Позняков, 2012: 345].

Предприимчивость – это достаточно дефицитное качество. В ходе полевых исследований в российской глубинке нам часто приходилось встречать людей, имеющих землю, простейшие орудия труда, автомобиль, здоровье и трудовые навыки, но сетующих на отсутствие работы. В ответ на вопрос о том, почему они ничего не производят на рынок, они отвечают, что торговать – это не их дело, вот если бы кто-то организовал, тогда они

⁶ Данный подход не связан с логикой и категориальной сеткой П. Бурдьё, который, во-первых, выделял экономический капитал, прямо и непосредственно конвертируемый в деньги, как особую форму наряду с культурным и социальными капиталами, во-вторых, не видел жесткой связи между рынком и капиталами.

⁷ В классическом марксизме средства производства ремесленника не являются капиталом, если они не используются с привлечением наемного труда. Но неомарксист Э.О. Райт не столь категоричен и рассматривает классовые отношения не как биполярные, а как континуум. И в этом случае самозанятые оказываются в противоречивой классовой позиции, совмещающей в одном лице позиции и работодателя, и наемного работника.

готовы работать. При этом нередко такие люди соглашаются на самую жесткую и неприкрытую эксплуатацию своего труда (например, их нанимают за минимальную зарплату или скупают за бесценок продукты их приусадебного хозяйства). В этой модели поведения индивидуум уходит от предпринимательских рисков, отказываясь одновременно и от прав на прибавочный продукт. Таким образом, предприимчивость – это ключевая предпосылка превращения человеческих ресурсов в человеческий капитал.

(б) Делегирование предпринимательской функции работодателю. Гораздо более распространена модель делегирования работодателю предпринимательских функций, позволяющих превращать рабочую силу в капитал. Например, индивидуум продал свою рабочую силу за 1000 руб. в сутки, но в реальности он создает за этот же время стоимость в 1500 руб. Проданная рабочая сила не принадлежит работнику на оговоренное в контракте время. Работодатель решает, как ее использовать (кому не нравится, имеет возможность уйти), и присваивает прибавочную стоимость в качестве предпринимательского дохода.

(в) Смешанная модель. Она представлена разными вариантами. Во-первых, успешный самозанятый может расширить свое дело за счет привлечения наемных работников; во-вторых, рабочие или специалисты, обладающие наиболее ценным культурным капиталом, могут участвовать в распределении прибыли. В последнем случае возникает противоречивая ситуация нового среднего класса.

От индивидуализации к типизации. Возникновение человеческого капитала как социального отношения распознается только в социальной ситуации как комплексе объективных и субъективных факторов, локализованных во времени и пространстве и порождающих эффект социокультурного поля. Это ситуационное поле [Ильин, 2003]. Мягкие (качественные) методы исследования рынка труда и трудовых отношений на предприятиях (см.: [Абрамов, 2022; Пинчук, 2021; 2022; Практики управления..., 2005; Старовойтенко, 2022]) позволяют зафиксировать и понять процессы совладания индивидуумов с проблемными ситуациями как комплексами шансов.

Следовательно, наиболее адекватной стратегией изучения этого процесса представляется кейс-стади. При этом в качестве кейсов могут выступать очень ограниченные во времени и пространстве случаи социального взаимодействия, биографии и локальные объекты (населенный пункт, рынок труда, фирма). Наблюдение, в т.ч. и визуальное, полужоформализованные (особенно глубинные) интервью, анализ личных документов (в т.ч. блогов) выступают в качестве методов сбора данных, позволяющих объемно описать кейсы. Текучая реальность схватывается только с помощью мягких методов.

Первый этап исследования в русле логики такой стратегии – это этнографическое описание логики выбора, совершаемого индивидуумами на перекрестках своих биографий. При анализе каждой такой ситуации центральное место занимает исследовательский вопрос: почему одни шансы используются, а другие упускаются или используются столь по-разному? На выходе на этом этапе – этнографический кейс.

Второй этап исследования – восхождение к абстрактной модели в духе логики grounded theory. Из хаотичной массы эмпирических данных исследователь методом «возгонки» конструирует модель, объясняющую в теоретических терминах процесс работы информанта с шансами. При этом возможна модель и отдельной ситуации⁸, и биографии.

Индивидуальные кейсы бесчисленны. Однако этнография – это лишь первая ступень. На третьем этапе происходит классификация всех выявленных индивидуальных моделей поведения в ситуациях выбора и их интеграция в мини-теории, преодолевающие рамки одной биографической траектории. Таким образом, происходит переход от индивидуализации через кейс-стади к типизации моделей, проводимой по тому или иному критерию.

⁸ Такая типизация использована в книге «Двое в обществе: интимная пара в современном мире» (В.И. Ильин – руководитель авторского коллектива; под научной редакцией И.В. Ломакина. М.: ВЦИОМ, 2020).

Заключение. Категория человеческого капитала активно проникает из экономических наук в социологию, что часто ведет к упрощению проблемы человеческого капитала, оставляя без ответа вопросы о разных формах реализации человеческих ресурсов при их схожих статистических описаниях.

Предложенная в данной статье концептуализация категории «человеческого капитала», опирающаяся на логику неомарксизма и экзистенциализма, ориентирована на использование возможностей мягких методов. Ее основные положения можно свести к нескольким тезисам.

1. Человек как совокупность телесных, психических и культурных характеристик – это проект, возможность, которая может быть использована в разных формах: (а) абстрактный человеческий потенциал; (б) потребительский ресурс; (в) упущенные шансы; (г) человеческий капитал как потенциал, который, будучи вовлеченным в рыночный оборот, самовозрастает, становится источником прибыли. В последнем случае ресурс превращается в капитал либо непосредственно в форме самозанятости, либо опосредованно через продажи работником своей рабочей силы работодателю.

2. Судьба потенциала решается в конкретной рыночной ситуации, состоящей, во-первых, из конфигурации объективных условий, во-вторых, субъектности индивидов (ценностей, устремлений, воли, способности использовать свой потенциал), в-третьих, из определенных ситуаций ее участниками.

3. Потенциал превращается в человеческий капитал при условии его адекватности, во-первых, рыночному спросу, во-вторых, субъектности индивидов.

4. Адекватной стратегией исследования таких ситуаций является исследование кейс-стади, прежде всего биографическое.

5. Ситуация превращения потенциала в человеческий капитал индивидуализируется. Этот процесс фиксируется в глубинных интервью, а результаты открыты для типизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р. На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма // *Интер*. 2022. Т. 14. № 3. С. 35–54.
- Бауман З. *Текущая современность* / Пер. с англ. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2005. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 11.02.2023).
- Ильин В.И. Феномен поля: от метафоры к научной категории // *Рубеж*. 2003. Вып. 18. С. 29–49.
- Квале С. *Исследовательское интервью*. М.: Смысл, 2003.
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. *Интернационализация образования и российская молодежь: открытия, обретения, результативность*. М.: ИС РАН, 2008.
- Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. I. // *Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.* Т. 7. М.: Полит. лит-ра, 1987.
- Пинчук О.В. «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексеева // *Интер*. 2022. Т. 14. № 3. С. 78–97.
- Пинчук О. Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих: включенное наблюдение на рабочем месте. М.: ФПСИ «Хамовники»; Common Place, 2021.
- Позняков В.П. *Предприимчивость* // *Энциклопедия гуманитарных наук*. 2012. № 3. С. 245–246.
- Попов Д.С. *Человеческий капитал в России: точность измерения и ограничения подхода* // *Социологические исследования*. 2020. № 11. С. 27–38.
- Практики управления персоналом на современных российских предприятиях* / Под ред. В.И. Кабалиной. М.: ИСИТО, 2005.
- Радаев В.В. *Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация* // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–16.
- Радаев В.В. *Экономическая социология*. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Росс Л., Нисбетт Р. *Человек и ситуация*. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм* // *Сумерки богов* / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
- Старовойтенко А.Д. (Де)субъективация работников в пространстве склада маркетплейса: цифровой диктат или индустриальный базар // *Интер*. 2022. Т. 14. № 3. С. 55–77.

- Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. 2006. Т. 7. № 3. С. 11–26.
- Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
- Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // *Социологические исследования*. 2009. № 8. С. 3–13.
- Becker G.S. *Human Capital*. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
- Becker G.S. Foreword // T.W. Schultz. *Human Resources*. N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1972.
- Bottone G., Sena V. *Human Capital: Theoretical and Empirical Insights* // *The American Journal of Economics and Sociology*. 2011. Vol. 70. No. 2. Social, Methods, and Microeconomics: Contributions to Doing Economics Better. P. 401–423.
- Holzer Harry J. *What Employers Want: Job Prospects for Less Educated Workers*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1996.
- Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. P. 281–302.
- OECD. *Human Capital Investment: An International Comparison*. OECD, 1998.
- Sawyer D.O. Review Essay: Social Roles and Economic Firms: The Sociology of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1978. Vol. 83. No. 5. P. 1259–1270.
- Schultz T.W. Investment in human capital // *American Economic Review*. 1961. Vol. 51 (1). P. 1–17.
- Schultz T.W. *Human Resources*. N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1972.
- Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105. No. 6 (May). P. 1523–1558.
- Thomas W.I., Thomas D.S. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. N.Y.: A.A. Knopf, 1928.
- Tomaskovic-Devey D., Thomas M., Johnson K. Race and the Accumulation of Human Capital across the Career: A Theoretical Model and Fixed-Effects Application // *American Journal of Sociology*. 2005. Vol. 111. No. 1. P. 58–89.
- Wilson F., Tienda M., Wu L. Race and Unemployment: Labor Market Experience of Black and White Men, 1978–1988 // *Work and Occupations*. 1995. Vol. 22. P. 245–270.

Статья поступила: 09.09.20. Финальная версия: 19.01.23. Принята к публикации: 14.02.23.

“HUMAN RESOURCES” AS A CATEGORY OF QUALITATIVE SOCIOLOGY

ILYIN V.I.

St. Petersburg State University, Russia

Vladimir I. ILYIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg State University (ivi-2002@yandex.ru).

Acknowledgements. The article was written as a part of a study supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No. 19-29-07559.

Abstract. The purpose of this article is to adapt the categories of human resources and capital in relation to the logic of qualitative sociology, which turns to existential everyday life. The starting point of the analysis in it is a person striving for his social self-realization in the context of available objective opportunities that have the form of chances: they can be used or missed in different ways. The situation of choice includes both an objective component and the subjectivity of the acting individual (conscious needs and interests, tastes, value orientations, moods, feelings, volitional characteristics, etc.). As a result, different individuals use the same human resources (chances) in different ways. The subject of the study shifts from the classic question “Who has what?” to the process of turning abstract possibilities into the reality of an individual social situation. Incorporated resources are a continuum, each element of which can become a reality as a result of choice (including imposed) and achievement: (1) abstract potential, the implementation of which depends on a variety of conditions; (2) consumer human resources; (3) labor force; (4) human capital as a resource that creates surplus value in the course of market turnover. In some cases, the resource is sold as labor, and the created surplus product is appropriated by the employer. In others, the individual acts as an entrepreneur, independently bringing his incorporated resources to the market and appropriating the resulting surplus value. Human resources represent only the chances of acquiring one or another real form. The metamorphoses of human resources occur to a significant extent in the context of the market situation. Its main elements are (1) individual potential, (2) availability of vacant jobs, (3) agency of a potential employee and employer, (4) definition of the market situation by its participants.

Keywords: human capital, labor force, market situation, subjectivity, existential situation, qualitative sociology.

REFERENCES

- Abramov R. (2022) On the pick-up of the algorithm, or the story of the day laborer of platform capitalism. *Inter [Inter]*. Vol. 14. No. 3: 35–54. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Fluid modernity*. Trans. from Eng. by S.A. Komarov, ed. by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
- Becker G.S. (1964). *Human Capital*. New York: Columbia University Press.
- Becker G.S. (1972). Foreword. In: T.W. Schultz. *Human Resources*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Bottone G., Sena V. (2011) Human Capital: Theoretical and Empirical Insight. *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 70. No. 2: 401–423.
- Bourdieu P. (2005) Forms of capital. *Economic sociology*. Vol. 3. No. 5: 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed 11.02.2023). (In Russ.)
- Holzer H.J. (1996) *What Employers Want: Job Prospects for Less Educated Workers*. New York: Russell Sage Foundation.
- HR management practices at modern Russian enterprises*. (2005) Ed. by V.I. Kabalina. Moscow: ISITO. (In Russ.)
- Ilyin V.I. (2003) The phenomenon of the field: from a metaphor to a scientific category. *Rubezh [Frontier]*. Iss. 18: 29–49. (In Russ.)
- Konstantinovsky D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. (2008) *Internationalization of education and Russian youth: discoveries, achievements, effectiveness*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Kvale S. (2003) *Research interview*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Marx K. (1987) Capital. Critique of Political Economy. Vol. I. In: Marx K., Engels F. *Selected works*. Vol. 7. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
- Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. Vol. 66: 281–302.
- Pinchuk O.V. (2022) “Guerrilla warfare” at the Late Soviet factory through the prism of dramatic sociology by Andrey Alekseev. *Inter [Inter]*. Vol. 14. No. 3: 78–97. (In Russ.)
- Pinchuk O.V. (2021) Failures and breakdowns. Ethnographic work of factory workers: included observation at the workplace. Moscow: FPSI “Khamovniki”; Common Place. (In Russ.)
- Popov D.S. (2020) Human capital in Russia: accuracy of measurement and limitations of the approach. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*. No. 11: 27–38. (In Russ.)
- Poznyakov V.P. (2012) Entrepreneurship. *Entsiklopediya gumanitarnykh nauk [Encyclopedia of the Humanities]*. No. 3: 245–246. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2005) *Economic Sociology*. Moscow: GU-VSHE. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2003) The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. No. 2: 5–16. URL: <http://ecsocman.edu.ru/ons> (accessed 11.02.2023). (In Russ.)
- Ross L., Nisbett R. (2000) *Man and the situation*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Sartre J.-P. (1989) *Existentialism is humanism. Twilight of the Gods*. Comp. and the general ed. of A.A. Yakovlev. Moscow: Politizdat: 319–344. (In Russ.)
- Sawyer D.O. (1978) Review Essay: Social Roles and Economic Firms: The Sociology of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 83. No. 5: 1259–1270.
- Schtompka P. (2009) Everyday life is in the focus of attention. A new turn in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8: 3–13. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Bondarenko V.A., Krelberg Yu.M., Sergeev N.V. (2003) *Social stratification and its reproduction in modern Russia*. Moscow: GU-VSHE. (In Russ.)
- Schultz T.W. (1961) Investment in human capital. *American Economic Review*. Vol. 51 (1): 1–17.
- Schultz T.W. (1972) *Human Resources*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Sorensen A.B. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 6 (May): 1523–1558.
- Starovoitenko A.D. (2022) (De)subjectivation of employees in the warehouse space of the marketplace: digital dictation or industrial bazaar. *Inter [Inter]*. Vol. 14. No. 3: 55–77. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2006) Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies. *Ekonomicheskaya sociologiya [Economic Sociology]*. Vol. 7. No. 3: 11–26. (In Russ.)
- Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: A.A. Knopf.
- Tomaskovic-Devey D., Thomas M., Johnson K. (2005) Race and the Accumulation of Human Capital across the Career: A Theoretical Model and Fixed-Effects Application. *American Journal of Sociology*. Vol. 111. No. 1: 58–89.
- Wilson F., Tienda M., Wu L. (1995) Race and Unemployment: Labor Market Experience of Black and White Men, 1978–1988. *Work and Occupations*. Vol. 22: 245–270.

© 2023 г.

П.Н. КОНДРАШОВ

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭКОЛОГИИ КАРЛА МАРКСА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

КОНДРАШОВ Петр Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия (pnk060776@gmail.com).

Аннотация. Автором предпринята попытка предварительной концептуальной реконструкции экологических идей К. Маркса с ориентацией на их социологические аспекты. Критикуя узкоэкологические и экономические интерпретации этих идей в современном марксоведении, автор доказывает, что они носят у Маркса тотализующий и историзирующий характер. Центральная категория марксовской экологии – социальный метаболизм – применяется у него отнюдь не только для анализа обмена веществ между обществом и природой в процессах производства (труда). Развёртывание (развитие) трудового метаболизма постепенно формирует своеобразные «миры»: мир природы, втянутой в сферу человеческой деятельности; мир совместной деятельности как мир общественных отношений и межличностной коммуникации; мир материальной и духовной культуры; экзистенциальный мир индивида. Во всех этих мирах есть специфические модификации социального метаболизма. Для обозначения органической целостности (тотальности) всех этих миров, скреплённых имманентными механизмами социального метаболизма, автор вводит в марксистский социологический дискурс понятие социального универсума. Анализ социального метаболизма и его различных форм у Маркса касается не только капитализма, но также докапиталистической и посткапиталистической формаций.

Ключевые слова: экология К. Маркса • социальный метаболизм • метаболический разрыв • социальный универсум

DOI: 10.31857/S013216250023102-5

Экология К. Маркса в контексте современного марксоведения. На рубеже XX–XXI вв. в связи с глобальными экологическими вызовами и на фоне общего возрождения интереса к Марксу появился ряд фундаментальных работ по анализу его экологических взглядов на взаимодействие общества и природы [Burkett, 1999; Foster, 2000b; Foster, 2013; Foster, Burkett, 2016; Saito, 2017; Сайто, 2021; Royle, 2021]. Пост внимания к экологии К. Маркса связан также с тем, что в 2019 г. в рамках второго международного издания полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA²)) были впервые опубликованы его «Экологические тетради» (1864–1872) [Marx, 2019]. Речь идет о своего рода записных книжках, содержащих в основном выписки из работ разных авторов по проблемам взаимодействия общества и природы, но также и записи оригинальных идей самого Маркса, возникавших у него в процессе конспектирования. Эти материалы позволяют не только увидеть его интересы до и после публикации первого тома «Капитала» в 1867 г., но и в значительной степени

в совершенно новом свете взглянуть на всё ранее известное теоретическое наследие основоположника марксизма, переосмыслив его под углом экологического подхода.

В зарубежном марксведении (к сожалению, в отличие от отечественного) об экологической проблематике у основоположника марксизма написано много – как критического, вплоть до отрицания такой проблематики у него (К. Касториadis, Э. Гидденс, Т. Бентон, Л. Колаковски), так и взвешенно научного (Дж.Б. Фостер, П. Баркетт, К. Сайто). Однако в «положительном» современном экомарксизме имеет место негласный консенсус, что фактически все экологические идеи К. Маркса исчерпываются двумя «диалектико-экологическими триадами». Первая описывает «взаимоотношения между человеческими обществами и большим биофизическим миром» и включает такие категории, активно используемые последователями Маркса, как *универсальный метаболизм природы*, *социальный метаболизм* и *метаболический разрыв* [Clark, Foster, Longo, 2019: 651]. Вторая триада воспроизводит структуру социального метаболизма, который редуцируется к формуле «человечество-производство-природа», где производство представляет собой форму посредничества между человечеством и природой [Mészáros, 1995: 170–177, 872–897].

Безусловно, обе эти «триады» в определённых границах находят своё подтверждение в текстах самого Маркса. Однако при более тщательном исследовании они оказываются односторонними по двум важнейшим причинам. Во-первых, они сводят всю экологию Маркса либо к узко *социально-экологической* проблематике (метаболические разрывы между общественным производством и природой, загрязнение и охрана окружающей среды), что делает её неотличимой от современной *environmental Sociology*, сложившейся в 1970-х гг. экологической социологии [Dickens, 1997; Dunlap, 1997: 21–39; Foster, 1999; Dunlap R.E., Rosa, 2000; Pellow, Brehm, 2013], либо к проблемам сугубо *экономическим* [Saito, 2017; Mészáros, 1995; Foster, 2000a; Sasaki, 2021]. В обоих случаях игнорируется *тотализующий* принцип экологии Маркса, согласно которому механизмы социального метаболизма пронизывают все без исключения структурные элементы социального организма [Molina, Toledo, 2014: 46]. Во-вторых, первая «триада», выдвигая в качестве своеобразного синтеза момент *метаболического разрыва*, который Маркс относит только к капиталистическому способу производства, сводит на нет *историзирующий* характер марксовской социальной экологии [Turner, 2006]. На самом же деле ее детерминационные механизмы тотализуются (тотально распространяются) на все общественные формации.

Целью предлагаемой статьи является экспликация (раскрытие содержания) основных экологических идей К. Маркса из перспективы его тотализующе-историзирующей методологии. Поскольку центральная категория этих идей – *социальный метаболизм* – охватывает все социальные структуры, мы сосредоточим своё внимание на рассмотрении только *социологических* аспектов экологии К. Маркса.

Тотализующая экология: от социального метаболизма к социальному универсуму. Если посмотреть на экологические идеи К. Маркса не с узкой точки зрения экологии окружающей среды, а в перспективе *тотализующего* характера всего марксова мировоззрения, то мы обнаружим несколько различных форм (ступеней) метаболизма.

В основании всего лежит *универсальный метаболизм природы* – процессы, протекающие на уровне всего биофизического мира планеты Земля [Foster, 2013]. Его «задача» состоит в том, чтобы осуществлять и поддерживать экологический баланс любой экосистемы – способствовать её относительно устойчивому существованию и воспроизведению в структуре биосферы. В качестве части универсального обмена веществ в природе развёртывается *конкретно-экологическая форма метаболизма*. Она предполагает, что каждый вид живых организмов существует в мире посредством *специфической только для него активности, жизнедеятельности (Lebenstätigkeit)* – вещественно-энергетического обмена между собою и природой – метаболизма (дыхание, питание, выделение, гомеостаз, адаптация, наследственность, терморегуляция и т.д.), вне и без которого существование этого вида невозможно [Маркс, 1956: 565]. Наконец, последней ступенью оказывается наиболее конкретная форма универсального метаболизма – *социальная*, связанная

с механизмами обмена между человеком/обществом и окружающим его миром. Именно она является одной из центральных тем в экологических размышлениях К. Маркса.

Органическая встроенность социального метаболизма в предшествующие формы обмена веществ связана, с одной стороны, с тем, что человек, как «живое, телесное, чувственное существо» [Маркс, Энгельс, 1955b: 18; Маркс 1956: 630–631], как «часть природы» [Маркс 1956: 565], оказывается *единым* с этой природой. Природа – его «неорганическое тело», поскольку он «живёт ею», а природа в свою очередь «служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности» [Маркс 1956: 565]. С другой же стороны, встроенность социального метаболизма в формы обмена связана с тем, что конкретно-этологическим способом *человеческой* активности, сущностью человека и человеческой формой существования является «свободная сознательная деятельность», которая «как раз и составляет родовой характер человека» [Маркс, 1956: 565]. Маркс в разных контекстах называл ее либо *человеческой деятельностью* (*Thätigkeit, Tätigkeit*), либо *трудом* (*Arbeit*), либо *практикой* (*Praktik*), *праксисом* (*Praxis*). При этом под *праксисом*¹ Маркс понимает любую единую материально-психическую, активно-пассивную и пассивно-активную социально-раздельную *сознательную преобразующую предметную* деятельность человека (как социального индивида), посредством которой он осуществляет обмен веществ с тем *миром* (*Welt*), который его окружает, и тем самым удовлетворяет свои многообразные потребности.

В процессе осуществления обществом наиболее фундаментальной формы *праксиса, труда*, часть объективной природы люди втягивают в сферу своей жизнедеятельности, превращая её тем самым в свой окружающий мир. Именно *труд*, с точки зрения Маркса, и выступает *первой, базисной формой социального метаболизма* [Маркс, 1956: 565]. «Труд, – пишет он в “Капитале”, – есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует *обмен веществ* [Stoffwechsel] между собой и природой» [Маркс, 1960: 188]. Социальный метаболизм здесь понимается как обмен веществом и энергией между действующими социальными индивидами и природой, который осуществляется в производственно-трудовых процессах, направленных на удовлетворение потребностей людей.

К сожалению, марксоведы, исследующие марксову экологию, останавливаются на этом *начальном* пункте экологического анализа Маркса. Для них социальный метаболизм полностью сводится к производственным взаимоотношениям между человеческими обществами и большим биофизическим миром. Однако у самого основоположника мы находим весьма разветвлённую систему многообразных *видов* социального метаболизма. Они формируются и протекают в различных сегментах («мирах») социума, каждый из которых, в свою очередь, является результатом осуществления *базиса* самого человеческого общества – *труда*.

Образование этих сегментов-миров и протекающих в них форм социального метаболизма можно кратко описать следующим образом. Действуя в структурах метаболических систем «общество-природа», социальные акторы, «действительно деятельные» и «телесные люди» в рамках своего *действительного жизненного процесса* [Маркс, Энгельс, 1955b: 25], постепенно создают *мир своего совместного сосуществования, мир коммуникации* (*Mitwelt*). Здесь у Маркса речь идёт по крайней мере о двух фундаментальных формах обмена (метаболизма) уже между индивидами и социальными группами.

С одной стороны, имеет место конституирование *объективных* (не зависящих от воли людей) *общественных отношений* (*gesellschaftliche Verhältnisse*), складывающихся в процессах производства – *трудового метаболизма* [Маркс, 1959: 6–7]. Наглядным примером этого является предложенный Марксом подход к объяснению капиталистической

¹ Мы употребляем термин *праксис* для описания *любой человеческой деятельности* (материальной, социальной, духовной, когнитивной, коммуникативной, воспитательно-образовательной, управленческой, художественной и т.д.).

эксплуатации в «Капитале». С другой – формируются также и не менее важные субъект-субъектные отношения (*soziale Beziehungen*), которые реализуются между индивидами посредством коммуникации, общения (*Verkehr*) [Маркс, Энгельс, 1955b: 19, 24–25, 33, 34–35, 37, 44, 166], т.е. через обмен деятельностью, эмоциями, переживаниями, знаниями, заботой и т.д. Такая форма социального метаболизма может быть названа межличностным или коммуникативным метаболизмом. Более того, Маркс и Энгельс к этой форме метаболизма относят в «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.) и демографический фактор: «это производство [речь идет о производстве самой жизни, о демографическом воспроизводстве. – Прим. П.К.] начинается впервые с ростом населения. Само оно опять-таки предполагает общение [*Verkehr*] индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством» [Маркс, Энгельс, 1955b: 19]. Например, язык как форма коммуникативного метаболизма «возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс, 1955b: 29]. Таким образом, социальный метаболизм в данном случае воплощается в различных формах обмена в системах «индивид-общество» и «индивид-индивид». Этот «мир» может быть назван со-бытием (*Mit-Sein*), совместным миром (*Mit-Welt*).

Далее, в процессе производства (трудового метаболизма) социально-деятельные индивиды, связанные узами субъект-объектных и субъект-субъектных метаболических отношений, втягивают окружающую их природу в сферу своей жизнедеятельности, преобразуют её и тем самым созидают свой собственный искусственный мир материально-социально-духовной культуры (*künstliche Um-Welt*). Сюда относится широчайший спектр самых разных форм социального метаболизма – от взаимодействий индивидов и социальных групп по поводу материальных объектов до социальных форм праксиса (воспитания, образования, государственного управления) и духовных форм коммуникативного обмена/общения (идеологического, эстетического, религиозного, научного и т.д.). Сюда же необходимо отнести и разного рода регуляторы всех этих отношений: социальные нормы и конституирующиеся из них социальные институты (включая такие регулятивно-метаболические формы общественного и индивидуального сознания, как мораль и право).

Способы и формы общения [Маркс, Энгельс, 1955b: 19, 25, 31], а также отношения, складывающиеся и в непосредственных трудовых взаимоотношениях с миром природы, и в самой совместной деятельности, и в мире коммуникативного со-бытия [Маркс, Энгельс, 1955b: 24], и в мире культуры, с необходимостью репрезентируются в человеческой психике. Это происходит, с одной стороны, в виде различных форм и содержаний индивидуального сознания, а с другой – в виде человеческих отношений к этому миру [Маркс, 1956: 591–592]. Поскольку человек мыслится Марксом динамически, как существо неравнодушное, обладающее страстью [Маркс, 1956: 631–632], то в случае с отношениями-человека-к-миру речь идёт об отношениях эмоциональных, неравнодушных, экзистенциальных, которые образуют его собственный внутренний мир (*Inner-Welt*).

Исходя из анализа ансамбля перманентно и синхронно развивающихся и изменяющихся миров и соответствующих форм социального метаболизма, Маркс делал вывод, что любое человеческое общество представляет собой органическую тотальность – социально-экологическую целостность, «целостный организм» (*Gesamtkörper*) [Маркс, 1962a: 421]. Онтологически это означает, что общество – это уже не просто «совокупность индивидов», пусть даже и связанных самыми разными взаимодействиями, а социальный универсум. Это – созидаемая в сознательной преобразующей деятельности и постоянно воспроизводящаяся система природных, предметных, технических, социальных, духовных, экзистенциальных, символических и т.д. предметов и характеристик (структур, явлений, потребностей, отношений, связей, общений, институтов, норм, практик, курсов, идей и т.д.). Элементы этой системы, будучи связанными социально-метаболическими взаимосвязями, представляют диалектически упорядоченную «сцеплённость», тотальность («целостный организм»), где социальный индивид является фундаментальным основанием – активным субъектом.

Весьма важным моментом марксовой концепции социального метаболизма является, если воспользоваться современным понятийным аппаратом, понятие *социального гомеостаза*. Речь идет о способности социального универсума сохранять состояние органической целостности, поддерживать динамическое равновесие в процессах социального метаболизма, исторического развития даже в условиях разорванностей-внутри-целостности (например, разделения труда, классовых антагонизмов).

Методологический аспект экологии К. Маркса в целом и его концепции социального метаболизма в частности состоит в *конкретизации* его общего метода материалистической диалектики. Согласно ему, *любое общественное явление, любой элемент социального универсума* (от элементарного социального действия, единичного взаимодействия или случайной мысли, от любого социального института или формы мышления до способа производства и самого человеческого общества вообще) рассматривается как *результат социального метаболизма* (понимаемого как энергетический обмен «веществ» между человеком и всеми мирами, составляющими его «дом-ойкос»). Таким образом, методологически на *каждом* уровне социального универсума и в *каждом* конкретном случае надо четко определять в рамках господствующей конкретно-исторической формы социального метаболизма: *то, чем* обмениваются (деятельностями, продуктами труда, общением, знаниями, эмоциями и т.д.); *как* этим обмениваются; в *роли кого* обмениваются; *для чего и почему* происходит обмен, *что поддерживает, обеспечивает* этот обмен или, напротив, *что он разрушает*.

В этом и состоит *тотализующая* сущность экологии К. Маркса. Согласно ей, социальный метаболизм тотально пронизывает все без исключения социальные структуры. Другая сторона экологии Маркса состоит в том, что он положил экологическую перспективу в основу главного вопроса – *вопроса о социальной трансформации*. В рамках этого историко-метаболического подхода Маркс анализирует различные исторические модификации социального метаболизма, содержательно зависящие от *специфических* условий протекания этого метаболизма.

Рассмотрим далее кратко некоторые *социологические* аспекты этого исторического процесса.

Исторические формы социального метаболизма. С точки зрения К. Маркса, «процесс труда... есть целесообразная деятельность... присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ [Stoffwechsel] между человеком и природой, *вечное естественное условие человеческой жизни*, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её формам» [Маркс, 1960: 195]. Поскольку праксис по своей сущности – активность *преобразующая*, в которой создается искусственный мир культуры, передаваемый в постоянно трансформирующихся условиях от одного поколения другому, то и праксис, и его разновидности, и сам социальный метаболизм оказываются по своему содержанию *историчными*. Думается, что *историзация* социального метаболизма, наряду с его тотализацией, является вторым важнейшим вкладом Маркса в марксистскую социальную экологию и в общую социологию окружающей среды [Dunlap, Rosa, 2000: 806; Lockie, 2015: 139–142].

Как известно, К. Маркс посвятил большую часть жизни анализу *капиталистического* способа производства и соответствующей ему исторической модификации социального метаболизма. Однако, как показывают изданные рукописи основоположника [Musto, 2020], в последний период своей жизни (с конца 1860-х до 1881 г.) он активно изучал *добуржуазные* формы метаболизма – первобытные, древние и средневековые (Индия, Россия, Польша, Германия, Италия). В процессе этого изучения он пришёл к выводу о нелинейности и альтернативности исторического процесса, отказался от присущего ему в 1840–1850-х гг. европоцентризма и отчасти «прометеанства», а также спрогнозировал некоторые базовые особенности *посткапиталистической* формы социального метаболизма. На основании всех этих материалов Маркса и творческих подходов к ним в самом общем виде историческая динамика социального метаболизма может быть реконструирована следующим образом.

1. Докапиталистическая эпоха

В основании докапиталистической формации лежат две формы социального метаболизма: (1) на ранней стадии – это присваивающие виды взаимоотношений между человеком и природой (охота, рыбная ловля и собирательство), осуществляемые простыми орудийными системами; (2) на второй стадии формируется производящее хозяйство (земледелие, скотоводство), осуществляемое уже среднесложными системами орудий и технологий, которые с тех пор кардинально не меняются тысячелетиями.

Во втором (производящем) типе социального метаболизма господствует традиционное натуральное хозяйство, в рамках которого в основном производятся только потребительные ценности для непосредственного удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей, т.е. метаболизм протекает в виде простого воспроизводства. Поэтому в такой системе в целом имеет место относительный экологический баланс. Он обеспечивается, с одной стороны, тем, что в традиционном хозяйстве производство и потребление, как правило, локализируются в одном и том же месте, в одной и той же хозяйственной единице (дворе, селении, поместье, общине), где обмен веществ между человеком и природой протекает по принципу экологического (метаболического) равновесия: сколько у природы взял – столько же ей и вернул. Это ведёт к «стихийному» (заранее не планируемому) соблюдению закона возмещения (закона замещения, *Gesetz des Ersatzes*; *law of compensation*), которому К. Маркс придаёт фундаментальное значение. С другой стороны, этот баланс обуславливается более или менее устойчивым соотношением производства и потребления.

В социально-динамическом аспекте докапиталистическое общество в силу слабой специализации и неглубокого разделения труда, основанного на «простом» орудийном взаимодействии человека и природы, характеризуется (на разных ступенях по-разному) механической солидарностью, отсутствием социальной мобильности и неразвитостью личности. Маркс и Энгельс назвали это «идиотизмом деревенской жизни» [Маркс, Энгельс, 1955а: 428].

Ориентация на штучное (не-массовое и не-товарное) производство потребительных ценностей детерминирует отсутствие стремления к «расширенному воспроизводству». Поэтому у людей в эту длительную эпоху не было и не могло быть мотивации к безграничному увеличению давления на природу, её завоеванию и покорению. Не существовало продуктивизма и прометеизма, которые будут господствовать в следующей, «более развитой» формации. Это, в свою очередь, формировало и соответствующие экзистенциальные, эмоциональные отношения к природе, вещам, создаваемым человеком, к другим людям и к самому себе – отношения, которые обычно всегда коррелируют с общими механизмами социального метаболизма. Поэтому, например, в докапиталистическом обществе не могло ни онтологически, ни морально существовать того, что в либеральном мейнстриме называется *Ното æconomicus*. Все эти конститутивные моменты докапиталистической формации закреплялись в социально-бытовых структурах повседневного существования, связанных с замкнутыми аграрными формами поселений, прямо обусловленными соответствующими механизмами социального метаболизма.

Итак, в докапиталистическом типе социального метаболизма осуществляется перманентное устойчивое, не расширяющееся и не сокращающееся без каких-либо существенных внешних причин производство, воспроизводство и возобновление всего жизненного цикла социального организма и всех его подсистем [Маркс, 1968: 461–508].

2. Капиталистическая эпоха

На следующей капиталистической стадии социальный метаболизм в своём материально-техническом содержании определяется господством машинного обмена веществ между человеком и природой, индустриальной организацией производства, широким применением химических удобрений, рационализацией и утилитарным использованием науки как «всеобщего интеллекта» [Маркс, 1969: 215; Lotz, 2014].

Другим фундаментальным фактором капиталистической формы социального метаболизма является буржуазная частная собственность на средства производства, порождающая

массовый наёмный труд (пролетариат), соответствующую классовую стратификацию, эксплуатацию и вытекающий из неё неравный обмен между трудом и капиталом. Господство товарного производства и рыночных отношений, в которых непосредственные интеракции между индивидами опосредуются товарами, а средством общественных и межличностных связей (отношений, общения, субъект-субъектного метаболизма) становится обезличенный «всеобщий эквивалент» (деньги), которые в условиях глубокого разделения труда и процессов овеществления оказываются выразителем *органической солидарности* (в дюркгеймовском смысле). Она хотя и «связывает» индивидов взаимозависимыми связями меновой стоимости и товарно-денежного обмена-метаболизма [Маркс, Энгельс, 1955b: 31], но оказывается анонимной, безличной. Поэтому Маркс справедливо заключает, что «свою связь с обществом индивид носит с собой в кармане» [Маркс, 1968: 100].

Третьим «китом», «движущим мотивом [*treibendes Motiv*]» [Маркс, 1960: 605], капиталистического способа производства является перманентное стремление капиталистов к увеличению *прибылей*. Оно с необходимостью влечёт за собой появление таких сугубо буржуазных взаимосвязанных явлений, как *тотальная коммодификация* (превращение всего в товар), *хрематистика* (производство ради прибыли), *продуктивизм* и *прометеанство*. Речь идет о стремлении капиталистов к агрессивному технологическому увеличению материального производства и эксплуатации природы, которая *a priori* рассматривается как «*неисчерпаемая кладовая*», для удовлетворения человеческих потребностей при полном игнорировании последствий для окружающей среды.

Отсюда и специфическое отношение к природе: «Только при капитализме, – пишет Маркс, – природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; её перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание её собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природе человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства» [Маркс, 1968: 387]. Более того, «капитал разрушителен по отношению ко всему этому», поскольку разрушает все преграды на пути имманентного стремления к безмерной «эксплуатации природных и духовных сил» [там же: 387].

Из всех этих конститутивных моментов капиталистической формы социально-экологического метаболизма вырастает и соответствующее системное противоречие между протеканием жизненного социального процесса и механизмами обеспечения социального гомеостаза, связанными с капиталистическим типом *расширенного воспроизводства* (логикой капитала), с одной стороны, и естественными законами природы (логикой природы) – с другой. Это противоречие обнаруживает себя в том, что К. Маркс называет *метаболическими разрывами* (*Risse, Riße*) [Marx, 1981: 949; Foster, 1999; Moore, 2017; Clark et al., 2019]. Это – нарушения в процессах протекания социального метаболизма, которые обусловлены имманентными характеристиками самого капиталистического способа производства и которые приводят к социально-экологическим дисбалансам в ранее устойчивых экологических отношениях во всех сферах/мирах социального универсума (от собственно взаимоотношений с природой до моральных устоев).

Обратим внимание только лишь на одно важнейшее (как с точки зрения К. Маркса, так и с точки зрения социологии) явление – на *конкретно-исторический метаболический разрыв между городом и деревней*, в котором проявляют себя метаболические разрывы буржуазного универсума. Так, ближайшим узкоэкологическим следствием отделения города от деревни становится нарушение фундаментального эколого-термодинамического закона *компенсации*, т.е. метаболического баланса в самом прямом смысле. Поскольку животные и растения, потребляемые в фабричных городах, не возвращаются в виде естественных продуктов своей жизнедеятельности (навоз, перегной, гумус, кости) в места своего выращивания (деревню), а превращаются в неперерабатываемые городские отходы, то возникает нарушение экологического равновесия, метаболический разрыв – неэквивалентный обмен питательными веществами, обусловленный хозяйственной деятельностью человека. Как показывает К. Маркс, это приводит в городах к свалкам, зловонию

на улицах, загрязнению водоёмов, к экологическим разрывам между аристократическими, буржуазными, рабочими и маргинальными районами. В деревне следствия сельско-городского метаболического разрыва ещё более губительны. Они ведут к эрозии почв, необходимости вырубке лесов под новые пашни и луга [Marx, 2019: 141, 843, 965; Clark et al., 2019: 653], к попыткам сократить время между рождением и убоим, когда, например, *жизненные циклы растений и животных зависят уже не от биологических параметров, а от циклов технологии и рынка* [Marx, 2019: 855–856], а также к интенсивному использованию химических удобрений. В итоге ситуация метаболического разрыва между городом и деревней порождает *грабительскую систему в сельском хозяйстве (Raubbau, Räuberei)* [ibid: 139, 291, 426, 857–862], которая основана на разрыве между логикой наращивания стоимости капитала и логикой природного метаболизма.

Другие, важные с социологической точки зрения, аспекты разделения между городом и деревней, вытекающие из самого процесса урбанизации, на которые пристальное внимание обращал Маркс, касаются, например, «отрыва» возникающего городского пролетариата от своих сельских корней и формирования у буржуазии и пролетариата индустриально-городского образа жизни. Капиталистическая урбанизация ведет к появлению социально-экологических проблем скученности, антисанитарии, алкоголизма, проституции, распространения инцестуальных связей, моральной деградации, духовного уродования и т.п.

Метаболические разрывы – это не результат некоего абстрактного внеисторического «антропологического» воздействия на природу, а структурные следствия капиталистического способа производства, которые могут быть элиминированы только вместе с самим капитализмом [Foster et al., 2010: 47]. Таким образом, несмотря на беспрецедентный прогресс в технической сфере, в сфере производительных сил [Маркс, Энгельс, 1955а: 429], при капитализме в целом имеет место *антигуманистическая (разрушающая основы человеческого существования) форма социального метаболизма*.

3. Посткапиталистическая эпоха

Исходя из своего анализа всего комплекса имманентных противоречий капитализма (в том числе и экологических) и формирующихся тенденций некапиталистического способа производства, К. Маркс прогнозировал, что в *посткапиталистической* (социализм и коммунизм) формации базовый социальный метаболизм будет определяться научно спланированными взаимоотношениями человека со всеми сферами («мирами») социального универсума. Основой этого станут высокоразвитые производительные силы, прозрачные отношения, рациональная организация всей социальной жизни, общественная собственность «ассоциированных производителей» на средства производства и сознательное управление историческим процессом.

В процессе тотализующего втягивания всех сфер общественной жизни в эту форму социального метаболизма исчезнет и противоположность между городом и деревней, что для Маркса было одним из фундаментальных оснований для перехода к социализму. Поскольку предполагается, что социальный метаболизм будущего уже не будет иметь капиталистических оснований, то в будущем обществе (в «царстве свободы») постепенно исчезнут классовая стратификация, основанная на экономическом, социальном и экзистенциальном отчуждении и неравенстве, эксплуатация и вообще вынужденный труд, за исключением самого необходимого [Маркс, 1962а: 386–387]. Поскольку на основе системы новых потребностей исчезнет метаболический дисбаланс между производством и потреблением, то производство будет переориентировано с роста прибылей на *сберегающее производство потребительных ценностей*. Эта новая мотивационная система перестанет питать продуктивизм и консюмеризм, а значит исчезнет антиэкологическая и антигуманистическая парадигма прометеанства, основанная на логике неограниченного роста капитала. Система расширенного воспроизводства будет постепенно замещаться *устойчивыми формами воспроизводства*.

Наконец, будут формироваться специфические для такого общества отношения, например особое отношение к природе. Маркс об этом писал так: «С точки зрения более

высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники [Eigentümer] земли. Они лишь её владельцы [Besitzer], пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейств, они должны оставить её *улучшенной последующим поколениям* [Маркс, 1962а: 337]. Безусловно, такого рода отношения приведут к формированию *гармоничной солидарности и рационально управляемому гуманистическому социальному метаболизму*, направленному на сохранение условий человеческого бытия для будущих поколений.

Выводы. Итак, в результате предпринятого анализа можно сделать несколько выводов.

Во-первых, автором показано, что экология К. Маркса есть тотализующее учение об обществе как органической целостности, социальном универсуме, который конституируется в процессах развёртывания социального метаболизма – обмена различными «энергиями» и «материями» между человеком/обществом и теми «мирами», которые создаются людьми в их практике. Фундаментальной формой социального метаболизма является обмен веществ между обществом и природой, опосредованный трудом, производством. В трудовом метаболизме укореняются такие формы социального метаболизма, как обмен: между обществом и созданным им искусственным миром материальной и духовной культуры; между человеком и обществом, человеком и социальными структурами в общественных отношениях; между человеком и другим человеком в коммуникативном межличностном общении.

Во-вторых, эта имманентная взаимосвязанность всех миров и всех форм социального метаболизма, протекающих в них, структурно воспроизводится не только во всемирно-историческом развитии человечества, но и *содержательно* в конкретно-историческом существовании любого общества и даже любой более-менее устойчивой социальной группы.

В-третьих, марксова экология – особый срез материалистического понимания истории, специфика которого состоит в том, что он позволяет через анализ социально-метаболических связей на всех уровнях социального универсума увидеть «невидимое» в развитии общества через оптику других срезов. Это относится, прежде всего, к *эвристическим возможностям* тотализующе-историзирующего метода социальной экологии Маркса.

Безусловно, свой образ будущего общества К. Маркс видел из тенденций развития капитализма XIX в., с точки зрения которых невозможно было спрогнозировать многие радикальные трансформации XX–XXI вв. Тем не менее *общий* социально-исторический и социально-экологический анализ основоположника марксизма остаётся верным не только в отношении капитализма, но и во многих отношениях относительно альтернативных перспектив посткапиталистического будущего [Кондрашов, 2020; Давыдов, 2021].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Давыдов Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 3–13. [Davydov D.A. (2021) Post-capitalism and class transformation in modern society: from a liberating class to a new antagonism? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)]
- Кондрашов П.Н. Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159. [Kondrashov P.N. (2020) Post-capitalism as a Social Inter/transformation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 150–159. (In Russ.)]
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167. [Marx K. (1959) A Contribution to the Critique of Political Economy. In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 13: 1–167. (In Russ.)]
- Маркс К. Капитал I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. [Marx K. (1960) Capital I. In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 23. (In Russ.)]
- Маркс К. Капитал III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1962. Т. 25. Ч. 2. [Marx K. (1962) Capital III. In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 25. Pt. 2. (In Russ.)]

- Маркс К. Письмо П.В. Анненкову 28 декабря 1846 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Политиздат, 1962b. Т. 27. С. 401–412. [Marx K. (1962b) Letter to P.V. Annenkov. December 28, 1846. In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 27: 401–412. (In Russ.)]
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. [Marx K. (1968) Economic manuscripts 1857–1859 (Grundriße). In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 46. Pt. 1. (In Russ.)]
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. 2. [Marx K. (1969) Economic manuscripts 1857–1859 (Grundriße). In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 46. Pt. 2. (In Russ.)]
- Маркс К. Экономические рукописи 1861–1863 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Политиздат, 1973. Т. 47. [Marx K. (1973) Economic Manuscripts 1861–1863. In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 47. (In Russ.)]
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 517–642. [Marx K. (1956) Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. In: Marks K., Engels F. *From early works*. Moscow: Politizdat: 517–642. (In Russ.)]
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Политиздат, 1955a. Т. 4. С. 419–459. [Marx K., Engels F. (1955a) Communist Manifesto. In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 4: 419–459. (In Russ.)]
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Политиздат, 1955b. Т. 3. [Marx K., Engels F. (1955b) The German Ideology. In: Marks K., Engels F. *Compositions*. Moscow: Politizdat. Vol. 3. (In Russ.)]
- Сайто К. Экологические тетради Карла Маркса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 10–30. [Saito K. (2021) Marx's Ecological Notebooks. *Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi»* [Scientific journal "Discourse-P"]. Vol. 18. No 3: 10–30. (In Russ.)]
- Bloch M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Burkett P. (1999) *Marx and Nature: A Red and Green Perspective*. New York: St. Martin's Press.
- Burkett P. (2006) *Marxism and Ecological Economics. Toward a Red and Green Political Economy*. Chicago: Haymarket Books.
- Clark B., Foster J.B., Longo S. (2019) Metabolic Rifts and the Ecological Crisis. In: *The Oxford Handbook of Karl Marx*. Oxford: Oxford University Press: 651–658.
- Dickens P. (1997). Beyond sociology: Marxism and the environment. In: *The International Handbook of Environmental Sociology*. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar: 179–192.
- Dunlap R.E. (1997) The Evolution of Environmental Sociology. In: Redclift M., Woodgate G. (eds) *The International Handbook of Environmental Sociology*. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar: 21–39.
- Dunlap R.E., Rosa E.A. (2000) Environment Sociology. *Encyclopedia of Sociology*. New York: Macmillan Reference USA. Vol. 2: 800–813.
- Foster J.B. (1999). Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology. *The American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 2: 366–405.
- Foster J.B. (2000a) Marx's Ecological Value Analysis. *Monthly Review*. Vol. 52. No. 4.
- Foster J.B. (2000b) *Marx's Ecology: Materialism and Nature*. New York: Monthly Review Press.
- Foster J.B. (2013). Marx and the Rift in the Universal Metabolism of Nature. *Monthly Review*. Vol. 65. No. 7: 1–19.
- Foster J.B., Burkett P. (2016) *Marx and the Earth: an anti-critique*. Leiden; Boston: Brill.
- Foster J.B., Clark B., York R. (2010) *The Ecological Rift. Capitalism's War on the Earth*. New York: Monthly Review Press.
- Lockie S. (2015). What is environmental sociology? *Environmental Sociology*. Vol. 1. No. 3: 139–142.
- Marx K. (1981) *Capital III*. London: Penguin.
- Marx K. (2019) Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872. *Marx-Engels-Gesamtausgabe* (MEGA²). Berlin: De Gruyter Akademie Forschung. IV Abt. Bd. 18.
- Mészáros I. (1995) *Beyond Capital*. New York: Monthly Review Press.
- Molina M.G., Toledo V. (2014) The Social Metabolism. A Socio-ecological Theory of Historical Change. Cham: Springer International Publishing.
- Moore J.W. (2017) Metabolic rift or metabolic shift? Dialectics, Nature, and the world-historical Method. *Theory and Society*. Vol. 46. No. 4: 285–318.
- Musto M. (2020). New Profiles of Marx after the Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA²). *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. Vol. 49. No. 5: 407–419.
- Pellow D.N., Brehm H.N. (2013). An Environmental Sociology for the Twenty-First Century. *Annual Review of Sociology*. Vol. 39: 229–250.

- Royle C. (2021) Ecological Marxism. *Routledge Handbook of Marxism and Post-Marxism*. New York: Routledge: 443–450.
- Saito K. (2017) *Karl Marx's Ecosocialism. Capital, Nature and the Unfinished Critique of Political Economy*. New York: Monthly Review Press.
- Sasaki R. (2021) *New Introduction to Karl Marx: New Materialism, Critique of Political Economy, and the Concept of Metabolism*. New York: Springer International Publishing.
- Schneider M., McMichael P. (2010) Deepening, and repairing, the metabolic rift. *Journal of Peasant Studies*. Vol. 37. No. 3: 461–484.
- Turner J.H. (2006) Explaining the Social World: Historicism versus Positivism. *The Sociological Quarterly*. Vol. 47. No. 3: 451–463.

Статья поступила: 02.11.22. Финальная версия: 02.02.23. Принята к публикации: 13.02.23.

CONCEPTUAL RECONSTRUCTION OF KARL MARX'S ECOLOGY: SOCIOLOGICAL ASPECT

KONDRASHOV P.N.

Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia

Pyotr N. KONDRASHOV, Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (pnk060776@gmail.com).

Abstract. The article attempts a preliminary conceptual reconstruction of K. Marx's ecological ideas with a focus on their sociological aspects. The author, criticizing the narrowly ecological and economic interpretations of Marx's ecology in contemporary Marxist studies, proves that it has a totalizing and historicizing character. Firstly, it is shown that the central category of Marx's ecology – *social metabolism* – is used by him not only to analyze the exchange of substances between society and nature in the processes of production (labor). With the deployment of labor metabolism, peculiar "worlds" are gradually formed (the world of nature drawn into the sphere of human activity; the world of joint activity as the world of social relations and interpersonal communication; the world of material and spiritual culture; the existential world of the individual with specific modifications of praxis and corresponding varieties of social metabolism. To designate the organic integrity, the totality of all these worlds held together by the immanent mechanisms of social metabolism, the author introduces the concept of *the social universe* into the Marxist sociological discourse. Secondly, the author shows that Marx's analysis of social metabolism and its various forms concerns not only *capitalism*, but *pre-capitalist* and *post-capitalist* formations, and the category of metabolic rift also has a totalizing character.

Keywords: K. Marx's ecology, social metabolism, metabolic rift, social universe.

Received: 02.11.22. Final version: 02.02.23. Accepted: 13.02.23.

И.Н. ПУПЫШЕВА, О.В. ЗАХАРОВА, Н.В. КУЗНЕЦОВА

РАЗНОВИДНОСТИ ДИСКУРСА О СБОРЕ И ПЕРЕРАБОТКЕ ВТОРСЫРЬЯ: МЕЖДУ СТРЕМЛЕНИЕМ К ПРИБЫЛИ И СПАСЕНИЕМ МИРА

ПУПЫШЕВА Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии (i.n.pupysheva@utmn.ru); ЗАХАРОВА Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления (o.v.zakharova@utmn.ru); КУЗНЕЦОВА Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания (n.v.kuznecova@utmn.ru). Все – Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Аннотация. Статья посвящена анализу текстовой репрезентации экологических практик в тематических сообществах социальной сети ВКонтакте с применением методологии дискурс-анализа. Предметом исследования стали лингвистические и экстралингвистические особенности построения дискурсивных практик, связанных со сбором и переработкой вторсырья в Тюменской области. Рассмотрены три типа социальных акторов: волонтерские, предпринимательские и официальные сообщества. В ходе их исследования получены данные о жанровом своеобразии сообществ; существующих ролях, регламенте и алгоритме действий и взаимодействия; адресатах и адресантах сообщений; логистике и другой специфике деятельности экологических сообществ, отраженной в их публикациях. Выявлены различия социальных практик сбора и переработки вторсырья, реализуемых разными социальными акторами (власть, бизнес, волонтеры), которые репрезентируются в различии дискурсивных практик: семантическом, грамматическом, жанровом, стилевом, а также в глобальности/локальности экологической проблематизации и способе восприятия мира. Выделены три типа дискурсивных регистров, отражающих специфику дискурсивных практик, характерных для рассмотренных экологических сообществ: 1) политико-просветительский дискурс выражает официальную позицию власти и отличается высокой степенью институциональности и явной асимметрией социальных отношений; 2) конкретно-обучающий дискурс отличается выстраиванием партнерских отношений, неприбыльностью деятельности и ее обучающими целями; 3) рекламно-просветительский дискурс, где предлагаемый экологический образ жизни сопряжен с получением финансовых бонусов.

Ключевые слова: экологический дискурс • зеленые практики • отдельный сбор отходов • сбор и переработка вторсырья • дискурс-анализ • социальные сети

DOI: 10.31857/S013216250020085-6

Введение. Экология сегодня – поле взаимодействия различных социальных акторов. Экологизируются политика, экономика, образование, воспитание, потребление, бизнес. Зеленые практики, которые нацелены на гармонизацию отношений «общества-природа», на сегодняшний день принимают различные формы [Захарова, 2020; Лебедева, 2021], обладают низкой степенью локализации объекта исследования и часто ускользают от эмпирического наблюдения [Сорвина, 2019], что создает сложности для их изучения.

Зеленый (экологический) дискурс становится все более заметным в публичном пространстве [Громорушкина, 2020; Орешкина, Коняшкин, 2018]. Под дискурсом понимается «совокупность текстов (вербальных и невербальных), которые посвящены определенной

теме и которые могут функционировать в устной и письменной форме в разных жанрах и стилях» [Хохлова, 2019], или «сфера социального взаимодействия, в которой участники оперируют языком» [Маньковская, 2018]. Его анализ позволяет получить информацию об отношении общества к происходящим событиям [Чмель и др., 2020], о противоречиях и консенсусах между общественными группами [Шинкаренко, 2019; Каминская, 2020], о специфике общественных групп [Кушнерук, Курочкина, 2019].

Многие особенности, виды и концепты экологического дискурса хорошо изучены. Например, исследователи анализировали вовлеченность граждан в функциональные общественные практики на институциональном уровне и в частном секторе [Ermolaeva, Rybakova, 2019], факторы и условия вовлечения россиян в практику раздельного сбора отходов [Шабанова, 2019]. Однако существует недостаток исследований деятельности экологических сообществ на основе дискурс-анализа их постов в социальных сетях.

Социальные сети сегодня – главное средство коммуникации между различными социальными акторами по поводу экологических проблем, поэтому анализ контента сообществ в социальных сетях задействуется все чаще [Коренюк, Федорова, 2021; Пупкова, Грабовская, 2019]. Содержание постов экологических онлайн-сообществ служит ценным источником информации о специфике и деятельности сообществ, в том числе связанной с решением проблемы роста отходов производства и потребления [Ermolaeva, Rybakova, 2019; Шабанова, 2019; Чмель и др., 2020]. В качестве ведущей темы в онлайн-сообществах определяется организация раздельного сбора отходов.

В своем исследовании мы фокусируемся на экологическом дискурсе в социальных сетях г. Тюмени, экологические сообщества которого широко представлены в сети ВКонтакте (VK) и включают сотни тысяч человек [Захарова и др., 2021]. Анализ постов в тематических сообществах в VK, посвященных раздельному сбору отходов, позволяет преодолеть сложности изучения многочисленных нелокализованных сообществ.

Цель статьи – анализ текстовой репрезентации экологических практик в социальной сети VK с применением методологии дискурс-анализа: описание сообществ, анализ представлений об инициаторах экологических практик, об адресатах постов, для которых они пишутся, о логистике и других особенностях зеленых практик.

Теоретико-методологическая основа. Исследование опирается на концепты акторно-сетевой теории, позволяющей обратиться к акторам, рассмотреть дискурсивные свойства как эмерджентные или атрибутирующие не отдельный элемент (актор), а систему (сеть акторов). Стоит отметить, что при этом появляется необходимость пояснять традиционные для дискурс-анализа категории – субъект и объект: поскольку мы рассматриваем социальную практику как сеть акторов, для нас категория «объекта» как поля приложения усилий утрачивает релевантность. При этом в центре внимания – корпус текстов, связанных с конкретным регионом, практикой, способом трансляции сообщений, адресатом и адресантом.

Обращаясь к категории практики, мы следуем за «теорией практик» (В.В. Волков, О.В. Хархордин, М. де Серто, М. Фуко, Л. Болтански, Л. Тевено и др.), понимая под практикой все, что делается в определенном институциональном контексте [Волков, Хархордин, 2008: 15]. Говоря о дискурсе, мы подразумеваем, что это «зонтичное» понятие, которое включает в себя и тематическое единство текстов, и единство высказываний, и совокупность знаков, и совокупность актов формулировки (М. Фуко). Нам важно обратиться к нему как к «коммуникативному событию между говорящим и слушающим, происходящему в определенном месте и времени» (Т.А. ван Дейк). При этом, если собрать серию коммуникативных событий, объединенных одним адресантом-субъектом, мы можем обращаться к дискурсу как «способу говорения», реализуемому в схожих коммуникативных ситуациях. Понимаемый таким образом дискурс обращает наше внимание на категоризации и умолчания адресата, адресанта, конкретных практик, цели, социального контекста. Такой фокус релевантен для нашего исследования, а к указанным элементам мы обращаемся как к параметрам анализа. Дискурсивные практики, по справедливому

замечанию О.С. Иссерс, являются «коммуникативным объектом», который «дан исследователю в непосредственном наблюдении, поскольку именно в речевой практике говорящих индивидов создаются и изменяются дискурсы» [Иссерс, 2011: 228]. Другими словами, дискурсивные практики здесь – конкретная реализация «способа говорения», применение коммуникативных компетенций с обращением к уже имеющимся дискурсам и жанрам. При анализе мы предполагаем дискурсивное единство темы, адресанта, медиа, целевой аудитории. Категоризация (и/или умолчание) темы, адресата, адресанта, таким образом, определяет ход исследования.

При этом мы исходим из допущения множественности дискурсивных экологических практик, коррелирующих с множеством социальных экологических практик, что заставляет нас фокусироваться на конкретных комплексах действий – практиках сбора и переработки вторсырья, предполагающих активное вовлечение гражданского сообщества.

Методология сбора и анализа данных. В качестве объекта исследования выступают дискурсивные практики, формирующиеся вокруг конкретных социальных практик в конкретной локации – Тюменской области, на территории которой авторами проводились предыдущие исследования [Захарова и др., 2021]. Материалом служил корпус текстов, опубликованных в группах в ВК, тематически привязанных к практикам сбора и переработки вторсырья (далее – СПВС) в Тюменской области. Другим важным фактором отбора сообществ для анализа было наличие сообщений, опубликованных за последние полгода на момент сбора данных – с января по июнь 2021 г.

В настоящее время интересующие нас практики переживают процесс реформирования и представляют собой комплекс разнородных инициатив, проявленных тремя разными социальными акторами (адресантами дискурсивных практик) – бизнес, власть и волонтеры. В связи с этим наш выбор остановился на трех сообществах¹, демонстрирующих типы адресантов явным образом: 1) региональном операторе по обращению с твердыми коммунальными отходами «Экотео» (власть); 2) добровольческом объединении «Круговорот» (волонтеры); 3) компании «Миротворец» (бизнес). Таким образом, мы обратились к трем разным практикам сбора и переработки отходов с тремя логистическими цепочками, различными способами переработки, различными видами отходов для переработки. При этом мы предполагаем, что пересечение участников этих сообществ минимизировано, поскольку разнородность дискурсивных практик основана на разнородности собственно практик СПВС. Вовлеченность в любую из практик – это, как правило, больше, чем работа, это «пересборка повседневности».

Сбор текстового материала для анализа производился с помощью программного интерфейса приложения для работы с данными социальной сети ВКонтакте (VK API) и языка программирования Python. Используемая в работе текстовая коллекция составила 1699 текстов (445, 187 и 1067 постов из групп «Экотео», «Миротворец» и «Круговорот» соответственно). Предобработка текстов подразумевала удаление специальных символов и знаков препинания с помощью модуля `re` языка Python, приведение текстов к нижнему регистру и слов к начальной форме средствами морфологического анализатора `ru morphology2` [Korobov, 2015], удаление стоп-слов с помощью библиотеки NLTK [Loper, Bird, 2002]. Далее был произведен частотный анализ категорий слов с использованием морфологического анализатора `ru morphology2` и стандартных средств языка Python.

Последующий дискурс-анализ текстов производился в два этапа: 1) экспертный анализ ключевых структурных элементов дискурса; 2) интерпретация результатов интеллектуального анализа данных и соотнесение их с категоризацией элементов дискурс-анализа (адресат,

¹ Тюменское экологическое объединение. URL: <https://vk.com/ecoteo72> (дата обращения: 24.04.2022); Ноль отходов в Тюмени | Круговорот. URL: https://vk.com/krugovorot_eco (дата обращения: 24.04.2022); Миротворец. URL: https://vk.com/mirotvorets_tmn (дата обращения: 24.04.2022).

адресант, практика). Дискурс-анализ осуществлялся тремя экспертами² сначала независимо, затем полученные результаты обсуждались до достижения согласия между экспертами.

Важными элементами дискурсивной практики, отражающей практику социального действия, являются способы представления акторов этой практики в дискурсе – как их номинации, так и другие способы представления [Gryzek, 2013: 18]. Описать и проанализировать дискурсивную практику – значит разобрать то, как представляются (замалчиваются) **адресант**, **адресат** и собственно социальное **действие (практика)**, вокруг которого и по поводу которого совершается высказывание, с учетом его жанра, стиля и формы, – т.е. описать субъект и объект (в логике акторно-сетевой теории, человеческие и нечеловеческие акторы), в совокупности удерживающие относительное единство дискурса. Для представления об адресанте мы собрали и проанализировали глагольные формы и личные местоимения (первого лица), учли безличные предложения. Для представлений об адресате – изучили глагольные формы, личные местоимения (второго лица), с применением экспертного анализа учли обращения. Для выявления представлений о практике социального действия были проанализированы способ номинации объекта практик (вторсырье, мусор и т.п.), глаголы действия, употребляемые в высказываниях, их набор и частотность.

В ходе исследования мы предприняли попытку выделить и классифицировать регистры внутри экологического дискурса – разновидности дискурса, описываемые через набор лингвистических характеристик и связанные с определенными ситуациями использования [Biber, 2012: 191]. Лингвистическое описание регистра требует количественного анализа для выявления «типичных» признаков. Для достижения этой цели был произведен частотный анализ различных частей речи, в ходе которого были учтены процентные данные в соотношении искомых слов и общего количества высказываний. Перейти от описания регистров к определению идеологических позиций акторов (субъектов высказываний) позволило обращение к модели дискурс-анализа Т.А. ван Дейка, которая использовалась для описания «тематических репертуаров», заданных коммуникативной ситуацией. Кроме того, мы обращались к дискурс-аналитической версии, связанной с идеями М. Фуко, для рассмотрения исследуемых дискурсов как властных.

Результаты эмпирического исследования. Жанровый состав постов в социальных сетях ограничен в основном объявлениями, отчетами, новостями, перепостами научных публикаций. При этом для групп акторов наблюдаются разные тенденции: если для сообщества «Экотео» характерны новость и перепост научно-популярных публикаций, то для «Миротворца» – объявление, а для «Круговорота» – объявление и отчет о проделанной работе. Различие жанров определяет различие хронотопа: объявление и отчет локализуют действие во времени и пространстве, тогда как новости с экологической проблематикой, транслируемые «Экотео», имеют размытый фокус и повествуют преимущественно о том, что имеет экологическое значение в целом, не для тюменского региона в частности.

Жанровое своеобразие также коррелирует с параметром *персонализации дискурса*, выявленным на основании сопоставления частотности личных местоимений и личных глагольных форм (см. рис. 1 и рис. 2). Этот параметр характеризует степень присутствия участников коммуникативной ситуации в дискурсе. Высокая степень персонализации сокращает коммуникативную дистанцию, склоняет дискурс в сторону личностно-ориентированного, выводя его за рамки исключительно институционального. Эти параметры носят градуальный характер: по замечанию В.И. Карасика, к одному полюсу такой шкалы будет близок разговор по душам, к другому – речевое общение во время прохождения таможенного контроля. Впрочем, «любое общение носит многомерный, партитурный характер, и поэтому выделение типов общения в конкретном речевом действии представляет собой условность и проводится с исследовательской целью» [Карасик, 2002: 294–295].

² В качестве экспертов выступали авторы статьи, имеющие разную специализацию в области социальных наук: филология (Кузнецова Н.В., Пупышева И.Н.), философия (Пупышева И.Н., Захарова О.В.), региональное и муниципальное управление (Захарова О.В.).

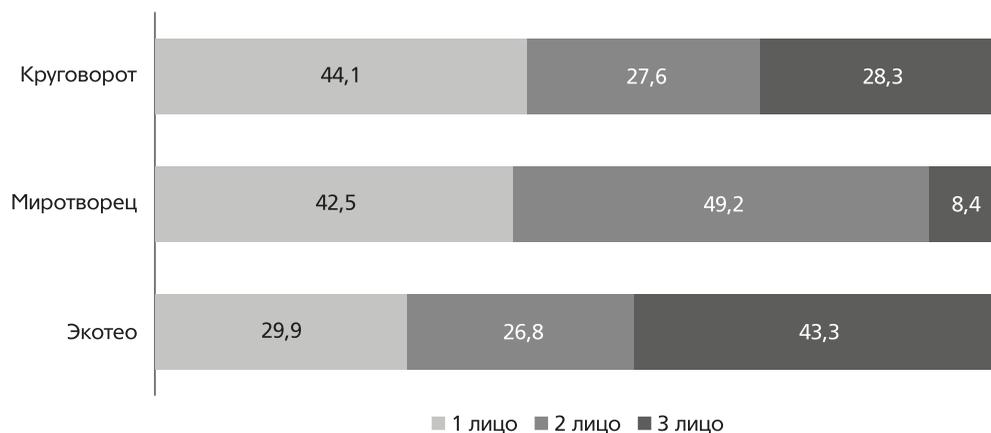

Рис. 1. Частотность личных местоимений в постах сообществ, посвященных сбору и переработке вторсырья, в %

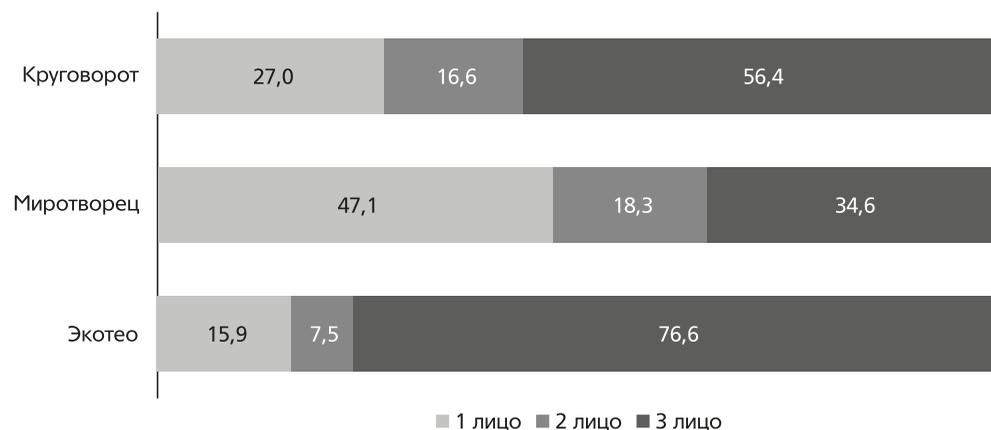

Рис. 2. Частотность глагольных форм в постах сообществ, посвященных сбору и переработке вторсырья, в %

Количественные данные показывают, что степень персонализированности дискурса варьируется в разных сообществах по сбору и переработке вторсырья. Наибольшие различия наблюдаются в использовании личных местоимений 2 лица и форм глагола 1 лица. Особенно выделяется в этом отношении «Миротворец». Из общего количества личных местоимений почти половину (49%) составляют местоимения 2 лица, тогда как на долю местоимений 3 лица приходится менее 10% (см. рис. 1). В то же время в группе «Экотео» среди личных местоимений преобладают местоимения 3 лица – 43%, местоимения 2 лица составляют 27%. Более общей чертой групп является употребление местоимений 1 лица – 43 и 30% соответственно. В свою очередь для группы «Круговорот» этот тип местоимений является преобладающим.

Глаголы формы 1 лица в этих группах также «ведут себя» по-разному. Если в «Миротворце» они составляют около половины (47%) всех глагольных форм, то в «Круговороте» – 27%, а в «Экотео» – 16%. Таким образом, дискурс компании «Миротворец», представляющей бизнес-актора, характеризуется наиболее высокой степенью персонализированности, дискурс добровольческого движения «Круговорот» – средней, а властный

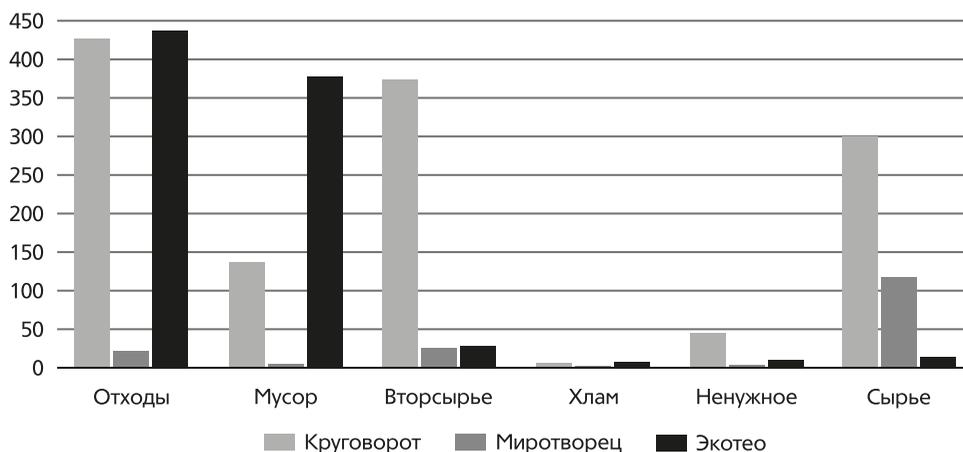

Рис. 3. Частотность номинаций «объекта» в постах сообществ, посвященных сбору и переработке вторсырья

дискурс «Экотео» – низкой степенью персонализированности. Если «Миротворец» посредством использования личных местоимений 2 лица и глаголов 1 лица включает адресата в парадигму «я – здесь – сейчас», то «Экотео», избегая такого включения, конструирует социальную реальность отчужденно от адресата. Такое положение создается в том числе за счет жанровой специфики групп.

Степень персонализированности дискурсивных практик позволяет также наметить контуры *ключевых акторов (актантов), задействованных в практиках СПВС*. Новостные обращения «Экотео» направлены на максимально широкую целевую аудиторию, отличительную и неограниченную, – они предназначены для всех. Объявления и отчеты сообществ «Миротворец» и «Круговорот» точечны и адресны: «вы» – это те, кто осуществлял раздельный сбор вторсырья у себя дома и включился в вывоз и переработку вместе с этими сообществами.

Кроме «человеческих» акторов важным элементом дискурса являются акторы «нечеловеческие» [Латур, 2018], которые в контексте дискурса СПВС могут быть обозначены как «вторсырье» (см. рис. 3).

Нечеловеческий актор в дискурсе экологических сообществ представлен *номинациями*: мусор, отходы, вторсырье, хлам, ненужное, сырье. Каждое из этих слов содержит оценочные коннотации: **вторсырье** – готовый ресурс, **отходы** – потенциальный ресурс, **хлам** и **ненужное** – то, что не может представлять ценности для потребителя. Но если ненужное предполагает отсутствие ценности для конкретного потребителя, то от хлама стоит избавляться всем. Выбор в пользу той или иной номинации, таким образом, позволяет судить о том, как авторы текстов конструируют свою целевую аудиторию.

Анализ данных показывает (см. таблицу 1), что в «Экотео» чаще всего обращаются к номинациям **отходы** (439 слов из 41 245) и **мусор** (379 слов из 41 245); авторы «Миротворца» предпочитают использовать номинацию **сырье** (117 слов из 21 424); авторы «Круговорота» – **отходы** (429 слов из 125 873), **вторсырье** (376 слов из 125 873) и **сырье** (302 слова из 125 873). Номинация **хлам** используется редко всеми участниками.

Некоторые особенности дискурса изучаемых сообществ можно выявить, анализируя носители предикативности – глаголы, показатели частотности которых в постах сообществ представлены в таблице 2.

Таблица 1

Номинации «нечеловеческого актора» в постах сообществ, посвященных сбору и переработке вторсырья (ед.)

Сообщество	Всего слов	Отходы	Мусор	Вторсырье	Хлам	Ненужное	Сырье
Экотео	41 245	439	379	28	5	11	14
Миротворец	21 424	22	3	27	1	2	117
Круговорот	125 873	429	136	376	5	45	302

Таблица 2

Глаголы, наиболее часто встречающиеся в постах сообществ, посвященных сбору и переработке вторсырья (топ-10)

	Экотео	Миротворец	Круговорот
1	Стать 67 (1,41%)	Приехать 121 (5,21%)	Принимать 340 (2,19%)
2	Вывезти 61 (1,28%)	Сортировать 109 (4,69%)	Сдавать 309 (1,99%)
3	Держать 41 (0,86%)	Сдать 72 (3,1%)	Сдать 249 (1,61%)
4	Обновлять 38 (0,8%)	Привезти 63 (2,71%)	Помочь 183 (1,18%)
5	Установить 31 (0,65%)	Жить 55 (2,37%)	Хотеть 169 (1,09%)
6	Найти 30 (0,63%)	Выкупить 54 (2,33%)	Работать 152 (0,98%)
7	Относиться 29 (0,61%)	Ехать 49 (2,11%)	Найти 149 (0,96%)
8	Получить 29 (0,61%)	Приостановить 48 (2,07%)	Делать 137 (0,88%)
9	Принять 28 (0,59%)	Заплатить 47 (2,02%)	Состояться 129 (0,83%)
10	Организовать 28 (0,59%)	Принимать 45 (1,94%)	Ждать 125 (0,81%)

Примечание. Первое значение характеризует абсолютный показатель частотности – количество употреблений данного глагола. Значение в скобках выражает относительную частотность глагола – отношение абсолютного показателя к общему количеству употреблений глаголов в постах.

Наиболее часто употребляемые глаголы в «Экотео» могут быть обобщены как указывающие на речевое (коммуникативное) действие – *рассказать, поделиться* (в значении репоста), *сообщить, обратиться*, а также ментальные действия и состояния – *решить, знать*. Практики СПВС представлены глаголами: *выбрасывать, принять, получить, вывезти*.

Больше половины наиболее употребляемых глаголов в «Миротворце» представляют практики СПВС: *провести* (экоакцию, в рамках которой и осуществляется сбор), *установить* (экобак), *организовать* (экоакцию), *сдавать/сдать, принимать, заплатить, ехать/приехать* (на экомобиле), *сортировать, выкупить*. К частотным в данном сообществе относится и глагол *жить*, указывающий на два контекста: локализацию (*жить где-либо*) и стиль жизни (*жить как-либо*).

Глаголы, представляющие практики СПВС в «Круговороте», иные: *принять/принимать, получить* (в основном речь идет о финансовом сопровождении практик: получить деньги за вторсырье, благотворительный взнос, счет на ремонт, аренду и т.п.), *принести* (как правило, в объявлениях касается доставки вторсырья до экомобиля или пункта сбора), *организовать* (фестиваль), *помочь* (в контексте позиционирования практики как обучающей сбору и переработке), *рассказать* (тоже в контексте обучения сбору и переработке), *сдать* (в контексте описания регламента работы по сбору и переработке вторсырья), *сдать/сдавать*. Глаголы *делать, работать* часто используются для определения практик (*работать волонтером* и т.п.).

Примечательно, что глагол *сдать/сдавать*, характеризующий участие в практике гражданского общества, вошел в число самых употребляемых в сообществах «Миротворец» (72/39) и «Круговорот» (243/309).

Наиболее часто встречающиеся существительные можно разделить условно на три группы номинаций актантов: 1) именующие граждан; 2) именующие инициаторов практик, выступающих от групп; 3) именующие «нечеловеческие акторы» – факторы

Таблица 3

Существительные, наиболее часто встречающиеся в постах сообществ, посвященных сбору и переработке вторсырья (топ-10)

	Экотео	Миротворец	Круговорот
1	Отход 442 (2,62%)	Адрес 626 (6,59%)	Сбор 659 (1,46%)
2	ТЭО 433 (2,57%)	Экостиль 204 (2,15%)	Пластик 549 (1,22%)
3	Экология 394 (2,34%)	Акция 184 (1,94%)	Отход 429 (0,95%)
4	Мусор 380 (2,25%)	Миротворец 170 (1,79%)	Пакет 422 (0,94%)
5	Регоператор 283 (1,68%)	Тюмень 170 (1,79%)	Друг 395 (0,88%)
6	Нацпроект 258 (1,53%)	Сырье 120 (1,26%)	Вторсырье 394 (0,88%)
7	Область 188 (1,12%)	Двор 112 (1,18%)	Пункт 374 (0,83%)
8	Новость 176 (1,04%)	Номер 92 (0,97%)	Тюмень 363 (0,81%)
9	Контейнер 146 (0,87%)	Район 91 (0,96%)	Макулатура 358 (0,8%)
10	Оператор 146 (0,87%)	Бутылка 87 (0,92%)	Круговорот 351 (0,78%)

и составляющие элементы практик. В таблице 3 приводятся абсолютные и относительные показатели частотности существительных.

Адресат (гражданин) в сообществе «Экотео» именуется как *житель* и в некоторых случаях как *экохам* (в контексте специфической акции регионального оператора); в «Круговороте» для его обозначения используется существительное *друг*. Для группы «Миротворец» слова, прямо определяющие возможного адресата, не вошли в число наиболее частотных, но есть связь возможного адресата с номинациями *экостиль*, *стиль*, а также с номинациями *двор*, *район*, *Тюмень*, *адрес*.

Адресант (инициатор практик) в сообществе «Экотео» чаще всего именуется как *регоператор* или *ТЭО*, сопровождается указанием на *нацпроект* с привязкой к экологии. Адресант «Миротворца» именуется именно как *миротворец* и оказывается связан с *экостилем*, *стилем*, *жизнью* (как образом жизни). Адресант в «Круговороте» заявлен как *волонтер*, при этом его позиция определяется как *работа*, *дежурство* (слово *дежурный* формально вошло в таблицу прилагательных, но используется и как существительное).

Практики СПВС в дискурсе «Экотео» чаще всего конструируются как большое поле экологии, *нацпроектов*, *проблем области*; работа по сбору и переработке отходов специфицируется до вопросов, связанных с *контейнерами*, *площадкой* (как физической, так и коммуникационной), подготовкой *новостей*, *обращений*, *сбором* и *вывозом мусора*. Категорией, обобщающей СПВС, инициируемые «Миротворцем», оказывается *экоакция*, которая включает в себя определение *адреса* (района, двора, дома, номера), *работы диспетчера*; важные классы *сортировки* – *макулатура*, *стекло*, *пластик*, *алюминий*. «Миротворец» предпочитает работать с сырьем и предъявляет стандарты качества – отсутствие засоров и т.д. Для «Круговорота» важным становится определение *даты*, *времени*, *пункта сбора* и *переработки*. Это сообщество имеет дело с сырьем/вторсырьем и с отходами, которые, как правило, конкретизированы: *стекло*, *макулатура*, *пластик*. Большое внимание сообщество уделяет умению распознавать *маркировку пластика*.

Частотность прилагательных (см. таблицу 4) позволяет конкретизировать позиционирование практик. Во всех трех сообществах это *экологические действия*; *хорошие*, *добрые*, *полезные* и в этом смысле *зеленые* и *чистые*; локализованные в Тюменском регионе. В «Экотео» актанты/акторы практик представлены как *мусоросортировочные* (завод), *коммунальные* (службы), *контейнерные*. В дискурсе «Круговорота» в качестве акторов преимущественно детализируются виды сырья: они конкретизируются с помощью таких прилагательных, как *стационарные*, *цветное* (стекло), *добровольческие*, *чистое* (сырье), *одноразовый* (пластик), *детский* (подгузники). В сообществе «Миротворец» наблюдается похожая детализация с помощью прилагательных – *чистый*, *установленный* (экобокс), *вторичное* (сырье).

Таблица 4

Прилагательные, наиболее часто встречающиеся в постах сообществ, посвященных сбору и переработке вторсырья (топ-10)

	Экотео	Миротворец	Круговорот
1	Тюменский 307 (5,45%)	Соседний 54 (2,34%)	Раздельный 359 (2,21%)
2	Экологический 180 (3,2%)	Раздельный 34 (1,47%)	Хороший 297 (1,83%)
3	Региональный 149 (2,65%)	Экологический 31 (1,34%)	Новый 253 (1,56%)
4	Новый 148 (2,63%)	Вторичный 22 (0,95%)	Экологический 220 (1,35%)
5	Коммунальный 139 (2,47%)	Новый 15 (0,65%)	Бытовой 190 (1,17%)
6	Контейнерный 105 (1,86%)	Живой 13 (0,56%)	Выездной 185 (1,14%)
7	Твердый 66 (1,17%)	Окружающий 13 (0,56%)	Большой 174 (1,07%)
8	Горячий 47 (0,83%)	Добрый 13 (0,56%)	Дежурный 155 (0,95%)
9	Следующий 45 (0,8%)	Хороший 12 (0,52%)	Детский 147 (0,91%)
10	Большой 42 (0,75%)	Установленный 11 (0,48%)	Зеленый 141 (0,87%)

Таким образом, номинации (существительные, прилагательные) позволяют судить о сложности логистических цепочек, которые предполагают практики СПВС. Для сообщества «Миротворец» они чаще всего выглядят как «сортирующий – вторсырье – забирающий в определенное время – на экомобиле, в определенном месте» или «сортирующий – вторсырье – специальные контейнеры – регулярно забирающий из контейнеров». Практики «Экотео» предполагают цепочку «специальные контейнеры – забирающий – отправляющий на мусоросортировочный завод». В свою очередь практики «Круговорот» реализуются с помощью цепочки «сортирующий – вторсырье – дежурный – забирающий – проверяющий – отправляющий на переработку – завод, с руководством которого удалось договориться».

Обсуждение результатов и выводы. Дискурс-анализ контента сообществ в социальной сети ВК, посвященных практикам сбора и переработки вторсырья, позволил выявить специфику этих сообществ, проанализировать представления об инициаторах и участниках экологических практик, сделать выводы о логистике и особенностях самих зеленых практик. Нами выявлены особенности дискурса волонтерских, предпринимательских и официальных сообществ, которые отражаются в жанре постов, дискурсивном регистре, роли человеческих и нечеловеческих акторов, регламенте и алгоритме действий и взаимодействиях.

1. В целом дискурс вокруг практик СПВС в анализируемых сообществах носит просветительский характер: проясняет, что значит быть экологичным и в этом смысле хорошим, чистым, вторично используемым и т.п. Во всех сообществах встречаются элементы проблемного дискурса: в «Круговороте» проблемы чаще связаны с неправильной сортировкой и плохо подготовленным сырьем (что характерно и для сообщества «Миротворец»), финансовой поддержкой проекта, сбоями в регламенте работы. Проблемы «Экотео» связаны прежде всего с порчей контейнеров, заграждениями доступа к контейнерам.

2. В «Экотео» представлен *политико-просветительский* дискурсивный регистр, выражающий официальную позицию власти. Для него характерна низкая степень персонализации дискурса – малое количество личных местоимений, анонимизация деятелей, за исключением победителей в акциях – и, напротив, высокая степень институциональности дискурса. Дискурсивный регистр «Круговорота» может быть обозначен как *конкретно-обучающий*, что выражается в детализирующих номинациях и подробном регламенте действий. Отношения акторов выстраиваются как партнерские; местоимение «мы» часто относится и к инициаторам, и к участникам акций («нам удалось...»). Равенство подчеркивается частым указанием на неприбыльность деятельности и обучающие цели. К дискурсивным особенностям «Миротворца» можно отнести высокую степень персонализации («мы приедем / мы организуем / мы принимаем»), однако местоимение «мы» относится только к инициаторам акций. Этот дискурсивный регистр может быть обозначен

как *рекламно-просветительский*: призывы присоединиться к стилю жизни, участию в оживлении планеты рядоположены с предложением финансового бонуса (1 кг = 1 руб.). Конкретным предложениям сопутствуют просветительские объяснения. Таким образом, палитра социальных отношений в рамках рассмотренных экологических сообществ представляет как явную асимметрию («Экотео»), так и стремление к симметрии и партнерству («Миротворец», «Круговорот»).

3. Сообщества «Круговорот» и «Миротворец», представляющие безвозмездную волонтерскую и предпринимательскую инициативы соответственно, ориентированы на взаимодействие с гражданским обществом, что проявляется в предложенных ролях, регламенте и алгоритме действий и взаимодействиях, указаниях взаимодействия в парадигме «Мы – Вы – Место – Время – Повод». Применительно к этим сообществам можно говорить о тесном взаимодействии и вовлеченности граждан в реализацию практик. В отличие от них, «Экотео» информирует население о деятельности власти и ее общем глобальном контексте, не предлагая и не предполагая форматов физического взаимодействия (только информационное). Своеобразным исключением является акция «Экохам», цель которой – освобождение доступа специализированных автомобилей к контейнерам («не мешайте нам работать»). Категоризация граждан как «экохамов» может быть интерпретирована как скрытое деление «пользователей» на агрессивных и не очень (что имеет место во властных дискурсах, например, тюрьмы и клиники – М. Фуко, Т.А. ван Дейк). В рассказах об эпизодах взаимодействия граждане называются потребителями, тюменцами в парадигме «Мы (регоператор) – Они – Место – Действие», что увеличивает дистанцию между деятелями и гражданами при реализации практик СПВС. Дискуссии и обсуждения здесь минимизируются, «Экотео» выступает в качестве инструмента директивного управления.

4. Корпусный анализ позволяет выстроить логистические цепочки реализации практик СПВС и выявить различие социальных практик на основании различия практик дискурсивных. Логистика деятельности волонтерского сообщества выстроена по схеме: «сортирующий – вторсырье – дежурный – забирающий – проверяющий – отправляющий на переработку – завод, с руководством которого удалось договориться». В случае с предпринимательским сообществом это «сортирующий – вторсырье – забирающий в определенное время – на экомобиле, в определенном месте» или «сортирующий – вторсырье – специальные контейнеры – регулярно забирающий из контейнеров». Схема деятельности регионального оператора по обращению с отходами выглядит следующим образом: «специальные контейнеры – забирающий – отправляющий на мусоросортировочный завод». Представленные схемы соответствуют деятельности, заявленной в целях сообществ, и их фактической деятельности.

5. Способы говорения о практиках СПВС в трех сообществах рассматриваются в экологическом ключе, а потому могут быть соотнесены с существующими классификациями экологических дискурсов. Рассматриваемые сообщества различаются прежде всего по «способу восприятия мира» (в терминологии Дж. Дризека). «Экотео» ближе всего к прозаически-реформистскому типу: работа регионального оператора позиционируется как государственное решение экологических проблем. Отдельные высказывания «Круговорота» позволяют говорить о его близости к имажинативно-радикальному типу: призывы к ответственному и ограниченному потреблению представляются как решение экологических проблем. «Миротворец» опирается на образ экологии как стиля жизни, предлагая услугу более удобного способа «быть экологичным», что напрямую не репрезентирует «отношения к жизни».

Таким образом, различие социальных практик СПВС репрезентируется в различии дискурсивных практик: семантическом (различие номинаций), грамматическом (использование местоимений, личных форм глаголов), жанровом, стилевом, а также в глобально-стилокальности экологической проблематизации (хронотоп) и способе восприятия мира.

Дискурс-анализ постов в социальной сети показал себя действенным методом изучения особенностей экологических сообществ, связанных с раздельным сбором отходов, и может быть использован в дальнейших исследованиях. Однако применяемая методология

имеет определенные ограничения. Поскольку акцент настоящей работы ставился на описании лингвистических особенностей с применением лингвистической версии дискурс-анализа, главной задачей стало описание регистров и коммуникативных репертуаров, в то время как особенности социальных взаимоотношений оказались только намеченными, что предполагает развитие этого направления в дальнейших публикациях. Кроме того, обращение к элементам критического дискурс-анализа включает критику властных дискурсов и оставляет авторам возможность занять конкретную «политическую» позицию в исследуемых вопросах, что привело к определенной исследовательской асимметрии (в критическом фокусе оказался, прежде всего, региональный оператор «Экотео»).

Собранная информация позволяет судить об изменениях социальных практик в условиях экологического кризиса и создавать условия тиражирования зеленых практик. Использование автоматических методов анализа текстов позволяет использовать дискурс-анализ для мониторинга социальной ситуации в рамках экологической и климатической повестки, что может быть востребовано как научным сообществом, так и лицами, принимающими решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
- Громорушкина А.А. Экологический дискурс как комплексное явление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 36–46.
- Захарова В.А. Экологические практики в системе социализации современной российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 4. С. 140–149.
- Захарова О.В., Паюсова Т.И., Ахмедова И.Д., Суворова Л.Г. Зеленые практики: подходы к изучению // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 25–36.
- Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник ОмГУ. 2011. № 4. С. 227–232.
- Каминская Т.Л. Новые тренды в российской политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2020. Т. 84. № 6. С. 12–18.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Коренюк А.В., Федорова Е.В. Использование PR-технологий в продвижении некоммерческой организации (на примере движения «Раздельный Сбор» во Владивостоке) // Актуальные исследования. 2021. № 26 (53). С. 71–74.
- Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Оппозиция «природа–государство» в медийном экологическом дискурсе (на материале статей организации GREENPEACE) // West-East. 2019. Т. 2/2. № 1. С. 89–93.
- Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Лебедева Д.Р. Человек экологический: повседневные практики заботы об окружающей среде как атрибут современного субъекта в представлениях молодых москвичей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 2. С. 110–143.
- Маньковская З.В. Стратегии воздействия в экологическом дискурсе (на примере англоязычной публичной речи) // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 3 (123). С. 44–49.
- Орешкина Т.А., Коняшкин В.А. Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. Т. 47. № 4. С. 133–144.
- Пупкова Ю.В., Грабовская Е.О. Эколого-просветительский потенциал социальных медиа (на примере онлайн-коммуникаций ассоциации «Раздельный Сбор») // Информация и образование: границы коммуникаций. 2019. Т. 19. № 11. С. 156–158.
- Сорвина А.Р. Своеобразие функционирования концептов в экологическом дискурсе (на материале текстов сайта «BELLONA.RU») // Форум молодых ученых. 2019. Т. 34. № 6. С. 1076–1079.
- Хохлова М.В. Экологический дискурс в системе институциональных дискурсов (к постановке проблемы) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. Т. 34. № 2. С. 101–108.
- Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции ШИЕС // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83–98.

- Шабанова М.А. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 88–112.
- Шинкаренко А.А. Особенности экологического дискурса в политике государств Латинской Америки // Ибероамериканские тетради. 2019. Т. 25. № 3. С. 42–45.
- Biber D. Register and Discourse Analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / Ed. by J.P. Gee, M. Handford. London; New York: Routledge, 2012.
- Dryzek J.S. The Politics of the Earth: Environmental Discourses. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Ermolaeva Y.V., Rybakova M.V. Civil Social Practices of Waste Recycling in Russia (Moscow and Kazan). ИОАБ. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 153–156.
- Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages // International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts. Cham: Springer, 2015.
- Loper E., Bird S. NLTK: The Natural Language Toolkit // Proceedings of the ACL-02 Workshop on Effective Tools and Methodologies for Teaching Natural Language Processing and Computational Linguistics. 2002. Vol. 1. P. 63–70.

Статья поступила: 25.04.22. Финальная версия: 03.08.22. Принята к публикации: 28.02.23.

VARIETIES OF THE DISCOURSE ABOUT COLLECTION AND PROCESSING OF RECYCLABLE MATERIALS: BETWEEN PURSUIT OF GAIN AND SAVING THE WORLD

PUPYSHEVA I.N.*, ZAKHAROVA O.V.*, KUZNETSOVA N.V.*

* University of Tyumen, Russia

Irina N. PUPYSHEVA, *Cand. Sci. (Philos.)*, Associate Professor, Philosophy Department (i.n.pupysheva@utmn.ru); Olga V. ZAKHAROVA, *Cand. Sci. (Philos.)*, Associate Professor, Public Administration Department (o.v.zakharova@utmn.ru); Natalia V. KUZNETSOVA, *Cand. Sci. (Philol.)*, Associate Professor, Russian Language and General Linguistics Department (n.v.kuznecova@utmn.ru). All – University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 21-011-31463.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the textual representation of environmental practices in the thematic communities of the VK social network using the methodology of discourse analysis. The subject of the study was the linguistic and extralinguistic features of the construction of discursive practices related to the collection and processing of recyclable materials in the Tyumen region. Three types of social actors were considered: volunteer, entrepreneurial and official communities. Data were obtained on the genre identity of communities; existing roles, regulations and algorithm of actions and interactions; actors and recipients of messages; logistics and other specifics of the activities of environmental communities reflected in their publications. The differences of social waste management practices implemented by different social actors (government, business, volunteers) are revealed, which are represented in the difference of discursive practices: semantic, grammatical, genre, style difference, as well as in the globality/locality of environmental problematization (chronotope) and the way of perceiving the world. Three types of discursive registers are identified, reflecting the specifics of discursive practices characteristic of the considered ecological communities. The “political and educational” discourse expresses the official position of the authorities and is characterized by a high degree of institutionality and a clear asymmetry of social relations. The “specifically training” discourse is distinguished by building partnerships, non-profit activities and its training goals. In the “advertising and educational” discourse the proposed ecological lifestyle is associated with receiving financial bonuses.

Keywords: environmental discourse, green practices, waste management practices, waste collection and recycling, discursive analysis, social media.

REFERENCES

- Biber D. (2012) Register and Discourse Analysis. In: *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London; New York: Routledge.
- Chmel K., Klimova A., Mitrokhina E. (2020) The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: The Landfill Site at Shies Railroad Station. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 18. No. 1: 83–98. (In Russ.)
- Dryzek J.S. (2013) *The Politics of the Earth: Environmental Discourses*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Ermolaeva Y.V., Rybakova M.V. (2019) Civil Social Practices of Waste Recycling in Russia (Moscow and Kazan). *ИОАБ*. Vol. 10. No. 1: 153–156.
- Gromorushkina A.A. (2020) Ecological Discourse as a Complex Phenomenon. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. Vol. 3. No. 832: 36–46. (In Russ.)
- Issers O.S. (2011) Discursive Practice as an Observable Reality. *Vestnik OmGU* [Bulletin of Omsk State University]. No 4: 227–232. (In Russ.)
- Kaminskaya T.L. (2020) New Trends in Russian Political Communication. [Political Linguistics]. Vol. 6. No. 84: 12–18. (In Russ.)
- Khokhlova M.V. (2019) Environmental Discourse in Institutional Discourses System: Overview. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. Vol. 2. No. 34: 101–108. (In Russ.)
- Karasik V. I. (2002) Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
- Korenyuk A.V., Fedorova E.V. (2021) Use of PR Technologies in Promoting Non-Profit Organization (On the Example of the Separate Collection Movement in Vladivostok). *Aktual'nye issledovaniya* [Current Research]. No. 6: 71–74. (In Russ.)
- Korobov M. (2015) Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages. In: *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts*. Cham: Springer.
- Kushneruk S., Kurochkina M. (2019) "Nature–State" Opposition in the Ecological Media Discourse (Based on Greenpeace Official Cite Articles). *West-East*. Vol. 2/2. No 1: 89–93. (In Russ.)
- Latour B. (2018) *Politics of Nature. How to Bring the Sciences into Democracy*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Lebedeva D. (2021) Homo Ecologicus: Daily Pro-Environmental Practices as an Attribute of the Modern Subject in the Understanding of Young Muscovites. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 24. No. 2: 110–143. (In Russ.)
- Loper E., Bird S. (2002) NLTK: The Natural Language Toolkit. In: *Proceedings of the ACL-02 Workshop on Effective Tools and Methodologies for Teaching Natural Language Processing and Computational Linguistics*. Vol. 1: 63–70.
- Mankovskaya Z.V. (2018) The Use of Persuasion Strategies in Ecological Discourse (The Case of American Public Speeches). *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education]. Vol. 3. No. 123: 44–49. (In Russ.)
- Oreshkina T.A., Konyashkin V.A. (2018) Ecological Consciousness and Ecological Discourses of Civilization. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Research]. No. 4: 133–144. (In Russ.)
- Pupkova Yu.V., Grabovskaya E.O. (2019) Ecological and Educational Potential of Social Media (The Case of Online Communications of the Association "Separate Collection"). *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsij* [Information and Education: Boundaries of Communications]. Vol. 19. No. 11: 156–158. (In Russ.)
- Shabanova M.A. (2019) Separate Collection of Household Waste in Russia: Level, Factors and Population Inclusion Potential. *Mir Rossii* [World of Russia]. Vol. 28. No. 3: 88–112. (In Russ.)
- Shinkarenko A. (2019) Features of Ecological Discourse in The Policy of The States of The Latin American. *Iberoamerikanskije tetradi* [Cuadernos iberoamericanos]. No. 25: 42–45. (In Russ.)
- Sorvina A.R. (2019) The Diversity of Concepts Functioning in Ecological Discourse (Based on Bellona.ru Texts). *Forum molodyh uchenyh* [Forum of Young Scientists]. Vol. 34. No. 6: 1076–1079. (In Russ.)
- Volkov V.V., Harhordin O.V. (2008) *The Theory of Practices*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)
- Zakharova O.V., Pajusova T.I., Ahmedova I.D., Suvorova L.G. (2021) Green Practices: Approaches to Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 25–36. (In Russ.)
- Zakharova V.A. (2020) The Ecological Culture of Modern Russian Youth: A Problem Field and Research Prospects. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]. Vol. 13. No. 4: 140–149. (In Russ.)

Социология массовых коммуникаций

© 2023 г.

Е.А. ОСТРОВСКАЯ, Т.Б. БАДМАЦЫРЕНОВ, С.В. ВАСИЛЬЕВА

МЕДИАТИЗИРОВАННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: МИССИЯ В КИТАЕ

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна – доктор социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербург, Россия (e.ostrovskaya@spbu.ru); БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой политологии и социологии (batorovitch@mail.ru); ВАСИЛЬЕВА Светлана Владимировна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой религиоведения и теологии (sv_vasilieva@mail.ru). Оба – Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования современных коммуникативных практик православной миссии в Китае с позиций социоконструктивистского подхода к трактовке медиатизации и порождаемых ею коммуникативных фигураций. Фигурация православной миссии в Китае – это многообразные транслокальные переплетения разных категорий акторов, практик и медиа. На микроуровне локальных фигураций православная миссия в разных городах КНР, Гонконга и Тайваня представлена констелляцией акторов, включающей конкретного священника и прихожан. Миссия определяется как чуждая прозелитизму, но нацеленная на индивидуальный диалог с человеком в духовном поиске. Православная миссия использует Интернет и новые медиатехнологии для создания собственной медианиши со своим репертуаром доктринальной и богослужебной литературы, языком религиозного обращения, доступным для потенциального или актуального верующего. Данный кейс интересен в разрезе изучения самой возможности православной миссии в обществах религиозного плюрализма, но вместе с тем и глубоко секуляризованных, коммерциализированных и индивидуализированных.

Ключевые слова: медиатизированное православие • Китай • миссионерская деятельность • цифровая религия

DOI: 10.31857/S013216250022669-8

Введение. В последние годы появились публикации о практиках цифрового православия, медиатизированного буддизма, цифровых религиозных СМИ, публичных имиджах традиционных религий. Исследователи задаются вопросами о степени медиатизированности традиционных религий – их отношении к Интернету и новым медиа, о возможностях и границах выведения религиозных практик в онлайн-формат, об изменениях, привносимых офлайн/онлайн-комбинациями религиозных коммуникаций. Наш опыт показывает, что ответы на вопросы о медиатизированной реальности религии следует искать в плоскости эмпирических исследований.

В статье рассматриваются современные коммуникативные практики православной миссии в Китае. Данный кейс позволяет соприкоснуться с ответами на вопросы о возможностях православной миссии в обществах религиозного плюрализма, но вместе с тем и глубоко секуляризованных, коммерциализированных и индивидуализированных. Тема сущности

православной миссии в условиях медиатизации современности – это сравнительно новый разворот как в деятельности РПЦ, так и в научных исследованиях.

Согласно большинству исследовательских работ, православная миссия в Китае прекратила официальное существование еще в 1954 г. В 1956 г. все недвижимое имущество РПЦ передано в собственность КНР, Китайской православной церкви (КПЦ)¹ предоставлена автономия [Горбачев, Манакова, 2013: 96–98]. В период «культурной революции» храмы были полностью или частично разрушены, священство и миряне подвергнуты жесточайшим гонениям. Не миновала эта участь и Китайскую автономную православную церковь (КАПЦ), утратившую большинство своих храмов и клир [Косых, 2019: 146]. В этот период в среде китайского чиновничества закрепился тезис об идеологическом тождестве православия и российской внешнеполитической стратегии [Курто, 2012: 343].

Возрождение православной миссии в Китае началось лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в рамках принятого РПЦ курса на возобновление духовного окормления стран Востока. В образовательной программе Московской духовной академии и семинарии (МДАиС) появились учебные курсы по преподаванию восточных языков, в том числе и китайского. В 2001 г. МДАиС открыла Дальневосточный центр, учебные программы которого ориентированы на подготовку специалистов для миссионерского служения в странах Дальнего Востока [там же: 348]. Дальневосточный центр установил долгосрочные связи с духовными образовательными учреждениями Тайваня и Гонконга, в которых смогли пройти языковые стажировки священники, желавшие заниматься в перспективе православной миссией в Китае. Возобновлена деятельность Православного братства святых апостолов Петра и Павла в Гонконге. В качестве ключевых целей духовной активности Братство позиционировало поддержку религиозной деятельности КАПЦ, осуществление проекта по переводу православной литературы на китайский язык и окормление граждан РФ, живущих в Китае [Поздняев, 2006; Косых, 2017]. Совместной инициативой Дальневосточного центра и Братства стала идея создания подворья КАПЦ, учрежденного в 2011 г. указом патриарха Кирилла [Курто, 2012: 349].

Анализ публикаций российских и китайских исследований показывает, что, несмотря на серьезные шаги, предпринятые образовательными и миссионерскими структурами РПЦ, православная миссия в Китае развивается медленно и в сложной социокультурной ситуации. В отечественных работах акцентируется проблема ограничений миссионерской деятельности китайским законодательством, включая запрет на миссионерство и любую религиозную активность на территории Китая для религий, не имеющих статуса официальных, требование для «иностранных религий» адаптации языка и практики богослужений к этнокультурным реалиям современного Китая [Дацышен, 2007; Афонина, 2018; Ломанов, 2021; Лукин, 2013]. Исследования китайских религиоведов концентрируются на связи православной миссии с осуществлением политических интересов России [Ли Иннань, 2019]. Они рассматривают православие как религию «малой народности русских», проживающих в трех автономных районах Китая, подчеркивая, что за их пределами православие не представлено [Чжань Фань, 2015; Лян Чжэ, 2015].

Социологических исследований православной миссии в ее нынешнем виде не предпринималось. Одной из причин могут выступать правовые ограничения на православную богослужебную деятельность в КНР и слабая изученность форматов миссии в Гонконге и на Тайване. Поэтому изучение возможностей и коммуникативных практик православной миссии в Китае сквозь призму медиатизации открывает доступ исследователям к удаленным и труднодоступным объектам.

Методология и методы исследования. Эмпирическая часть исследования проводилась в период с апреля по сентябрь 2022 г. в два этапа. На первом этапе собрана и проанализирована информация о миссии из общедоступных источников – упоминания,

¹ Китайская Автономная Православная Церковь // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1143899.html> (дата обращения: 02.08.2022).

интервью и статьи о православной миссии в Китае, размещенной на православных онлайн-ресурсах (patriarchia.ru, pravoslavie.ru, predanie.ru, drevo-info.ru; сайте радио «Вера»; YouTube-каналах Православных духовных академий), проведен сравнительный анализ с данными научных публикаций. В результате выявлены разнообразные категории акторов (священников, общин и организаций внутри РПЦ), медиа, опосредующие их деятельность, и онлайн-практики. Однако характер связей между ними, их смысловое наполнение и релевантность задачам миссии не являются очевидными.

Адекватной методологией для изучения такого сложного объекта представляется социоконструктивистский подход (см. подробнее, напр.: [Островская, 2020]). Здесь ограничимся определением и кратким рассмотрением двух его аналитических единиц, использованных в качестве инструментария, – концепции коммуникативных фигураций [Hepp, Hasebrink, 2014; Couldry, Hepp, 2017] и понятия «медиамнообразия».

Алгоритм эмпирического исследования коммуникативной фигурации следует выстраивать с учетом ключевой характеристики периода глубокой медиатизации. А ее спецификой является «медиамнообразие» (media manifold), которое делает возможным выявление двух неочевидных в прямом наблюдении, но взаимосвязанных аспектов реальности: положение социального актора в широкой институционализированной среде взаимозависимых медиа и ситуативная сложность выбора медиа в повседневной ситуации актора. В исследовании необходимо изучать и то, и другое, а также взаимосвязь этих двух аспектов медиатизированной реальности [Couldry, Hepp, 2017: 52, 54–56].

На волне цифровизации формируются небывалые прежде компоновки акторов, коммуникативных практик и медиа, обозначаемые как коммуникативные фигурации [Hepp, 2020: 109–111]. Фигурации – это устойчивое переплетение акторов, их коммуникативных практик, увязанных общим фреймом релевантности, и медиа-ансамблем [Couldry, Hepp, 2017: 66]. Конstellляция акторов – это структурная основа фигурации, которая может быть образована индивидуальными акторами, коллективами или организациями. Каждая фигурация имеет только одну конstellляцию акторов, воспринимающих себя как ее часть. Индивиды вовлечены в фигурацию через ту роль или позицию, которыми они закреплены в конstellляции. Фрейм релевантности дает ориентир для осмысленного взаимодействия акторов и вместе с тем является смыслом фигурации. Коммуникативные практики – это те формы коммуникативного действия, которые реализуются в среде медиамнообразия. Медиа-ансамбли образуют среду, через которую осуществляется коммуникативная фигурация. Речь идет не об одном медиа, превалирующем или формирующем коммуникацию фигурации. Медиа-ансамбль включает в себя те медиа, которые формируют фигурацию. В этом контексте важно учитывать различие понятий «медиа-репертуары», маркирующее специфику индивидуального способа выстраивания смыслов посредством медиа, и «медиа-ансамбль» как среда коммуникаций для всей конstellляции акторов [Hepp, 2020: 104–105].

Концепция коммуникативных фигураций является удобным инструментарием, поскольку позволяет масштабировать объект исследования. Так, на макроуровне фигурация может быть рассмотрена как состоящая из переплетения акторов, практик и медиа нескольких фигураций. На мезоуровне фигурация предстает как переплетение индивидуальных акторов, общин и организаций, а также их фреймов релевантности и коммуникативных практик, опосредуемых медиа [Hepp, Hasebrink, 2018]. В нашем эмпирическом исследовании этот концептуальный компонент принципиален, поскольку фигурация православной миссии в Китае при детальном изучении предстала как фигурация фигураций – сложная композиция структур, организаций, акторов, связанных друг с другом коммуникативными практиками и медиа-ансамблем, релевантными тематическому фрейму миссии РПЦ в Китае. Ориентируя наше исследование как мезоуровневое, мы сконцентрировались на той части фигурации, коммуникативные практики и медиа-ансамбль которой объединяют священников и мирян, проживающих в Гонконге, КНР, на Тайване и в России.

На втором этапе мы провели 27 экспертных и биографических интервью с целевой выборкой, наполняемой респондентами. В выборку попали российские священники,

проживающие в КНР, Гонконге и на Тайване. Кроме того, сделаны экспертные интервью со священниками Китайского подворья и Отдела внешних церковных связей РПЦ. Респондентам были предложены вопросы об определении миссии и ее практической реализации в офлайн- и онлайн-активностях; о функциональном назначении медиа, используемых самим священником, и о тех, которые опосредуют коммуникативные практики миссии; группа вопросов об общинах и приходах в соответствующих регионах Китая. Наряду с интервью, мы задействовали метод анализа онлайн-текстов медиа, созданных в целях миссии или используемых в коммуникациях миссии (сайты, мобильные приложения, блоги респондентов на медиаплатформах).

Конstellация акторов: транслокальные связи. Анализ онлайн-публикаций в православных СМИ и на православных цифровых платформах показал, что упоминания о православной миссии в Китае связаны с коммуникативными практиками Дальневосточного центра при МДА, созданного «с целью формирования миссионерской базы для проповеди христианства в Дальневосточной ойкумене»², и гонконгского православного братства, возглавляемого российским священником. В ответах на запросы в епархиальные миссионерские отделы неизменно приходило имя этого священника. В результате изучения православных YouTube-каналов обнаружены видеоролики о рукоположении китайских священников в стенах храмов российских ПДА. Двое из них – выпускники Санкт-Петербургской духовной академии, один служит в Харбине³, другой – во Внутренней Монголии КНР⁴. Третий отучился заочно в Хабаровской ПДА⁵ и служит в Гонконге. Упоминания о них встречаются в научных публикациях. Однако по данным экспертных интервью оказалось, что китайские священники, служащие в Харбине и во Внутренней Монголии, несколько дистанцированы от коммуникативных практик российских священников.

Сравнительный анализ материалов интервью показал, что служение в православной миссии – это призвание и осознанный выбор, сопряженные с решением стать священником, получить образование в Духовной семинарии, глубоким интересом к китайской культуре, истории и опытом погружения в повседневность современного Китая. В отсутствие четко отстроенной церковной подготовки религиозных профессионалов такого профиля, их формирование предстало в каждом случае как уникальный биографический путь. Вместе с тем в интервью обнаруживается некий общий организационный фрейм вовлечения в миссию: обучение в Московской или Хабаровской православной семинарии, рукоположение, освоение китайского языка на базе Дальневосточного центра, несколько лет языковых стажировок на Тайване в католическом университете. Таким образом, обозначенные православные образовательные организации оказываются влеченными в конstellацию акторов фигурации православной миссии в Китае. Кроме того, анализ биографических интервью показал, что включение в деятельность миссии любого нового актора предполагает одобрение со стороны священства, инициировавшего возрождение православной миссии в Китае. Священники знакомы друг с другом, соотношены в своей деятельности через один и тот же медиарепертуар и используемый фигурацией медиа-ансамбль.

Российские священники увязаны также с самоорганизующимися локальными православными общинами посредством коммуникативных практик богослужений, проводимых на

² В Дальневосточном центре при МДА обсудили вопросы создания Катехизиса на китайском языке. Православие.ru, 26.11.2020. URL: <https://pravoslavie.ru/43091.html> (дата обращения: 19.09.22).

³ Хиротония во пресвитера диакона Александра Юй / The ordination of the presbyter Alexander Yu. YouTube-канал «Санкт-Петербургская Духовная Академия», 04.10.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hjLP1sHOg88> (дата обращения: 19.09.22).

⁴ Иерейская хиротония Павла Сунь Мина / Priest ordination of Pavel Sun Min. YouTube-канал «Санкт-Петербургская Духовная Академия», 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pd0zYlJYel> (дата обращения: 19.09.22).

⁵ Рукоположение в священники. Новости. GuberniaTV GuberniaTV – YouTube-канал медиахолдинга «Губерния» (г. Хабаровск). 05.12.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ifLdRxmott0> (дата обращения: 19.09.22).

территориях российских посольств и консульств в таких городах КНР, как Харбин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, и в провинции Ляонин. К этой констелляции акторов принадлежат также российские священники, возглавляющие приходы в Гонконге и на Тайване, а также члены этих приходов. Общим для всех интервью было указание на полинациональный состав общин и приходов, костяк которых, как правило, составляют русские, сербы, греки, проживающие в Китае, с определенной долей прихожан-китайцев, ханьцев и неханьцев. В Гонконге и на Тайване китайские прихожане составляют треть от состава приходов.

Тематический фрейм миссии: «Если люди придут, мы должны быть здесь». Вопрос о миссионерстве в условиях запрета на миссию в материковом Китае и неуспешности стандартных миссионерских приемов для повседневности тайваньского и гонконгского обществ оказался самым сложным для исследования. Основным препятствием на пути адекватного научного понимания тематического фрейма православной миссии в условиях китайского общества выступают, на наш взгляд, привычные академические трактовки, закрепившиеся в востоковедении, религиоведении и даже социологии. В большинстве статей о статусе православной миссии в Китае миссионерство отождествляется с многочисленным штатом клириков, занимающихся проповедью на широкие аудитории, уличными акциями, «доведением людей до церкви». Кроме того, миссионерская деятельность трактуется сквозь призму государственно-конфессиональных отношений – границ и форм, допустимых для религиозной проповеди или практик с точки зрения государства. Еще на этапе сбора первичной информации мы столкнулись с противоречивыми тезисами – от утверждений о несуществовании в Китае ни православных священников, ни приходов до утверждений о беспрецедентных успехах «новых договоренностей». Стала очевидной необходимость введения в интервью блока вопросов о трактовке миссии в современных условиях, практик реализаций, а также возможностей и ограничений.

Начнем с трактовки православной миссии в Китае, предложенной в экспертном интервью с российским священником, служащим в Китайском Патриаршем подворье. Она интересна в двух аспектах: отражает официальную позицию РПЦ по духовной миссии в КНР, Гонконге, на Тайване и в диаспоре на территории России; учитывает законодательную и социокультурную специфику этих стран: «...в Китае исторически было православие, более 300 лет. Наша задача на самом деле не обратить весь Китай в православие, а нормализовать жизнь Китайской автономной православной церкви (КАПЦ), у которой были китайцы-епископы, священники-китайцы. У китайцев есть право исповедовать религию, у них есть декларируемый курс свободы вероисповедания. Наша задача сделать так, чтобы жизнь КАПЦ вылилась в реальную возможность. Никаким прозелитизмом мы не занимаемся, никого насильно не тащим. Но те, у кого есть желание, чтобы они имели возможность свои религиозные потребности реализовать. Миссия состоит в поддержке китайцев, которые сами свои общины создают. Мы отвечаем на запрос, готовы помочь тем, кто ищет истинного Христа. Господь призывает и в сердце человеческое стучит. Наша миссия, чтобы было куда прийти, даем людям физическую возможность прийти по зову сердца».

В интервью респондент разъяснил, почему РПЦ считает Китай «зоной своей ответственности»: «У каждой церкви есть каноническая территория, за которую она не имеет право выходить без разрешения другой церкви. Но помогать православным верующим найти Христа РПЦ имеет полное право. Это вопрос внутреннего церковного законодательства. У нас есть свое законодательство, внутреннее корпоративное право церкви. Например, Константинопольская православная церковь имеет священника и целого епископа в Гонконге, но они без нашего разрешения пришли на территорию Гонконга и миссионерствуют. Это так нужно понимать. По факту того, что мы в Китай пришли первыми и создали там КАПЦ, а она была в составе РПЦ и РПЦЗ, эта территория нашей ответственности» (о. А., интервью 16.09.22).

Из приведенных цитат следует, что сегодня миссия трактуется как религиозная поддержка и попечение, оказываемые священниками РПЦ верующим православным китайцам в ситуации все еще не восстановленного юридического статуса КАПЦ. Именно такая

трактовка как служения, а не прозелитизма звучит практически во всех интервью. В контексте нашего исследования необходимо понять: как формулируется тематический фрейм миссии, релевантный такой установке.

Одним из первых мы обратились с просьбой об интервью к священнику, создавшему еще в конце 1990-х гг. проект по организации православной миссии в Китае, потратившему десятки лет на его реализацию и имеющему опыт служения как на материковом Китае, так и в Гонконге. Он подчеркнул, что внутри российского православия отсутствуют школы миссионерства, нет четко структурированной методологии миссии, поэтому методы и практики миссии формируются на эмпирическом опыте. Собственный многолетний опыт православного миссионерства привел его к пониманию необходимости разворачивания миссии как диалога, «индивидуальной работы с человеком», не предполагающей навязывания информации или принуждения. Этот диалог должен учитывать языковую среду, традиции и современную этнонациональную культуру взаимодействия.

Когда я стал этим заниматься, в 1994–1995 гг., никто этим особо не занимался. В России <...> миссионерство было специфично, не органично. У нас нет каких-либо школ миссионерства. Были отдельные примеры миссионерского служения, но как таковой школы, структуры такой никогда не было. Методология миссионерства открывается эмпирическим путем. В современном секуляризованном обществе миссия не имеет шанса на массовый успех, это всегда будет индивидуальная работа. <...> ответ на индивидуальный интерес людей к духовной жизни, которая на самом деле всегда присутствует, в том числе и в современном секулярном мире, который лишен вертикальной составляющей. Современный мир дает человеку социальную альтернативу, но абсолютно игнорирует вопросы духовного порядка, они остаются не отвеченными. Люди, у которых есть стремление к духовной жизни и религиозной практике, всегда были, есть и будут. Скажем, в Гонконге и Китае люди часто не находят удовлетворяющий их ответ в рамках других религиозных течений, которые там представлены, в том числе католицизма и протестантизма, не говоря уже об атеизме и агностицизме. Интерес есть, не массовый, индивидуальный, ответ на него поэтому должен носить индивидуальный характер, ориентироваться на личность человека, который начинает интересоваться христианством. Лично я не считаю эффективной уличную миссию, особенно в городе. Житель большого города ограничен во времени и не очень любит навязывание рекламного типа. Люди устают, они перегружены ритмом городской жизни <...>. Они не хотят избытка информации. Я понимаю уличную миссию как навязывание.

Начав свое служение в Китае 2000-х гг., он обнаружил, что обществу неизвестны письменная традиция православия как конфессии и практики духовной жизни. В таком контексте одной из ключевых составляющих миссии стала деятельность по переводу и публикации православной, богослужебной, теологической литературы на китайский и английский языки. А понимание того, что современное общество является глубоко медиатизированным, влечет за собой трактовку православной миссии как опосредуемой медиакоммуникациями. И есть отчетливый фрейм релевантности задачам миссии – создание онлайн-библиотеки православной литературы с возможностями онлайн читательского пользования и покупки книг, организация православных групп в социальных сетях и мессенджерах, популярных в Китае, Гонконге, на Тайване.

Мы предоставляем информацию через медиа, иногда лекции проводим, иногда мероприятия. Например, выставка икон или выставка облачений. На мероприятия люди приходят, с ними можно поговорить. Но приходят люди, которые заинтересованы этой темой и этим общением. Это более адресно, в отличие от уличной миссии. Другое, что лежит на поверхности, – Интернет является средством коммуникации. А миссия, если говорить современным языком, есть коммуникация. Любые средства коммуникации имеет смысл использовать. Тем более что сейчас многие люди большую часть информации получают не в офлайне, а в онлайн, это присутствие в медиа необходимо. Мы много переводим и публикуем на китайском языке в формате книг. Последние десять лет в формате электронных книг тоже. У нас есть сайт: <http://www.orthodoxbookshop.asiafaq>. Все, что на нем есть, – это все нами переведено. Более 100 книг за эти годы. Сайт трехязычный – там есть русский интерфейс, английский, китайский как упрощенный, так и в китайских иероглифах (о. Д., интервью 03.08.22).

В Китае запрещено не только миссионерство, но и любая религиозная деятельность иностранных миссионеров и пасторов. В таком контексте само православное служение – существование общины, литургии, возможность обращения к православному священнику с вопросами или просьбой о крещении – трактуется в интервью как миссионерская деятельность: «То, что мы служим – это миссионерская деятельность. К нам приходят китайцы-католики. Мы живем как община, помогаем, поддерживаем в решении принять крещение. Нет миссионерства как агрессивного миссионерства, никого за грудки не хватаем, это здесь и вообще невозможно. В ситуации невозможности проповеди, проповедью становится дружная общинная жизнь. Для китайцев важно видеть православие как национальную веру, когда люди разных национальностей объединены общинной жизнью. Как показывают эти восемь лет, оно все равно работает, китайцы приходят, потому что мы здесь» (о. Д., интервью 09.09.22).

Проблема в том, что христианство хорошо знакомо китайцам благодаря новым медиа, им не нужны проповедники, да и не принят в китайской культуре такой тип духовного общения. Способ взаимодействия по религиозным вопросам, понятный и приемлемый с точки зрения китайской повседневной культуры, – это инициатива, идущая от самого человека. Здесь будет уместной цитата из интервью со священником, имеющим не только духовное и востоковедческое образование, но и продолжительный опыт жизни и служения в КНР:

Если про миссию, сразу надо сказать, что сейчас все совсем не так, как происходило во времена Петра Великого, или когда в Пекин приезжал Маттео Риччи. Сейчас все китайцы абсолютно знают о христианстве, все китайцы знают о Христе. Пусть даже не из уст миссионеров и пасторов, но все знают, что такое католицизм или протестантизм. Массовая культура и Интернет сделали свое дело – не надо объяснять, кто такой Иисус Христос, кто такой Бог. Я никому из граждан Китая не проповедую. Но поскольку китайцы довольно активные в религиозном поиске, они сами меня находят. То же самое и в отношении граждан Китая, которые попадают к нам на службу: я их не приглашаю, они сами приходят. Активной миссионерской деятельностью я не занимаюсь – нельзя в Китае, да и общество сейчас иное. Все ведь уже не так, как было раньше – шли люди на перекрестки улиц и там громко проповедовали. Так случилось, что в XXI в. информационных технологий люди сами находят священника. Тебе просто нужно быть и быть готовым к общению. Формально перед законом я чист – я никого не ищу, не призываю. Но, когда ко мне обращаются, я с удовольствием все рассказываю и объясняю, что к чему. Общаться не запрещено (о. И., интервью 27.08.22).

В отличие от материкового Китая, на Тайване православная миссия сталкивается с социокультурной замкнутостью, индивидуализированностью общества. В интервью со священником, возглавляющим приход на Тайване, миссия была определена как коммуникация, опосредованная медиа и адресованная человеку в духовном поиске. Опираясь на свой долгий опыт миссионерства, респондент пришел к трактовке миссии, как слагающейся из двух составляющих: пассивная миссия предполагает создание локальных приходов, организацию общинной жизни, катехизацию и богослужения; активная миссия состоит из двух направлений – формирование мультязычных медианиш православия и «семейных церквей». Он подчеркнул, что создание православных медианиш должно учитывать специфику медиатизации в конкретных регионах и задействовать медиа, которые там популярны. На Тайване таким медиа является YouTube.

Мне довелось развивать миссию в разных странах. По сравнению с другими странами, в тайваньском обществе очень трудно евангельскому семени прорасти и дать плоды. Тайваньское общество высоко прагматично, имеет хорошую вакцину от проповеди Евангелия и жизни по Евангелию отчасти после частичного пребывания в язычестве. Оно впитало в себя постхристианскую и постмодернистскую культуры потребления. Оба фактора привели к обществу очень атомизированному, сосредоточенному на потреблении, удобстве, себе и т.д. В этом контексте трудно привести тайваньца к вере православной, католической или протестантской. Этому обществу не нужно Евангелие и жизнь во Христе. Но на уровне отдельных личностей миссия необходима. Первое время мы много практиковали уличную миссию в фирмах, домах сирот, но успеха почти никакого не было. Со временем пришло понимание, что есть два основных

пути миссии. Первый – необходимо просто быть на приеме, существовать, люди находят нас сами. Кто-то через Интернет находит. Это пассивная форма миссии – нужна приходская жизнь, нужны материалы на китайском, чтобы люди могли молиться на китайском, катехизаторские занятия – все то, что необходимо для воцерковления человека. Второй путь – активная миссия. Она возможна по двум направлениям – Интернет, работа в социальных сетях и миссия через знакомство с родственниками и друзьями православных китайцев. На Тайване видео смотрят только на YouTube. Большинство людей присматривается: миссия в YouTube не приводит к быстрому результату в плане прироста прихожан. Особенно если речь идет о Китае и Тайване. Но она очень важна, поскольку это общество очень закрытое (о. К., интервью 31.08.22).

В интервью респондент отдельно отметил, что активная миссия должна учитывать атомизированность и закрытость тайваньского общества. В такой ситуации медиакоммуникации православного прихода становятся способом обратиться лично. Кроме того, в китайской культуре повседневности коммуникативная практика разговора о Боге приемлема только в формате личного, дружеского общения о православии, напоминающем семейное общение. И для такого общения нужен проводник, местный православный тайванец, опосредующий взаимодействие миссионера-иностранца, пусть и свободно говорящего на китайском, и тайваньцами, интересующимися православием. Активная миссия, релевантная современному китайскому формату коммуникации.

Здесь человек без приглашения со стороны какого-то друга или знакомого никуда не пойдет. Он сам не пойдет в храм что-то узнавать. Он будет что-то смотреть в Интернете, хотя у него может через дорогу этот храм. Когда это YouTube, мы сами приходим в дом, в сердце, так скажем, к этому человеку. Если прийти в дом к человеку офлайн, то это его к чему-то обяжет. А приход через YouTube не обязывает. Второе направление – знакомство с семьями и друзьями – это надо ходить от семьи к семье, вместе пить чай, заводить дружбу. Нечто подобное, что делал апостол Павел, – семейная церковь. Этот формат на Тайване работает. Чтобы он работал на постоянной основе необходим тайванец-помощник, потому что иностранец всегда останется кем-то внешним. Местный тайванец – мостик, без которого ничего не получится. На постоянной основе пока такого помощника нет. Все, кто новый к нам приходят, они именно так узнают от друзей или родственников. В кругу друзей, если кто-то стал православным, – это событие, заставляющее и других заинтересоваться, они, как правило, приходят вслед за ним (о. К., интервью 31.08.22).

Обобщая предложенные в интервью трактовки, отметим, что фрейм релевантности миссии выстраивается священниками в живой рефлексии о конкретике жизни современных мегаполисов, с учетом допустимого и в принципе возможного формата православного служения. Ключевой темой миссии является диалог, тонко настроенный на индивида, находящегося в духовном поиске, желающего исповедовать православие. И диалог этот следует вести на том языке, на котором говорит человек, использовать те инструменты, которые делают миссию доступной для любого ищущего.

Коммуникативные практики и медиа-ансамбль фигурации православной миссии в Китае. В каждом из интервью говорилось о богослужебных практиках, взаимодействии священника и мирянина, священника и оглашаемого, а также об общинных онлайн-коммуникациях в чатах, сайтах и тематических мобильных приложениях. Надо иметь в виду, что в силу транслокальности православной миссии Китая и репертуар практик, состав медиа-ансамбля будут иметь локальные отличия.

В материковом Китае и православные богослужения, и любые религиозные онлайн-активности находятся под жестким контролем, а частью запрещены. Православие относится к так называемым неофициальным религиям и разрешено в форме богослужебной практики и открытой общинной жизни только в тех районах КНР, в которых проживают «русские как малая народность».

Православие для китайцев разрешено только в трех провинциях, приграничных с Россией. Это – Хэйлунцзян, Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный округ. Там служат китайские православные священники, которые учились в России, там были рукоположены. И все это было с ведома и разрешения государственного управления по делам религий Китая.

Они там служат и по сей день. Туда приходят в основном православные китайцы, которые относятся к национальностям, малым народностям – русским. Это китайцы, имеющие русские корни, чувствующие потребность поддерживать русские традиции и православную веру. В этих провинциях разрешено, но опять же, если община зарегистрирована и если священник является гражданином Китая. А в других провинциях, например, в Ляонин, где мы живем, нет такого разрешения. Если даже китайцы без китайского священника попросят зарегистрировать такую общину, и то вряд ли им разрешат, поскольку генерального разрешения в этой провинции нет. Есть законодательство, согласно которому иностранные проповедники не имеют права вести религиозную деятельность на территории Китая. А граждане Китая не имеют права собирать и отправлять религиозные богослужения без регистрации в специальном органе (о. А., интервью 08.09.22).

На вопрос о миссионерских практиках священники, живущие в материковом Китае, вне указанных районов, неизменно отвечали, что таковые законодательно запрещены и миссионерством они не занимаются. В таких условиях единственными доступными практиками миссии становятся богослужения, если они проводятся на территории российских посольств и консульств. Возможно общение православного священника с мирянами и интересующимися, если инициатива исходит от них самих, а взаимодействие контекстуально выстраивается как чаепитие в кафе. Важной практикой миссии стало также построение диалога с локальными представителями власти в целях получения разрешений на редкие богослужения в стенах православных храмов, сохранившихся на территории Китая, по большим православным праздникам.

В Харбине, например, храмы остались от белых эмигрантов, во Внутренней Монголии – деревянные храмы, которые в том или ином виде несколько столетий там находятся. В Шанхае есть собор, построенный еще при архиепископе Иоанне Шанхайском. И есть храм святителя Николая, построенный в 1930-х гг. казачьим атаманом. Храм святителя Николая сейчас переделан под библиотеку. Нам наконец-то удалось договориться, чтобы нам раз в месяц не бесплатно давали возможность проводить в нем службу. Три-четыре воскресенья месяца прежде, до последних событий, мы служили на квартирах. Потом это стало вообще невозможным. Меня «вызвали на ковер» и ткнули мне книжку с китайскими законами-правилами религиозного поведения иностранца в Китае. А там написано, что иностранцы имеют право проводить свои иностранные религиозные активности только с разрешения органов и только там, где это разрешено органами, только тогда, когда это разрешено отделом по делам религий. Поэтому мы очень попросили генконсула российского, и нам выделили комнату, где с понедельника по пятницу все подают на визы. По воскресеньям она пустует. Нам ее выдали в пользование, чисто на добром отношении генконсула к нам. Мы туда каждое воскресенье с утра пораньше приезжаем, расчехляем наши сумки, развешиваем иконы, ставим столики, покрываем тканью красивой, чтобы выглядело как престол. Так мы и служим в камнатке при генеральном консульстве. Служим нашей православной общиной – я и все, кто имеют возможность посещать воскресные службы. Выбирается от 50 человек, могло быть и больше. Многие не приходят, потому что маленькое помещение, толкучка бывает, особенно с детьми. В целом постоянный пул – это 150–200 человек. На Пасху, когда нам чудом отдали собор Иоанна Шанхайского, пришло 500 человек. Те, кого я знаю по именам – 200 человек – это граждане Украины, России, Беларуси. По количеству сначала идут россияне, потом сербы, есть американцы, греки (о. И., интервью 28.08.22).

Во всех без исключения интервью говорилось, что состав приходов и общин (акторов констелляции) полинациональный, а это требует от священника навыков для живого общения с прихожанами, хорошего знания нескольких языков для выстраивания богослужения на разных языках. Таким образом, коммуникативная практика богослужения является мультиязычной.

Мы служим так: я чередую церковнославянский, английский и китайский языки. Когда было много румын, служили на румынском. Смотрю, кто пришел, и ориентируюсь. Клирос поет на церковнославянском и английском: собирается человек пять-шесть и великолепно поют. Чтение Писания на церковнославянском, английском и китайском. На сербском читаем также. Такой обычай в нашей общине, что «Символ веры» на церковнославянском читается, но бывает, что и на четырех, и на девяти языках одновременно. «Отче наш» в общине читают все, кто

пришел, на своем языке. <...> На английском мы пользуемся переводом короля Якова, на китайском мы пользуемся католическим переводом. Берем то, что уже используется в этих православных странах. У меня служебники заложены заранее, смотрю каждый раз, кто пришел. Элемент спонтанности есть. Исповедь я могу выслушать на всех используемых в общине языках. Служба начинается в восемь утра, пока клирос поет Утреннюю, я исповедую индивидуально. А приходит регулярно на исповедь 30–40 человек. Получается по 2–3 минуты на человека, но этого времени достаточно, потому что они регулярно исповедуются. Час-полтора я исповедую, потом в 9.30 начинаем литургию (о. И., интервью 28.08.22).

Принципиально важно отметить, что литургия, проводимая полностью на китайском языке, – это сравнительно новая коммуникативная практика, локально привязанная к территории России, поскольку проводится в храме Китайского Патриаршего подворья в Москве для православных членов китайской диаспоры. Вместе с тем эта практика упоминается в интервью других священников как востребованная, поскольку записи литургий на китайском языке можно найти на YouTube-канале Подворья.

В последние несколько лет в медиа-ансамбль фигурации вошел Zoom. Прежде этот медиа использовался преимущественно только в тайваньских приходах для транслирования проводимых офлайн-семинаров и лекций православных мультиязычных общин. Богослужебную практику он стал опосредовать только в 2022 г. Онлайн-богослужения – чтения акафистов – вводились поначалу в рамках тайваньских приходов, члены которых имели возможность подключаться по ссылке для синхронного участия в практике. В дальнейшем с разрешения Священноначалия подключились и верующие, находящиеся на территории России и окормляемые в храме Китайского патриаршего подворья. Подробно этот момент освещен в интервью со священником, возглавляющим приходы на Тайване.

У нас проходят занятия обычно 2–3 раза в неделю. Занятия я веду на трех языках, что оказалось очень важным форматом для развития миссии. Для людей здесь очень важно иметь возможность зайти и задать вопрос, пообщаться с другими прихожанами, не в формате службы и чаепития только, а в формате урока, семинара, лекции. И сами богослужения, и занятия мы также транслируем в Zoom. Часто благодаря заявкам из Китая происходят некоторые занятия. Еще новый медиа у нас появился с начала 2022 г. – онлайн-богослужения в Zoom. Причем не в формате трансляции богослужения, а в формате живого участия всех, кто подключен, в проведении этого богослужения. Например, если это чтение Акафиста, то разбиваем на 14 частей, участники, находящиеся в разных городах, попеременно читают. С разрешения нашего священноначалия мы начали в этом году проводить онлайн-богослужения вместе с Китайским подворьем в Москве (о. К., интервью 31.08.22).

Говоря о локальной специфике медиапрактик, следует подчеркнуть, что анализ популярности различных медиа на Тайване стимулировал священника, возглавляющего приходы Тайваня, к созданию трех миссионерских YouTube-каналов – на русском, китайском и английском языках. В интервью он следующим образом охарактеризовал аудиторию и контент созданных каналов: «Я разделил бы аудиторию на три группы – люди верующие и неверующие, атеисты, т.е. люди внешние для миссии, которые могут прослушать и что-то их душу затронет. Я делаю видео не узконаправленным, а интересным для этих трех групп. Узко к китайцам можно выделять две группы. Первая – протестанты и католики, которые знают, о чем речь в плане Библии, христианства, но они присматриваются к православию, будучи уже инославными. А вторая – в Китае это атеисты, на Тайване это формально язычники без религиозной принадлежности, их большинство, из них молодое поколение даже не считают себя язычниками, они агностики, живут сегодняшним днем, заработал-купил, особенно религиозными вопросами не занимаются (о. К., интервью 31.08.22).

Отдельного внимания заслуживает вопрос – а как же приходят желающие стать православными или уже крещенные, как узнают о возможности помолиться, поговорить со священником о вере, о возможности причастия, исповеди, крещения? В интервью священники отвечали, что в ситуации духовного поиска современные жители мегаполисов адресуются к Интернету, сами ищут и находят соответствующие православные ресурсы – сайты,

мобильные приложения, онлайн-лекции священников о православии на английском, русском и китайском, группы в мессенджерах и социальных сетях. Для материкового Китая характерна онлайн-самоорганизация мирян и сочувствующих через китайскую социальную сеть WeChat. В интервью священники объяснили, что миряне, как правило, сами создают православные группы в этой сети, общаются там, там же размещают объявления о праздничных службах, назначают священнику офлайн-встречи для личного общения. Отдельной медиапрактикой большинства групп таких «приходских» чатов стали добровольные пожертвования на содержание приходов. Там же священники или миряне, выполняющие функции казначеев, вывешивают таблицы с отчетами о полученных и потраченных средствах.

Насколько можно судить по результатам сравнительного анализа интервью, самым значимым ресурсом для конверсии являются разнообразные медианиши православной миссии. Самыми значимыми среди них являются медиа, созданные усилиями гонконгской православной общины Храма святых апостолов Петра и Павла (Московский патриархат). В интервью священник, являющийся создателем и идейным вдохновителем медиапроекта православной миссии в Китае, отметил, что для общества Гонконга Интернет и православные медиа – это основной источник информации о православии.

У нас достаточно активная миссионерская деятельность в Интернете – много переводим, публикуем в бумажном и в электронном форматах. У нас есть блоги, сайты на китайском, английском и русском языках, несколько мобильных приложений мультиязычных, несколько групп в социальных сетях, в том числе в китайских, в Фб⁶ есть, конечно. Из сайтов, например: orthodox.cn, <https://orthodoxy.hk>. <...> Я сам веду группы в Фб, где предлагаю материалы и обсуждения, связанные с вопросами духовной жизни, духовной практики, общую информацию, касающуюся календаря духовной жизни, богослужений. Люди читают и потом приходят к нам. Иногда люди сами ищут и находят нас, кто-то комментирует. Через диалоги и комментарии люди заинтересовываются и приходят. Китайцы, которые создают устойчивый костяк, узнали о православной церкви и о нашем приходе из Интернета. Других возможностей узнать в большом городе и нет. <...> иногда в книжках, купленных через наш сайт. Есть магазины, в которых они продаются. Я всех их знаю лично, потому что, когда человек готовится к крещению, приходит к нам, знакомится, мы не спешим с этим. <...> Развитость технологий в гонконгском обществе также накладывает свой отпечаток. <...> лет семь назад для меня стало однозначно понятно, что нужно не сайты создавать, а приложения для телефонов. <...> Сайт нужен как удобное хранилище информации. Он регулярно обновляется, существует уже 15 лет как средство коммуникации – анонсов, новостей, информационной политики. За это время три раза сайт принципиально менялся по дизайну, движки менялись, он ушел от одноязычного к мультиязычному. И у нас есть теперь свои приложения. Мы официально зарегистрированный разработчик пяти приложений и для Android, и для Apple, на разных языках – английский, русский, китайский. Приложения по разной тематике: приходское, календарь, молитвослов, жития святых, книжный магазин. Человек, который делает наши приложения, – это штатная единица у нас, он сам верующий, православный, но работает на зарплате. <...> Это мой такой подход – дело всегда должен делать профессионал. Все приложения бесплатные, кроме библиотечного, на котором продаются электронные книги. Книги частично бесплатные, частично продаются. Приложения популярны, хорошие рейтинг, посещаемость, скачиваемость. Основные страны – Китай, Соединенные Штаты и Россия (о. Д., интервью 03.08.22).

Как следует из цитаты, коммуникативные практики православной миссии в Гонконге включают переводы православной литературы на китайский и английский языки, чтобы желающие могли иметь подспорье в деле освоения церковной жизни и богослужения, в изучении катехизиса и др. Отдельными видами православных медиапрактик миссии являются дискуссии в блогах и общение с интересующимися и воцерковленными в группах в социальных сетях. Глубокая медиатизированность гонконгского общества приводит к востребованности мобильных приложений. И таковые созданы и вплетены в практики православной миссии в Гонконге. Уникальность этих православных медиа заключается

⁶ Фейсбук принадлежит компании Meta Platforms Inc., запрещенной на территории России. – Прим. ред.

в том, что они мультиязычны, построены в соответствии со стандартами новых медиатехнологий, являются средой для определенного вида православных медиапрактик.

Закключение. Проверка выдвинутой нами гипотезы о взаимосвязи разных категорий акторов (индивидуальных, общинных и организационных), коммуникативных практик и медиа позволила выявить транслокальный тип связи разных уровней фигурации православной миссии в Китае. Так, на микроуровне локальных фигураций православная миссия в разных городах КНР, Гонконга и Тайваня представлена констелляцией акторов, включающей конкретного священника и прихожан, посещающих богослужения, проводимые на территориях консульств и посольств. Коммуникативные практики локальных фигураций опосредованы фреймом православной миссии, релевантным социокультурным реалиям конкретного региона. Так, в КНР в ситуации запрета на миссионерскую деятельность и ограничений, налагаемых на православие как неофициальную религию, превалируют коммуникативные практики богослужения, неформализованного взаимодействия священника с мирянином или тем, кто интересуется православием и желает принять крещение. Общинное взаимодействие является самоорганизующимся и опосредовано медиа. Медиа-ансамбль локальных фигураций различных городов КНР ограничен социальной сетью WeChat. На Тайване медиа-ансамбль локальной фигурации шире, поскольку включает еще YouTube и Zoom. Вместе с тем анализ медиапрактик священников и мирян, принадлежащих к различным локальным фигурациям, показал, что они имеют отчетливые переплетения. Так, онлайн-чтения акафистов, опосредуемые Zoom, сделали возможным транслокальные переплетения практик акторов тайваньских приходов разных городов и акторов констелляции Китайского Патриаршего подворья. Созданные в миссионерских целях православные медиа гонконгского православного братства (сайты, мобильные приложения, блоги, группы в социальных сетях) способствуют конверсии, духовному просвещению, освоению доктрины и церковной жизни акторов, принадлежащих общинам других регионов Китая. Сопряжение различных категорий акторов, практик и медиа православной миссии в Китае в единую фигурацию фигураций осуществляется благодаря единому фрейму релевантности. Миссия определяется во всех без исключения интервью как чуждая прозелитизму, но нацеленная на индивидуальный диалог с человеком в духовном поиске, на языке взыскующего. В современных реалиях материкового Китая ведущими коммуникативными практиками миссии становятся православные богослужения, собирающие инициативных мирян разных национальностей, возрастов и профессий. В равной степени и само проживание православных священников в Китае является служением миссии, поскольку именно к ним по собственной инициативе приходят те, кто желают принять крещение, исповедаться и причаститься. В условиях глубокой медиатизации китайского общества православная миссия использует Интернет и новые медиатехнологии для создания православной медианиши со своим отчетливым репертуаром доктринальной и богослужебной литературы, со своим языком религиозного обращения, доступным для потенциального или актуального верующего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афони́на Л.А. Положение о религиозной деятельности 2018 года в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 138–154.
- Горбачев Б.Н., Манакова Т.Б. Возрождение святыни. Успенский храм на территории российского посольства в Пекине. М.: Вост. лит-ра, 2013.
- Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007.
- Косых А.Н., диак. Православная миссия в КНР и восстановление церковной жизни // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 3. С. 136–141.
- Косых А.Н., диак. Христианские церкви в Китае с 1978 по 2018 г.: сравнительный анализ. Автореф. дис. ... канд. богосл. наук. М.: ОЦАД, 2019.
- Ли Иннань. Миссионерская деятельность РПЦ в Китае – исторические уроки // Вестник культурологии. 2019. № 2. С. 194–207.

- Ломанов А.В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 4. С. 88–105.
- Лукин А.В. Статус Китайской автономной православной церкви и перспективы православия в Китае // Аналитические доклады. 2013. Вып. 4 (39).
- Лян Чжэ. Православие в контексте современных российско-китайских отношений: взгляды китайских ученых // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2015. № 1. С. 79–87.
- Поздняев Д., прот. Православное сознание и китайский мир: от конфликта к диалогу. Владивосток: Приморский благовест, 2006.
- Couldry N., Hepp A. *Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Hepp A. *Deep Mediatization*. New York: Routledge, 2020.
- Hepp A., Hasebrink U. Human interaction and communicative figurations. The transformation of mediatized cultures and societies // *Mediatization of Communication* / Ed. by K. Lundby. Berlin/Boston: De Gruyter, 2014. P. 249–271.
- Hepp A., Hasebrink U. Researching Transforming Communications in Times of Deep Mediatization: A Figurational Approach // *Communicative Figurations: Transforming Communications in Times of Deep Mediatization* / Ed. by A. Hepp, A. Breiter, U. Hasebrink. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 23–24.

Статья поступила: 11.10.22. Принята к публикации: 26.01.23.

MEDIATED ORTHODOXY: MISSION IN CHINA

OSTROVSKAYA E.A.*, BADMATSYRENOV T.B.**, VASILIEVA S.V.**

*St. Petersburg State University, Russia; ** Dorzhi Banzarov Buryat State University, Russia

Elena A. OSTROVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (e.ostrovskaya@spbu.ru); Timur B. BADMATSYRENOV, Dr. Sci. (Sociol.), Department of Political Science and Sociology (batorovitch@mail.ru); Svetlana V. VASILIEVA, Dr. Sci. (Hist.), Department of Religious Studies and Theology (sv_vasilieva@mail.ru). Both – Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Acknowledgements. The study was funded by RFBR, project No. 21-011-44156.

Abstract. The rapidly unfolding processes of digitalization and mediatization are radically changing contours of social reality and semantic content of routine communication practices. Unprecedented arrangements of individuals, communications and media give rise to new meanings in translocal digital spaces of dialogue about different thematic sectors of reality. Religious websites, mobile applications, online lectures, sermons and divine services open up access to information and practices outside the boundaries of sacred territories and prescriptions expanding public discourse about religions, making available meanings previously hidden from external “non-church” or “uninitiated” search. In this article, we propose an examination of the current communicative practices of the Russian Orthodox Church mission in China. A respective sociological study may shed light on the interpretation of the mission by practicing priests serving in a foreign cultural environment, where Orthodoxy is a tiny island of sacredness for Russians as a “small nation” in several autonomous regions of the PRC and for those who came to it through individual spiritual search. This case makes it possible to get directly in touch with possible answers to questions about the very possibility of an Orthodox mission in societies of religious pluralism, at the same time deeply secularized, commercialized and individualized. Secondly, for many decades the Orthodox mission in China has been a subject of research by orientalist and historians. Paradoxically, a detailed study of the past of the Orthodox mission in China does not enable scholars to elucidate its present, especially specifics of the connections between the structures of the Russian Orthodox Church, various actors and communicative media practices of Orthodox missionary work.

Keywords: Orthodoxy, China, Missionary Activity, Digital Religion.

REFERENCES

- Afonina L.A. (2018) Regulations on religious activity in 2018 in the PRC. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. No. 5: 138–154. (In Russ.)
- Couldry N., Hepp A. (2017) *Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.
- Datsyshen V.G. (2007) *Christianity in China: history and modernity*. Moscow: NOFMO. (In Russ.)
- Gorbachev B.N., Manakova T.B. (2013) *Revival of the shrine. Assumption Church on the territory of the Russian embassy in Beijing*. Moscow: Vost. lit-ra. (In Russ.)
- Hepp A. (2020) *Deep Mediatization*. New York: Routledge.
- Hepp A., Hasebrink U. Human interaction and communicative figurations. The transformation of mediatized cultures and societies. In: *Mediatization of Communication*. Ed. by K. Lundby. Berlin/Boston: De Gruyter, 2014: 249–271.
- Hepp A., Hasebrink U. (2018) Researching Transforming Communications in Times of Deep Mediatization: A Figurational Approach. In: *Communicative Figurations: Transforming Communications in Times of Deep Mediatization*. Ed. by A. Hepp, A. Breiter, U. Hasebrink. Cham: Palgrave Macmillan: 23–24.
- Kosykh A.N., deacon. (2017) Orthodox mission in China and the restoration of church life. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary]. No. 3: 136–141. (In Russ.)
- Kosykh A.N., deacon. (2019) *Christian Churches in China from 1978 to 2018: A Comparative Analysis*. Autoref. dis. ... cand. theological sciences. Moscow: OCAD. (In Russ.)
- Li Yingnan. (2019) Missionary activity of the Russian Orthodox Church in China – historical lessons. *Vestnik kul'turologii*. [Bulletin of Culturology]. No. 2: 194–207. (In Russ.)
- Liang Zhe. (2015) Orthodoxy in the context of modern Russian-Chinese relations: the views of Chinese scientists. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International Relations series]. No. 1: 79–87. (In Russ.)
- Lomanov A.V. (2021) Adaptation and Sinicization: Modern Religious Policy of the CCP Leadership. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics]. V. 12. No. 4: 88–105. (In Russ.)
- Lukin A.V. (2013) The Status of the Chinese Autonomous Orthodox Church and the Perspectives of Orthodoxy in China. *Analiticheskiye doklady* [Analytical Reports]. Iss. 4 (39). (In Russ.)
- Pozdnyaev D., prot. (2006) *Orthodox consciousness and the Chinese world: from conflict to dialogue*. Vladivostok: Primorsky Blagovest. (In Russ.)

Received: 11.10.22. Accepted: 26.01.23.

А.В. АНДРЕЕНКОВА, А.А. МЕДВЕДЕВА

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна – доктор социологических наук, зам. директора (anna.andreenkova@cessi.ru); МЕДВЕДЕВА Анна Александровна – ведущий научный сотрудник (anna.medvedeva@cessi.ru). Обе – Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия.

Аннотация. Представлен контент-анализ медиасообщений на Первом канале телевидения РФ в первую волну пандемии COVID-19 в России весной 2020 г. Выделены временные и структурные фазы информационной кампании, проведен анализ содержательных и семиотических средств, дана оценка эффективности. Методика включала выделение содержательных параметров медиасюжетов и их семиотических характеристик. Наиболее часто использовались пять тематических сюжетов: мониторинг течения эпидемии, ее причины, медицинские аспекты, меры по борьбе с эпидемией и последствия. Наименьшее внимание занимали причины и источники эпидемии. Семиотическими характеристиками медиасюжетов выступали сюжет, визуальные средства, аудио-средства и эмоциональный фон. Был достигнут высокий уровень информированности населения о проблеме и одобрения ограничительных мер, доверия к эффективности медицинских служб, закреплён положительный образ медика. Однако многие вопросы, которые волновали граждан, остались без внимания, что создало благоприятную почву для инфодемии, распространения слухов и непроверенной информации.

Ключевые слова: COVID-19 • информационно-коммуникационная кампания • социальное информирование • социальные последствия пандемии • общественное мнение • оценка эффективности кампаний • семиотический контент-анализ

DOI: 10.31857/S013216250020945-2

В последние годы мир пережил глобальную пандемию COVID-19, затронувшую миллионы людей и практически все страны. Важнейшим инструментом для предотвращения и снижения темпов распространения вирусных заболеваний стали информационные кампании, с целью повышения уровня знаний и привлечения внимания людей к проблеме и принимаемым мерам, снижение психологических барьеров и негативных реакций на ограничения, увеличение лояльности и готовности населения к сотрудничеству.

Общественная информационно-коммуникационная кампания (ИКК) представляет собой комплекс действий, направленных на освещение общей ситуации с эпидемией, а также позиции, мер, планов, решений государства по борьбе с ней, через каналы распространения массовой информации. Такая кампания может носить как целенаправленный характер – ее цели, задачи и методы прописаны в общих или отдельных официальных документах, но может быть и неформализованной, не иметь конкретного плана действий. Каналами для проведения общественной ИКК являются государственные или общественные СМИ – телевидение, радио, новостные печатные и интернет-издания, интернет-сайты органов государственного управления, пресс-конференции, информационно-рекламные материалы. Влияние каналов телевидения проявляется в «проблематизации» и «депроблематизации» проблемы [Казун, Казун, 2020], ее конструировании и деконструировании, что согласуется с теорией формирования повестки дня со стороны СМИ во взаимодействии с личным опытом и предшествующими установками (доверие органам власти, системе здравоохранения, отношение к здоровью). Анализ материалов печатных изданий

во время коронавируса в России показал значительные различия в типе, характере и направленности сообщений в государственных и негосударственных изданиях, асинхронность коммуникационной активности и показателей эпидемической ситуации, высокий уровень политизации кризиса в СМИ [Мухарямова, 2021]. Были выявлены целевые и стилевые различия в сообщениях из официальных источников и в общественных дискуссиях. В первых ставились задачи поддержания контроля и определения направлений для конкретных действий и мер, преобладал рациональный стиль сообщений, рекомендации и инструкции о поведении. Во вторых чаще использовался эмоциональный стиль, нередко критический, вплоть до высмеивания или отрицания проблемы, что позволяло выплеснуть напряжение и снизить накал давления, серьезность проблемы [Карасик, 2020].

Об исследовании. Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) провел инициативное исследование информационных сообщений новостных программ Первого канала российского телевидения, чтобы проследить изменения в динамике, выделить временные и структурные фазы. Телевидение остается основным источником новостей для широких групп населения. По данным десятой волны Российского социального исследования по программе ESS (РСИ 2021 г.) аудитория новостных программ телевидения составила 85%, что превосходит общий размер аудитории новостной информации во всех других информационных каналах. Новости из интернет-новостных лент и новостных сайтов получают 76% взрослых россиян, из социальных сетей – 69%, радио – 38%¹.

Первый канал позиционирует себя как главный телеканал страны, новостные передачи канала имеют одну из самых больших аудиторий по времени просмотра и количеству зрителей (<https://mediascope.net/data/>), на нем освещаются события и информационные сообщения государственных органов власти, является одним из каналов ИКК. Для анализа была выбрана новостная программа «Время» в 21.00, которая включает наиболее полную, итоговую новостную программу дня, обобщающую новостные сообщения за последние сутки, мнения, выводы экспертов. Анализировались новостные программы с 1 марта по 30 июня 2020 г. – от начала пандемии в России и введения основных ограничительных мер и до их отмены. На середину этого периода приходится введение наиболее серьезных ограничений – локдаун, продолжавшийся с 1 апреля по 12 мая 2020 г. Большая часть ограничений на территории страны была снята в конце мая, в Москве период изоляции завершился 9 июня 2020 г.

Единицей анализа выбран медиасюжет – сообщение о конкретной новости или теме. Каждый медиасюжет рассматривается через такие компоненты, как слова, голос, выражения лица репортера, дикторов, героев, визуальные символы и методы показа – расстояние, угол съемки [Echo, 1988]. В среднем каждая программа состояла из 20–25 сюжетов из всех разделов программы, включая «спорт» и «погоду».

В исследовании применена авторская методика семантической оценки медиасюжетов, в основе которой лежат принципы классического количественного контент-анализа текстов в сочетании с качественными методами для анализа визуальных стимулов, характера сообщения и эмоционального фона [Fields, 1988]. Оценка проводилась с перцептивных позиций – восприятия элементов сюжета, его общей направленности и цели зрителем. Каждый медиасюжет был оценен по 18 различным параметрам с применением метода многомерного кодирования. Особенностью методики является учет не только содержательных характеристик медиасюжетов методом контент-анализа по транскриптам текстов видеопрограмм, но также формы и характера подачи сообщения, семиотического пространства сюжета. К содержательным параметрам отнесены: информационная наполненность сюжета, масштаб и география, реферативность по времени и наличие временных меток, к семиотическим – герои сюжета, визуальные средства, аудиосредства, эмоциональный фон. Дополнительно были построены композитные параметры – целевая направленность сюжета и его характер.

¹ Методология исследования и данные размещены на сайте www.ess-ru.ru

Рис. 1. Доля медиасюжетов, включавших информацию о коронавирусе, среди всех сообщений в новостных программах в каждый временной отрезок (%)

Место сюжетов о пандемии COVID-19 в общей новостной повестке Первого канала. Всего в анализ был включен 2161 медиасюжет из 122 новостных программ, из них прямых сообщений о COVID-19 – 1694. Для количественной оценки использовалась характеристика «плотности медиасюжетов», определяемая как доля сообщений с определенным содержанием среди всех сюжетов новостной программы. На протяжении 120 дней в каждую новостную программу входило более 10 сюжетов, связанных с COVID-19. Большинство из них напрямую посвящено COVID-19 (78%), некоторая часть включала информацию о пандемии в рамках других информационных сообщений (22%). На рис. 1 ежедневные медиасюжеты сгруппированы в недельные интервалы, чтобы сгладить случайные колебания и выделить общую тенденцию.

Выявлены четыре фазы информационной кампании о COVID-19 на Первом канале: 1) на подготовительной (завязка) фазе (с 1 по 15 марта 2020 г.) интенсивность медиасюжетов была средней (70% от всех новостных сообщений); 2) на предкульминационной («ядро») фазе (16 марта – 26 апреля 2020 г.) плотность стала очень высокой (более 90% от всех сюжетов), даже в рубриках «Спорт» и «Прогноз погоды» нашлось место для упоминания проблемы; 3) кульминация пришлась на 27 апреля – 7 июня 2020 г. – эта фаза отличается колебаниями в плотности сообщений от 69 до 88%; 4) финальная фаза (с 8 по 30 июня 2020 г.) характеризуется последовательным сокращением – до 50%.

Содержательные характеристики медиасюжетов о COVID-19. Для определения основного содержания медиасюжета использовался метод логической декомпозиции. Каждый сюжет представляет собой сообщение, которое в полной своей форме состоит из следующих компонентов: *предпосылка (проблемная ситуация), вопрос или проблема, аргументация или иллюстрация, доказательства, вывод*. На практике часть компонентов сообщения могут опускаться, быть латентными – подразумеваться или выступать в качестве реферативных. Для определения информационной наполненности сообщения рассматривался сюжет в целом. Основная мысль чаще всего размещалась в «вопросе» или в «выводе», а «предпосылки» и «аргументация» содержали вторичные или сопутствующие сведения. Из всего семиотического многообразия сюжетов выделялись четыре основные тематические линии, которые определяли центральную тему сюжета. Наиболее «насыщенными» по количеству таких тем были сюжеты на этапах «ядра» и кульминации, больше всего монотематических сюжетов встречалось на первом и последнем этапах кампании.

Таблица 1

Содержание медиасюжетов в разные фазы коммуникационной кампании, в %

Содержание	Завязка	«Ядро»	Кульминация	Финал
Мониторинг течения эпидемии	15	17	20	22
Причины эпидемии	8	4	3	1
<i>Медицинские аспекты</i>				
Методы лечения, диагностики, симптомы	10	8	12	18
Работа медицинских служб	5	13	16	12
<i>Меры по борьбе с эпидемией</i>				
По предотвращению распространения заболевания	55	42	35	26
По оказанию социальной помощи	0	6	8	11
По поддержке экономики	0	6	5	6
Поддержка со стороны гражданского общества	1	8	6	6
<i>Последствия</i>				
Для здоровья людей	7	11	14	8
Для социальной жизни	4	11	25	23
Для экономики страны	3	5	2	3
Другое	5	11	8	6

Примечание. % от общего количества медиасообщений в каждую фазу, содержание одного медиасообщения могло быть отнесено к нескольким категориям.

Содержательное пространство медиасюжетов о первой волне коронавируса включает пять основных тематических линий (табл. 1).

Основным содержанием медиасюжетов на протяжении всей кампании на Первом канале телевидения было обсуждение мер по предотвращению эпидемии, большинство из них – сообщения об ограничениях или новых правилах. Вторым по частоте являлось обсуждение последствий эпидемии – в первую очередь социальных, а также последствий для здоровья людей, значительно реже – последствий для экономики. На разных этапах содержание медиасообщений менялось. Первая фаза характеризуется доминированием темы обсуждения мер по борьбе с распространением заболевания; во второй фазе разнообразие увеличилось, чаще стали затрагиваться медицинские аспекты проблемы и последствия коронавируса для здоровья людей и для социальной жизни; на этапе кульминации разнообразие содержательных аспектов стало максимальным, и на финальной стадии внимание к ограничительным мерам сократилось до минимума, выросло количество сообщений о медицинских аспектах болезни и мерах по оказанию социальной помощи. На протяжении всех этапов центральное место в содержании занимали управленческо-прикладные сообщения. Большинство сообщений были сконцентрированы на внутрироссийских проблемах, международные события выступали как контекст для сравнений. Кампания была сконцентрирована на информации о текущих событиях и будущем и в наименьшей степени включала анализ прошлого.

Семиотические характеристики медиасюжетов. Среди основных семиотических характеристик медиасюжетов были выделены герои сюжета, визуальные средства, аудиосредства и эмоциональный фон. Основными героями медиасюжетов выступали российские органы государственной власти (от половины до двух третей всех медиасюжетов). На этапе «ядра» кампании и кульминации их роль была максимальной (табл. 2). В начале кампании героями значительного количества сюжетов были показаны рядовые граждане России, однако уже в фазе «ядра» доля таких сюжетов упала в два раза и осталась на

Таблица 2

Герои новостных сюжетов и эмоциональный фон в динамике информационной кампании на Первом канале

Показатели	Завязка	«Ядро»	Кульминация	Финал
Герои сюжета				
Президент	2	12	16	17
Российские органы власти	35	50	51	59
Иностранные правительства	20	11	9	6
Международные организации	9	6	6	0
Медики	8	11	10	6
Ученые, специалисты	7	6	5	4
Граждане России	22	8	9	10
Другие группы	9	14	13	12
Эмоциональный фон				
Позитивный	14	24	36	53
Негативный	45	34	20	3
Нейтральный	41	42	44	44

уровне около 10% на протяжении всего оставшегося времени. Медики чаще всего были героями сюжетов в предкульминационной и кульминационной фазах кампании.

Эмоциональный фон сюжета определялся через анализ интонации и мимики ведущего и/или корреспондента, звукового или музыкального аудиоряда, выбора семантических средств текста сообщения. Он довольно сильно менялся. В первой фазе позитивные сюжеты были редки, а основная часть делилась примерно равномерно между эмоционально-нейтральными и негативно-пессимистическими, а во второй доля позитивных и негативных сюжетов практически сравнялась. В третьей фазе преобладали сюжеты нейтрального характера, а к концу мая позитивные сообщения стали преобладать (табл. 2).

В ходе анализа была обнаружена связь эмоционального фона и типа героев сюжета. Там, где героями выступали органы власти, в более чем половине случаев подача материала была эмоционально нейтральна. В сюжетах, где героями выступали другие государства, в первой фазе кампании преобладали негативные сообщения, затем они стали разнонаправленными, хотя положительных все равно оставалось меньше. При показе граждан России, простых людей как героев сюжетов в первых двух фазах кампании негативно окрашенные сообщения преобладали, а в последней фазе фон сюжетов сменился на позитивные.

Целевая направленность медиасюжетов. Показатель целевой направленности медиасюжета был сконструирован по нескольким характеристикам: основная мысль (содержание сюжета), эмоциональный фон, семиотические средства и стиль подачи. Первую группу составляют информационные сообщения, которые характеризуются повествовательным стилем, низкой эмоциональной окрашенностью, отсутствием оценочных суждений или руководств к действиям, их основная цель – сообщить о событии, факте – более половины от всех в течение коммуникационной кампании (табл. 3). Вторая группа включает успокаивающие / обнадеживающие сообщения прожективного характера, они указывают на позитивный результат в будущем, внушают надежду на благоприятный исход (4%). Побудительные сообщения инструктируют, направляют, содержат призыв или руководство к действию (15%). В четвертую группу входят эмоционально-направляющие и контролируемые сообщения – утрашающие или поощряющие. Первые содержат предупреждения о негативных последствиях в случае выполнения или невыполнения каких-то действий (7%), вторые – примеры и сведения о позитивных последствиях при исполнении

Таблица 3

Характер сообщений в динамике информационной кампании на Первом канале

Сообщения	Завязка	«Ядро»	Кульминация	Финал	За все время
Информационные	46	49	61	74	55
Успокаивающие, обнадеживающие	6	4	2	1	4
Побудительные	16	17	13	9	15
<i>Направляющие и контролирующие</i>					
Устрашающие	16	9	6	0	7
Поощряющие	5	5	7	7	6
<i>Оценочные</i>					
Обличающие	9	8	5	0	6
Восхваляющие	2	8	6	9	7

определенных мер и правил поведения (6%). К последней группе относятся сообщения, направленные на объект сюжета и имеющие оценочный характер, – обличающие или восхваляющие. Первые показывали примеры осуждаемых, неверных действий или отсутствие желаемого поведения (6% всех сообщений). Восхваляющие сообщения позитивно оценивали конкретного героя, действие или институт (7%).

В целом на Первом канале во время первой волны коронавируса использовались довольно разнообразные типы медиасюжетов по целевому назначению. Помимо информационных сообщений, которые являлись основными, значительную часть составили побудительные медиасюжеты – руководства к действию. Направляющие и оценочные типы сюжетов использовались практически одинаково часто – 14–15% от всех сюжетов. Сообщения были в целом сбалансированы – количество положительных и отрицательных сюжетов и среди направляющих и оценочных было практически одинаковым.

В разных фазах ИКК характер сообщений менялся. Доля медиасюжетов информационного характера последовательно увеличивалась и к финалу составила уже три четверти всех сообщений. Обратная тенденция наблюдалась в отношении побудительных медиасюжетов – их доля была максимальной в начале кампании, на которой решались мобилизационные задачи, а затем последовательно снижалась. Сюжеты с направляющим содержанием – устрашающие и поощряющие, использовались в основном в начале и в середине, при этом устрашающие сообщения значительно превосходили количество поощряющих, в кульминационной фазе поощряющие медиасюжеты стали преобладать, а устрашающие практически не использовались.

Взаимосвязь кампании на Первом канале с общественным мнением. Во время первой ИКК о коронавирусе плотность информационных сообщений и динамика статистики заболевания развивались асинхронно. На первом этапе количество информационных сообщений и их плотность среди других новостей существенно опережало показатели реальной статистики по заболеваемости. Такая предупредительная стратегия, проблематизация ситуации на раннем этапе сыграла определенную положительную роль, но одновременно плотный информационный поток, не подтверждаемый личным опытом или данными статистики, стал дополнительным поводом для COVID-скептицизма и конспирологических теорий. На последующих этапах ИКК динамика информационных сообщений также не совпадала с трендами в заболеваемости – момент снижения пика интенсивности информационных сообщений пришелся на период резкого роста заболеваемости и пиковых для этой волны значений. Общее соответствие информационной и фактической реальности на протяжении ИКК было низким.

Рис. 2. Заболеваемость CODID-19 в России и плотность медиасюжетов на тему коронавируса на Первом канале телевидения в марте – июне 2020 г.

Примечание. «Сообщения о коронавирусе» – количество медиасюжетов о коронавирусе в программе «Время» на Первом канале по подсчетам ЦЕССИ, Yandex Dashboard на основе данных университета Д. Хопкинса (<https://datalens.yandex.ru/navigation/ca93mle5fxk6-purchases>). «Считают, что эпидемия спадает» – данные опросов коронаФОМ, Всероссийские телефонные опросы населения 18 лет и старше, 19 марта – 20 сентября 2020 года, вопрос «По вашему мнению, сейчас в России эпидемия коронавируса усиливается или идет на спад?» (<https://covid19.fom.ru/iskk>).

В ходе исследования проверялась гипотеза, что плотность медиасообщений коррелирует с восприятием остроты проблемной ситуации в общественном сознании. Эта гипотеза не подтвердилась – представления о динамике заболеваемости, реальная статистика заболеваемости и плотность информационных сообщений развивались независимо друг от друга. Во второй фазе кампании при стремительно растущем количестве заболеваний доля медиасообщений была максимальна, а доля тех, кто считал, что заболевание идет на спад, оставалась на довольно низком уровне. Но уже в третьей фазе, когда реальное количество заражений достигло максимально высоких значений, плотность стала снижаться, а доля тех, кто считал, что заболевание идет на спад, росло по экспоненте. В заключительной фазе уровень заболеваемости продолжал находиться на высоком уровне, однако количество медиасообщений о коронавирусе резко упало, а уровень оптимизма в общественном мнении достиг максимально высокого уровня.

По данным опросов, во время всего анализируемого периода психологическая дистанция с проблемой оставалась высокой: 55% испытывали личную боязнь перед заражением, а 45% «не боялись заболеть» – либо не считали, что имеют шанс заразиться, либо что болезнь опасна (рис. 3). В конце первой фазы доля дистанцированных составляла 55%, на этапе кульминации кампании удалось ее снизить, но такой эффект сохранился недолго. В целом критический настрой по отношению к действиям властей по ограничению распространения заболевания,

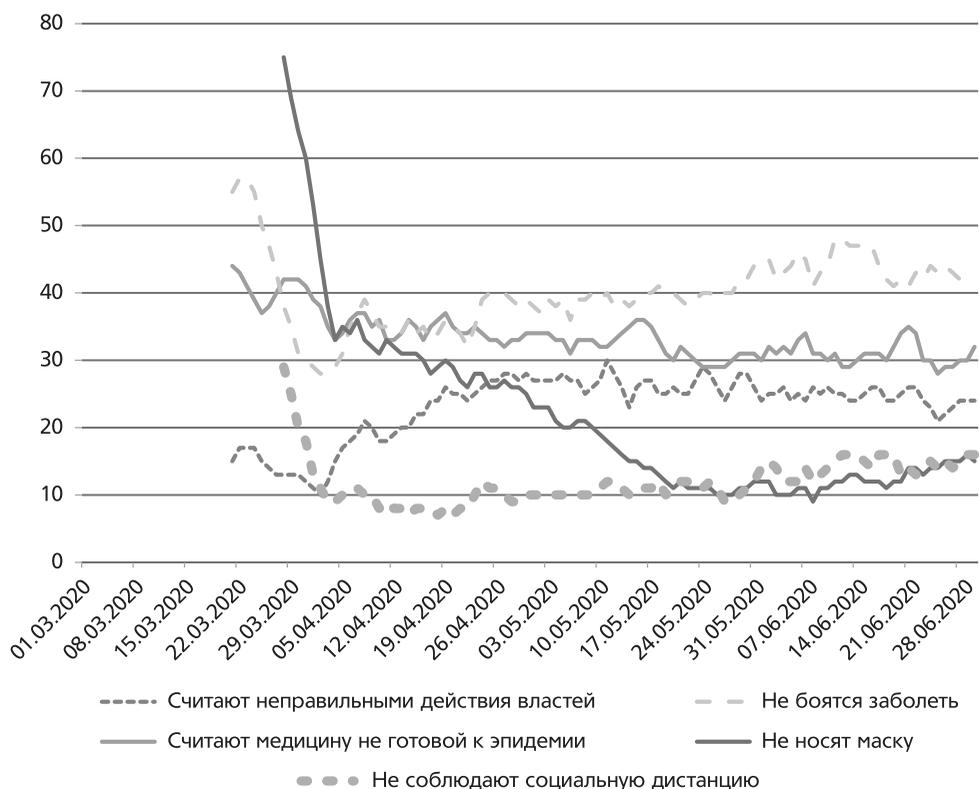

Рис. 3. Динамика общественного мнения в период коммуникационной кампании, в %

Источник: данные опросов общественного мнения коронаФОМ, Всероссийские телефонные опросы населения 18 лет и старше 19 марта – 20 сентября 2020 года (URL: <https://covid19.fom.ru/iskk>).

по данным опросов, был не очень высок на протяжении всего периода. Считающие действия властей неправильными составляли меньшинство – 15% в начале, затем произошел рост до 25%. Легитимация действий властей в целом удалась, но являлось ли это результатом коммуникационной кампании Первого канала или других факторов, трудно определить.

По самооценке своего поведения подавляющее большинство опрошенных следовали хотя бы некоторым ограничительным мерам на протяжении всей первой волны. В отношении социальной дистанции такое изменение в поведении людей было достигнуто быстро – уже к началу апреля лишь около 10% опрошенных говорили о том, что не соблюдают социальную дистанцию. Эти показатели оставались стабильными до начала июня, когда доля людей, не соблюдавших предписанные правила, стала расти, хотя и не очень значительно. В отношении масочного режима добиться успеха оказалось значительно сложнее. К началу апреля около трети опрошенных признавались, что не носят маску. Доля не следующих масочному режиму последовательно снижалась, но это заняло весь основной этап кампании на Первом канале, и лишь к началу завершающей стадии в конце мая – начале июня 2020 г. доля отрицающих эту меру стабилизировалась на уровне 10%. Таким образом, кумулятивный эффект кампании и административных мер достаточно велик: уже в первой фазе около двух третей россиян следовали предписанным мерам и ограничениям. Однако изменить поведение остальных критически настроенных граждан оказалось значительно сложнее, хотя определенных успехов добиться удалось.

Одним из наиболее проблемных аспектов восприятия коронавирусной ситуации среди широкой общественности было отношение к медицинской помощи – доверие к системе здравоохранения, ее возможностям успешно справляться с проблемами эпидемии. В начале более 45% россиян считали медицину не готовой к борьбе с эпидемией. Но это отношение удалось довольно существенно изменить к лучшему. Уже на этапе второй фазы доля не доверяющих системе здравоохранения снизилась до 35%, а затем стабилизировалась на уровне 30%.

Заключение. При борьбе с пандемией возникает целый ряд управленческих задач, среди которых задача минимизировать ее распространение, локализовать географически, сделать ситуацию управляемой во времени (растянуть), чтобы получить возможность подготовить медицинскую инфраструктуру. Дополнительными задачами могут стоять увеличение доверия к органам власти, лояльности и удовлетворенности населения действиями властей. Для достижения этих целей применяются комплексные меры, включая административные, медицинские и коммуникационные. Пока довольно трудно, если вообще возможно, разделить влияние каждого из этих типов мер и атрибутировать достигнутые или недостигнутые результаты лишь к одной из них, но можно говорить о том, что во время первой волны коронавируса комплекс государственных и общественных мер позволил достигнуть определенных успехов. К таким успехам можно отнести общий высокий уровень информированности о проблеме, который был достигнут за счет высокой плотности медиасюжетов на федеральных каналах, довольно высокий уровень одобрения ограничительных мер и повышение доверия к эффективности медицинских служб.

На Первом канале лишь небольшое внимание было уделено этимологии и источникам COVID-19, обсуждению причин возникновения эпидемии. В результате конспирологические теории приобрели большую популярность и широкую поддержку, пустота заполнилась слухами. Главными действующими лицами сюжетов стали государственные лидеры и институты, медицинская статистика и медики. За анализируемый период удалось увеличить доверие здравоохранению и укрепить положительный образ медика. Медицинские работники были показаны как спасатели жизней, позитивные герои, в то время как органы власти представлялись в образе реализаторов функций контроля и наказаний. Такими средствами удалось создать атмосферу легитимности даже для шоковых карантинных мер в период локдауна и других серьезных ограничений. Гражданское общество, простые граждане, отдельные группы выступали чаще всего в образе «жертв эпидемии», редко представлялись в медиасюжетах как активные участники обсуждения проблемы или выработки и применения мер по ее решению. Психологические барьеры и сложности, которые испытывали простые граждане, обеспокоенность, страхи, сомнения, вопросы людей стали предметом обсуждения в социальных сетях, а на Первом канале телевидения практически не учитывались и ответа на них не давалось.

Особенностями кампании на Первом канале является очень высокая плотность медиасюжетов о коронавирусе, на этапе кульминации такие сообщения занимали почти все информационное пространство. Высокий информационный поток почти не оставил места для других сообщений и освещения других сторон жизни страны и общества. Это позволило, с одной стороны, быстро увеличить информированность населения, с другой – усталость от темы, потеря интереса и желание дистанцироваться наступило также довольно быстро. В сюжетах обсуждение возникающих в связи с пандемией проблем с людьми велось в иерархическом стиле управляющего и управляемого. Редко поднимались многие проблемы, которые волновали людей, в том числе нарушения прав, экономических последствий эпидемии и ограничительных мер. Кампания на Первом канале практически не содержала временные маркеры, показывающие временность вводимых ограничений, что в результате увеличивало тревожность и опасения людей относительно разных аспектов будущего – работы, мобильности, образования детей, отдыха, административных дел.

Разработанная в ходе исследования методика анализа кампании через медиасообщения показала себя в целом эффективной. Рассмотрение медиаконтекста через

множественные показатели – содержательные и семиотические, позволило получить объемную и комплексную картину. Ограничением метода является его высокая ресурсоемкость и субъективность при оценке некоторых психологических параметров, что можно было бы решить включением машинных или автоматических способов распознавания и кодирования хотя бы части медиастимулов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казун А.Д., Казун А.П. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 284–306.
- Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34.
- Мухарьямова Л.М., Заляев А.Р., Шаммазова Е.Ю. Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 72–80.
- Echo E. Fields Qualitative content analysis of television news: Systematic techniques // Qualitative Sociology. 1988. Vol. 11. P. 183–193.
- Fields E.E. Qualitative content analysis of television news: Systematic techniques // Qualitative Sociology. 1988. Vol. 11. P. 183–193.

Статья поступила: 29.06.22. Финальная версия: 15.08.22. Принята к публикации: 30.01.22.

STRUCTURE AND CONTENT OF INFORMATION CAMPAIGN ON TELEVISION DURING FIRST WAVE OF PANDEMIC OF COVID-19 IN RUSSIA

ANDREENKOVA A.V.*, MEDVEDEVA A.A.*

**Institute for comparative social research (CESSI), Russia*

Anna V. ANDREENKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director of the Institute (anna.andreenkova@cessi.ru); Anna A. MEDVEDEVA, Senior Research (anna.medvedeva@cessi.ru). Both – Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia.

Abstract. The public communication campaign is one of most important tools for mitigating and managing the public health risk situation. The semiotic content analysis of media reports on the First Channel of Russian television during the first wave of the COVID-19 pandemic in the spring of 2020 were used to identify the temporal and structural phases of the communication campaign and to evaluate its effectiveness in shaping public views and behavior. The semantic dimension of media reports included five categories: monitoring the course of the epidemic, causes, medical aspects, policy measures and the impact. The semiotic dimension included the plot, visual and audio means, and emotional character. Four stages of communication campaign – preparatory, core, culmination and closing stage, identified during the analysis differed by the intensity of reports which had curvilinear form increasing sharply in the first two phases and slowly declining after the culmination. The type of content changed from the discussion of the prevention measures on first phase to larger variety of topics including medical and social impact of the pandemic. Emotional character of reports moved from mostly pessimistic in the first phases to more balanced between optimistic and pessimistic messages and neutral tone at the final phase. Public communication campaign contributed to reaching a few important goals in managing risk situation which includes the increase of risk awareness, legitimating the quarantine and other restriction measures, rise of confidence in the health care system and positive image of medical personnel. However, other key goals remained unattainable: personal relevance of the coronavirus infection remained rather low. Large psychological distance from the issues created the barrier for effective implementation of vaccination measures. Many concerns and fears of people were not addressed in public communication campaign which switched the discussion to other media channels, gave rise to misinformation and prejudices, undermined the trust to official recommendations.

Keywords: information and communication campaign, social information, social impact of pandemic, public opinion, evaluation of the effectiveness of communication campaign, semiotic content analysis.

REFERENCES

- Echo E. Fields Qualitative content analysis of television news: Systematic techniques (1988). *Qualitative Sociology*. Vol. 11: 183–193.
- Fields E.E. Qualitative content analysis of television news: Systematic techniques (1988). *Qualitative Sociology*. Vol. 11: 183–193.
- Karasik V.I. (2020) Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. No. 2: 25–34. (In Russ.)
- Kazun A.D., Kazun A.P. (2020) Cyclic (De)Problematization: Coverage of the Coronavirus Pandemic in Russia on a Federal TV Channel. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 284–306. (In Russ.)
- Mukharyamova L.M., Zalyaev A.R., Shammazova E.Y. (2021) COVID-19 Pandemic in the Russian Mass Media: A Political Context. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. No. 1 (85): 72–80. (In Russ.)

Received: 29.06.22. Final version: 15.08.22. Accepted: 30.01.23.

Кафедра. Консультации

От редакции. Автор статьи «Социология» Джерард Деланти – один из тех, кто представляет современную социологию Британии. Статья писалась для энциклопедии, что требует от автора обращения к общим, фундаментальным, определяющим проблемам дисциплины, тенденциям ее развития за XVIII–XXI вв. от классиков до первого десятилетия нашего века. Хотя тексту около 15 лет, он полезен как документ истории социологии и как сравнение со складывающейся в наше время ситуацией. Статья дает материал к пониманию социологами своей дисциплины, ее места среди социальных наук и наук о человеке, стимулирует мысли о перспективах социологической науки. Конечно, рассматривать материал статьи необходимо с учетом обозначившихся в последние годы процессов в социологической науке – большие данные, цифровизация, «поворот на Восток» и др. Ряд поднятых в тексте проблем пока на периферии дискурса в отечественной социологии её дисциплинарных проблем, например последствия междисциплинарности, соперничество социологии с другими науками и др.

© 2023 г.

ДЖ. ДЕЛАНТИ

СОЦИОЛОГИЯ

ДЕЛАНТИ Джерард – профессор социологии и общественно-политической мысли Университета Сассекса, Соединенное Королевство, редактор «Европейского журнала социальной теории» (G.Delanty@sussex.ac.uk).

Ключевые слова: теория и история социологии • дисциплинарность • социология социологии • глобализация • публичная социология • вызовы социологии

DOI: 10.31857/S013216250022094-6

Социология – одна из многих форм социального исследования. Она, как и многие другие науки, – дисциплина спорная; нет общепринятого определения того, что такое социология. Но из этого не следует, что спорная и многогранная природа социологии означает отсутствие всякого самопонимания и дисциплина необратимо фрагментируется. Социологию в какой-то мере можно определять через примеры того, что на практике делают социологи; но ее можно определить, отсылая к дефинициям дисциплины известными учеными, к классике, методологическим подходам социологов. Для начала полезно рассмотреть социологию через призму ее предмета, подхода и работ классиков, формировавших дисциплину. У многих наук предмет четко определен, хотя часто это объясняют отсутствием методологической строгости и некритическим консенсусом; таково, например, распространенное мнение, что «прошлое» – это сфера историков, а политическая наука изучает «политику». В целом социологам труднее, чем другим ученым, защищать свою территорию, хотя они без колебаний вторгаются на территорию чужую. Можно полагать, что объект социологии – это все социальные отношения, или просто «общество», являющиеся, по Дюркгейму, реальностью *sui generis*. Будучи такой реальностью, социальный мир больше суммы своих частей. Что точно означают эти части, мнения об этом расходятся. Кто-то считает, что части – это социальные структуры, другие – что общество состоит просто из социальных акторов, а предмет социологии – социальное действие. Акцент на том, что целое больше суммы частей, привел некоторых социологов к мнению,

что социологию следует определять как изучение отношений между разными частями общества. Это убеждение отражено во взгляде на общество как на движение, процесс. И еще: социальная наука изучает современное (modern) общество.

В плане теории и методологии социология весьма разнообразна. Парадигм – а их Т. Кун считал характерными для истории науки – у социологии не больше, чем у других социальных наук. Можно сказать, антропология и экономика более плотно очерчивают свои методологические подходы, чем социология. Социологию можно описать как основанное на данных социальное исследование социального мира со своими концептуальными рамками и устоявшимися методологическими подходами. Но что такое данные – зависит от того, применяют ли количественные или качественные подходы, хотя они и не последовательно социологичны. Много спорят о научном статусе социологии, созданной как социальная наука, отличная от наук естественных и гуманитарных. Разница мнений о социологии сегодня несомненна в вопросе, какова позиция социологии по отношению к экспериментальным наукам и наукам о человеке. Все признают, что социология – третья наука, но согласия в вопросе точных границ ее территории меньше. Есть и вопрос отношения социологии к своему предмету: часть ли он объекта, как в традиции герменевтики; или он от объекта отделен, как в традиции позитивизма; или это способ знания, связанный со своим объектом политической практикой, как в радикальной традиции?

Любую дисциплину часто формируют фигуры её основателей и канонические труды классиков. Принято считать сегодня, что труды Маркса, Вебера и Дюркгейма придали социологии ее классическую рамку. Но может ли сегодня такой канон направлять исследование социолога, – крайне сомнительно; он скорее – часть истории социологии, хотя есть попытки делать классиков релевантными текущей ситуации [Shilling, Mellor, 2001]. Но такие попытки отражают неверно понятую связь истории дисциплины с ее реальной практикой. Классические труды не стоят вне времени в плане релевантности; они – референтные точки интерпретации настоящего и вехи истории дисциплины. Канон нестабилен; его не надо путать с социальной теорией. Парсонс в 1930-х гг. канонизировал Вебера и Дюркгейма как отцов-основателей; в 1970-е к ним прибавили Маркса – не в последнюю очередь усилиями Гидденса. Спенсер практически исчез; в 1980-е гг. добавился Зиммель; сейчас мы наблюдаем явление классиков современных – Бурдье, Бауман, Луман, Хабермас, Фуко. Есть и восстановленные классики – Элиас, Тард. При беглом взгляде видно, что многие из них не сразу становились классиками социологии, выдвинувшими свои проекты. Слово «становились» тут не преувеличение. Маркс себя не считал социологом. Вебер был историком экономики и вообще редко упоминал социологию. Фуко – несостоявшийся психиатр. Все они работали вне дисциплинарных границ. У Дюркгейма и Зиммеля понимание себя как социолога выражено сильнее.

Сегодня влияние Фуко на социологию напоминает, что социология не перестала меняться, вбирать влияния из-за пределов традиционной дисциплины. Умножение методологических и теоретических подходов не привело к усилению синтеза, консенсуса по поводу определения социологии. После так называемого культурного поворота социальных наук значимая часть социологии делается вне самой дисциплины – в культурных исследованиях, криминологии, женских исследованиях, исследованиях развития, демографии, в гуманитарной географии, планировании, других социальных и гуманитарных науках. Это все вело к росту междисциплинарности, но еще больше к постдисциплинарности, где дисциплины не просто вступают в контакт, но исчезают вообще. Немногие социальные дисциплины повлияли на спектр социальных и гуманитарных наук так, как социология, – что пробудило серьезные опасения растворения социологии в дисциплинах, которые частью она помогла создавать [Scott, 2005].

Истоки, траектории и национальные традиции. Сегодня социология все еще остается в тени своего происхождения. Как отметил Левин [1995], социология всегда обращалась к своей истории; все её крупные школы рисовали траектории собственной истории. Версии появления социологии часто неотделимы от попыток дать её определение.

В самом широком смысле социология возникала как вид знания, нацеленный на моральные проблемы времени. Истоки социологии восходят к открытию существования социального как некоей конкретной реальности, не зависящей от государства и частной сферы домохозяйств. XVIII в. знаменует возникновение социальной теории – особой формы изысканий интеллектуалов. Постепенно она отделилась от теории политической. Упадок придворного общества и взлет общества гражданского говорили о наличии социального как особого предмета сознания и рефлексии. До того момента не было ясно, из чего состоит «общество», в отличие от официальной культуры общества придворного. К XVIII в. выяснилось, что все же есть объективная социальная сфера, её можно называть «обществом» – по ассоциации с «публикой». Это совпало с появлением социологии.

Одним из первых крупных трудов при возникновении социологии был «Дух законов» Монтескье (1748), превративший политическую теорию в социологию. Главная тема этого труда: общество – источник всех законов. Общество проявлялось в виде регулятивных влияний на народ, создавая разные формы жизни. Дюркгейм утверждал, что понятие основополагающего духа (этоса), пропитывающего социальные институции, – постоянная тема всей социологической мысли после Монтескье; эта нить присутствует в «Протестантской этике и духе капитализма» Вебера. «Дух законов» показал социологическое понимание социальных законов как социально и исторически меняющихся, но не до той степени, когда человеческие общества не имеют ничего общего. По Монтескье, ясно видевшему разнообразие обществ, различными их делают прежде всего факторы географии, влияя на содержание норм, на мораль, характеры. Его эмпирический метод связал климат с социальными обычаями, уделил большое внимание материальным условиям жизни. Именно использование эмпирического метода при создании проверяемых гипотез восхитило Дюркгейма, оказав устойчивое влияние на французскую социологию Бурдьё и после него. Хотя Руссо принято считать одним из основателей современной политической философии, он предугадал многие теории социологии; он одним из первых идентифицирует общество как источник социальных проблем. В «Рассуждении об источнике неравенства» (1755) он утверждал: неравенство не природная, а социально заданная характеристика, к чему сами индивиды не причастны. Понятие «общей воли» – основанное на духе законов Монтескье – повлияло на концепт коллективных представлений Дюркгейма. Общая воля означала внешнюю нормативную и символическую силу коллективных верований. Важна в наследии Руссо теория общественного договора, можно сказать, первое представление об общности – основе общества и государстве как политической общности. В самом знаменитом труде «Общественный договор» (1762) он постулирует наличие социального договора при описании уз, делающих общество возможным.

На социологию как дисциплину сильно повлияла французская традиция, ибо во Франции социальная наука – там этот термин появился – более преуспела в качестве официально признанной деятельности. О. Конт пустил в оборот термин социология как знание социального порядка; ее он считал «королевой наук». Борьбу Конта за позитивистскую социологию нужно рассматривать в контексте, в котором социальное исследование в основном рассматривалось в духе спекулятивных подходов интеллектуалов времен Просвещения и слуг реставрированного старого режима. Вопреки негативной критике интеллектуалов, Конт желал видеть социологию позитивной наукой, основанной на данных, не на умозрительных суждениях. Но его наследие – это понимание социологии как королевы наук. В такое грандиозное видение социологии новая наука модерна не только включила позитивизм, но и стала вершиной в иерархии наук, их интегративной рамкой. Хотя многие поддерживали такие взгляды, идея социологии как интегративной, неспециализированной науки сохранила влияние как база представления о том, что наука социология не имеет своего предмета, а интерпретирует результаты других наук, будучи общей наукой об обществе. С XIX в. эту генеральную концепцию социологии связывали с проблемой морального порядка общества времен социально-политических потрясений Французской революции. Это заметно в социологии Дюркгейма, основные работы которого стали

реакцией на кризис морального порядка. Особо остро это видно в «Самоубийстве», одной из первых работ профессиональной социологии. Но это центральная тема и его «Разделения общественного труда». То есть можно сказать: французская традиция отражала общий взгляд на социологию как науку о социальных проблемах современного общества.

Нужно уделить внимание шотландским корням социологии, восходящим к моральным философам шотландского Просвещения; их можно считать ранними социологами, поскольку они признавали объективность общества [Strydom, 2000]. Здесь основы традиции – считать социологию общей социальной наукой нашего времени. «Очерк истории гражданского общества» (1767) Адама Фергюсона подчеркивал роль социального конфликта в терминах, резко отличных от повествования Дж. Гоббса о конфликте и эгоизме индивидов. У Фергюсона конфликт наций создает солидарность, делая возможным гражданское общество как универсальную норму. Он признает, что общество всегда больше суммы частей и никогда не сводимо к своим компонентам. Резким контрастом к доминировавшим идеям века было утверждение Фергюсона о том, что состояние природы само социально, а социальность дана от природы. «Происхождение различия рангов» Дж. Миллара (1770) – одно из первых обсуждений понятия *общественный класс* и, возможно, пионерный труд исторической социологии. Миллар и Фергюсон интересовались историей эволюции общества как модели прогресса. Но понятие прогресса высказано лишь в трудах Адама Смита. Смит превратил моральную философию в теорию политической экономии, связав её с теорией прогресса, – её влияние сохранялось более века. Прогресс общества прошел четыре исторические стадии, считал он: охотничье, пастбищное, земледельческое, коммерческое – соответственно средствам пропитания. Коммерческое общество основано на частной собственности и преследовании индивидуумом экономического интереса. Смит утверждал, что благосостояние коммерческого общества и даже сам факт общества определяются действием коллективной логики, названной им «невидимой рукой», обеспечивающей функционирование действий индивида как служения коллективным целям. Хотя Адам Смит стал символом *laissez-faire* капитализма, его интересы лежали в основном в сфере философии. Его надо понимать в интеллектуальном и политическом контексте века. Как и другие моральные философы Шотландии, Смит вполне сознавал контингентную природу человечества, которую никак нельзя объяснить естественными законами. Нормы морали и правила юстиции должны вырабатываться так, чтобы функционировать наилучшим образом в интересах общества, уменьшать зло и страдание. В этом плане Смит, Фергюсон и Миллар видели социологию моральной наукой о социальном мире, результатом чего стало отделение социального и природного друг от друга. Социология стала наукой о социальном.

С ранних истоков мысли Просвещения социология складывалась параллельно общей институционализации социальных наук: в конце XIX в. Франция шла впереди, дюркгеймианская традиция дала прочное основание современной французской социологии, построенное на сильной традиции эмпирических исследований. В Германию социология пришла позднее и была прочнее связана с гуманитарными науками. Если во Франции социология относительно не зависела от философии, то в Германии традиция гуманитарной социологии шла, с одной стороны, от философии неокантианцев, с другой – от гегельянского марксизма. Хотя Вебер порвал связь с психологией, важной чертой традиции неокантианства, германская социология осталась интерпретативной и погруженной в проблемы культуры и истории. Сам Вебер был историком экономики, точнее проблем бюрократии, но постепенно погружался в сравнительный анализ мировых религий и связи культурных и моральных смыслов с экономической активностью. Его труды – свидетельство веры в то, что социальное исследование может пролить свет на моральные ценности, которые и создают социальную сферу. Если германская социология в лице Вебера занималась проблемой субъективного смысла, то французской социологией двигала социальная мораль. По этой причине можно утверждать, вслед за Фуллером, что социология была как бы секулярной теологией. В основе и германской, и французской традиций лежит

видение социологии – за вычетом позитивизма Конта – как общей социальной науки современного общества.

По Т. Парсонсу – в его классическом труде современной социологии «Структура социального действия» – Гоббс и Локк формулировали основную тему социологии как проблему социального порядка. Но нельзя говорить о британской социологической традиции до шотландских мыслителей Просвещения, упомянутых выше. Гоббс и Локк – символы политической теории, не повлиявшие на социологическую мысль.

Современная британская социология начиналась трудами таких викторианских либералов-реформаторов, как Дж.С. Милль и Г. Спенсер. Хотя Спенсер порвал с утилитаризмом Милля, его биологический эволюционизм породил ограничительный подход, ныне практически дискредитированный. В целом британская социология сформирована видением социологии как социальной науки, занятой конкретными проблемами. В основном доминировал тренд считать, что социология изучает классы и классовую структуру. Социальные отношения и соответственно социальные институты: классовая мобильность, труд и промышленность, образование, бедность, социальные проблемы, ставшие на десятилетия символом социологии, конечно, тесно связаны с индустриальным обществом и политическими ценностями, которые оно культивировало. На современную британскую социологию сильно влиял марксизм. Еще одной британской традицией в социологии стала связь с социальной политикой, отраженная Хобхаузом и Лондонской школой экономики, где социологию тесно связали с социальной политикой. К этой традиции относятся Т.Х. Маршалл и то, что примерно можно назвать социальной наукой, связанной с политикой. В британской традиции практически нет понимания социологии как общей социальной науки, характерного для континентальной Европы. Но в основном современная британская социология – продукт традиции континентальной Европы, пришедшей в Британию после 1930-х гг. Такие социологи, как Н. Элиас, К. Мангейм, приехавшие из Германии, Дж. Рекс из Южной Африки, придали британской социологии свой характер, несводимый к конкретной традиции. Конечно, есть еще марксистская традиция, идущая от самого Маркса, жившего в эмиграции в Лондоне. Тем не менее британская социология все же отражает взгляд на социологию как – отчасти – имеющую особый предмет: класс и социальная структура.

Без сомнений, международный престиж социологии XX в. немыслим без гигантской экспансии и институционализации её в США. Американская социология росла из экономики, став профессиональной относительно рано – с основанием Американского социологического общества А. Смоллом и другими в 1905 г. Общество, переименованное в 1959 г. в Американскую социологическую ассоциацию, фактически откололось от Американской экономической ассоциации. Смолл, Ч. Хортон Кули и У. Томас – самые влиятельные фигуры в создании американской социологии, тесно связанной с американской философской традицией прагматизма – как минимум до 1940-х гг. Сравнимый с заботой британских реформаторов о социальной политике, прагматизм отражал веру в публичную роль социальных наук. Ранняя американская социология, таким образом, формировалась в духе научного знания как помощника в решении социальных проблем [Lynd, 1939]. XX век, однако, увидел более выраженную профессионализацию американской социологии, отбросившей реформистские корни. С одной стороны, развилась сильная традиция эмпирической социологии, в основном квантитативной и часто свободной от ценности до того, что прекращала быть чем-либо большим, чем проверка гипотез. С другой стороны, развилась традиция «гранд»-теории, связанная с Парсонсом, но редко пересекавшаяся с эмпирической традицией. Вне этих традиций находились остатки прежней традиции прагматизма – в социологии символического интеракционизма Дж.Г. Мида.

Краткий обзор истории социологии ряда крупных стран говорит нам, что ни одна из национальных традиций не одержала верх и внутри всех этих традиций есть соперничающие традиции. Это дало повод ряду критиков заявлять, что социология не состоялась. Горовиц [1993] жалуется, что социология в кризисе из-за специализации

и сверхполитизации; социология распадается, потеряв дорогу; взгляды великих классиков социологии больше не убеждают; дисциплина лишена единства. Большая часть того, что считалось социологией, утверждал он, просто нетеоретические кейс-стади. Такие пессимистические взгляды часто зависят от того, верит ли автор, что социология строится на некоем едином методе, взгляде, обеспечившем дисциплине некий фундамент, считает он. Но говоря так, вероятно, мы требуем слишком многого. Конечно, верно, что нет единой школы/метода, определяющей дисциплину. Но то же можно сказать о большинстве социальных и гуманитарных наук. Было бы сверхупрощением характеризовать историю социологии как процесс расползания, фрагментации некоего внутреннего единства, как гарантии любой дисциплины. Классическая традиция не унифицирована, значительная часть ее рефлексий создана дисциплиной, менявшейся в ответ на перемены природы общества.

Институционализация социологии прошла три этапа: доинституциональный до первых лет XX в.; полоса институционализации и дисциплинарной специализации; нынешний период постдисциплинарности. Выше показано, как социология возникала из разных национальных традиций социальной науки. В XIX в. только Конт, Спенсер, позже Дюркгейм использовали термин *социология* при описании конкретного способа социального исследования. Даже у Дюркгейма был доинституциональный период. Кафедра Дюркгейма была связана с образовательной мыслью, большая часть его социологии развивала идеи экономики, психологии, философии, права и истории. На этом раннем этапе дисциплинарная идентичность социологии складывалась в основном вокруг проблем ее научного статуса. «Правила социологического метода» Дюркгейма (1895) предложили первый систематизированный очерк социологии как научного поиска. Вебер в «“Объективности” социально-научного и социально-политического познания» (1904–1905) показал, в чем заключена объективность социальной науки [Weber, 1949]. В этих работах, несмотря на разные перспективы и подходы, социология предстает эмпирической наукой, основанной на объективном знании фактов. Обе работы (у Вебера чётче) признают: научный статус социологии ограничен, что очевидно в попытках Вебера уточнять в неокантианском духе пределы объективности; но социальная наука все же может достигнуть объективного знания. Этот спор длился до 1960-х гг., когда неопозитивисты философы К. Гемпель и Э. Нагель дали новые оправдания попыткам социологии получить научный статус. Результатом некоторых из таких попыток стало сжатие масштаба социологии до проверяемых гипотез при открытии законов общества [Adorno et al., 1976]. Если социологию толкали, с одной стороны, в группу естественных, экспериментальных наук, она – с другой – оставалась союзником наук гуманитарных. Двоение социологии порождало неясное отношение к социальной и публичной политике, в результате чего проявлялась тенденция социологии вступить в период институционализации относительно деполитизированной.

Институционализация социологии совпала с формированием дисциплин в XX в. Одним из первых заявил о социологии как профессии Вебер в «Социологии как призвании и профессии» (1918), хотя и обратился к более общему вопросу приверженности науке как виду приверженности, отличному от политики. Это важное заявление о профессионализации социологии. Понятие *Veruf* подразумевает идею социологии и как профессии, и как призвания – призыв, требующий неких жертв, одной из которых стал поиск наукой ответов на фундаментальные моральные вопросы. Как наука, социология дает объяснения социальных феноменов, а также, по мнению Вебера, играет роль гида социальной политики.

При своем формировании социологии пришлось соперничать с естественными науками. Поскольку социальная наука завоевывала общее признание как область, отличная и от наук гуманитарных и естественных, обнаружилось, что самые серьезные вызовы для социологии фактически проистекают от более устоявшихся социальных наук [Lepenies, 1988]. В Британии престиж антропологии заслонил социологию. Старые дисциплины – география, экономика, как и политическая наука, – стремились стать престижнее социологии, которая никогда не располагала такой мерой опоры на национальное государство.

Надо помнить, что во многом своим существованием социальная наука обязана государству: это наука социальных институтов современного государства.

Институционализация социологии в полной мере развернулась лишь после Второй мировой войны с экспансией этой дисциплины, сопровождавшей рост массового высшего образования. Профессионализация и институционализация социологии отмечены основанием научных журналов «*American Journal of Sociology*» в 1895 г. и позднее – «*American Sociological Review*». Профессиональные ассоциации – Американская социологическая ассоциация и Британская социологическая ассоциация (создана в 1951 г.), заметно продвинули профессионализацию социологии как дисциплины, которая затем прошла стадию внутренней дифференциации – появление новых субполей от социологии города и индустриальной социологии до политической социологии, исторической социологии, культур-социологии. К 1960-м гг. социологию все чаще преподают в средних школах, в 1970-х ее включили в аналог аттестата зрелости школ Британии. 1960–1970-е гг. стали свидетелем резкого расширения набора студентов на специальность, учебных и исследовательских карьер. В эти годы правительства признали социологию как крупную социальную науку; было создано много кафедр. Крупные национальные исследовательские фонды сделали социологические исследования престижными для университетской системы. В США свыше 200 социологических журналов; в профессиональной ассоциации около 14 тысяч членов; специализируется по социологии студентов (25 тыс.) больше, чем по истории и экономике [Burgawoy, 2005]. Социология, одна из главных социальных наук в университетах мира, все чаще считается самой полной наукой об обществе. Кто-то видит в этом источник силы; другие – опасность превращения в псевдонауку без предметной специализации; социологи – узкие специалисты перестают быть социологами. Философы-неопозитивисты пытались сдержать опасные сверженерализации, когда растущая политизация дисциплины вследствие расширения социальной базы породила опасения по поводу слишком тесной связи социологии с радикалами, подобными марксистам.

Ряд влиятельных социологов открыто бросили вызов институциональной социологии. Первый этап, этап борьбы за институционализацию, завершившийся в 1970-е гг., отмечен призывами к политической ангажированности социологии с повседневной жизнью. Гоулднер в 1970 г. считал, что социологию нужно переориентировать так, чтобы она стала релевантной обществу. По его мнению, социология прошла четыре этапа: французский социологический позитивизм XIX в.; марксизм; классическая европейская социология; наконец, американский структурный функционализм Парсонса. Современной социологии нужно формировать новое видение, основанное совсем на ином смысле ее моральной цели. Для Гоулднера это должна быть рефлексивная социология, радикальная своим проектом и связью социологии с жизнью людей. Цель социологии – сделать людей способными осмыслить общество и связать свою жизнь с широким контекстом общества.

Поворот к рефлексивному пониманию социологии присутствует в «Социологическом воображении» Ч.Р. Миллса (1959), весьма популярной книге 1960–1970-х гг. Социологи, подобные Миллсу и Гоулднеру, были против деполитизации социологии в США. Они хотели вернуть ей моральную цель, утраченную с институционализацией и размножением специальных субполей. Подход Миллса к социологии и сейчас релевантен: «Социологическое воображение позволяет осознать историю и биографии, а также отношение между ними в обществе. Это задача и перспектива социологии» [Mills, 1970: 12]. Эта концепция оппонировала теории общего уровня, а также социальным исследованиям в интересах управленцев. Миллса более всего вдохновляла американская традиция прагматизма, критики социальной науки, отрезанной от практических целей улучшения социального благосостояния.

Видение социологии Миллсом близко континентальной европейской концепции социологии как некоего диагноза эпохи. В такой традиции, представленной широким кругом социологов Франкфуртской школы и гуманистической традицией западного марксизма, социология связана с социальным обновлением, прежде всего через попытку критики. Как это представлено программными мыслями Т. Адорно, социология должна вернуть

себе свою миссию в философской мысли как одна из форм критической мысли. Адорно считал неопозитивизм вредным для социологии, обещающей стать ведущей критической наукой в обществе, названном в трудах Даниела Белла и Алена Турена «постиндустриальным». Хабермас (1978) представил основы взгляда на социологию как критическое знание, связанное с интересом к эмансипации человека.

Начиная с 1970-х гг., с ростом и институционализацией социологии как дисциплины, вопрос научного статуса социологии стал менее важен. Хотя социологов-количественников по-прежнему отделяли от коллег, державшихся гуманитарной традиции, крупные методологические различия, социология оказалась слишком широкой, чтобы объединиться вокруг единого метода. С консолидацией дисциплины социология развивалась по многим направлениям. Масштабный приток женщин в социологию 1980-х гг. неизбежно вел к различиям в акцентах, феминистские подходы складывались вокруг новых исследовательских полей, которые, в общем, ориентировали социологию в направлении культуральных проблем – идентичности, гендера, биографии. Сдвиг от индустриальных к постиндустриальным обществам и рост влияния глобализации вели к ряду подвижек в объекте социологии. Без общего метода, единой теоретической традиции результатом стало то, что социологию потянуло в разные стороны. Хотя это привело к некоторым слабостям, здесь есть и источник силы. Сегодня у социологии много разных подходов, в целом представляющих влиятельную сумму методологий и теорий, оказавших заметное воздействие на широкий круг наук об обществе и человеке.

Как дисциплина, остро сознающая всю реальность общества и исторический контекст, социология стала более гибкой, чем многие науки. Это особо заметно в факте «культурного поворота», выражением которого стал постмодернизм. Социологи выделялись разработками новых рамок, основательно двинувших вперед научное понимание социального мира. Достаточно вспомнить влияние таких социологов, как У. Бек – идея общества риска, П. Бурдьё – габитус и формы капитала, Э. Гидденс – структура и агентность, Ю. Хабермас – модерн и теория коммуникативного общества, Э. Соя (Soja) – пространство, Б. Латур – наука и технологии, Н. Луман теория систем, М. Кастельс – информациональное общество, Р. Робертсон – глобализация, Б. Тернер – гражданство. Социология, в частности социальная теория, сыграла ведущую роль в переориентации гуманитарной географии на пространство. Большая часть городской географии сегодня заново открывает социологические подходы к городу. Сдвиг антропологии с изучения примитивных обществ на современные западные сделал ее более или менее неотличимой от социологии. Антропология, в прошлом располагавшая большим престижем, можно утверждать, прошла через гораздо более серьезный кризис самопонимания, чем социология. В таком контексте прогресс культурной и новой истории, а также культуральных исследований может считаться относительно новой междисциплинарной сферой, тесно связанной с социологией.

Но за все надо платить. Часть социологии сегодня вне социологии. Становясь, с одной стороны, более специализированной, с другой – более влиятельной, она в результате легко теряет специфику идентичности. Так, под влиянием социологии на криминологию, в рамках которой сейчас осуществляется большая часть специализированных исследований преступности, криминология – в сущности – не социологична, а междисциплинарна. В 1970-е гг. Н. Элиас жаловался на «псевдоспециализацию» и уход социологов в субсферы, заметив, что происходящее в социологии уже случалось с другими дисциплинами. Вопрос лишь времени, писал он, «когда строительство крепости завершится, а мосты будут подняты». Подобно многим социологам континентальной Европы, Элиас держался взгляда Конта на социологию как дисциплину с выраженными чертами генерализирующей (general) науки. Вопреки сопротивлению Элиаса специализации, социология все же подверглась специализации, а, можно полагать, социальная теория переняла общую концепцию социологии. Но специализация, пришедшая в социологию, породила опасения, что социология, собственно, не может быть специализированной наукой, поскольку делает

то, что она делает, это лишь подготовка почвы под иные специализированные междисциплинарные области. То есть специализированные социологические исследования идут только вне самой дисциплины – это случай социологов без социологии. Одни это считают концом социологии, другие – окном возможностей для постдисциплинарной социологии, которой не следует прикрываться ложным чувством своей безопасности как дисциплины. Дж. Урри [1981], например, считает, что у социологии нет конкретной дисциплинарной области в плане метода или предмета и что она часто (и неизбежно) «паразитирует» на других науках. Следовательно, ей нужно перестать думать о себе как науке об обществе и вступить на непонятную территорию постдисциплинарности [Urry, 2000]. Это спорная позиция; ряд авторов выступили в защиту социологии, выдвинув идею публичной социологии [Agger, 2000; Burawoy, 2005], попытавшись оживить социологическое воображение [Scott, 2005; Fuller, 2006]. С другой стороны, позиция Дж. Голдторпа [2002] сводит роли социологии к узкометодологической науке. Не есть ли это вариант «дисциплинарного местничества», «империализма», как писал Э. Сойер [2000]?

Текущие вызовы. Ясно, что социология сейчас стоит не перед теми же вызовами, что сто лет назад; нет вопроса о научном статусе дисциплины и необходимости демаркировать пространство между естественными науками и науками о человеке. Некоторые крупные споры второй половины XX в. сохраняют важное значение для поля социологии – связь макро- с микро-, агентность и структура, методы количественные и качественные, природа теории и ее отношение к эмпирическим исследованиям, вопрос нормативной критики, статус данных и пределы объяснения и т.д. В последнее время дебатуются три крупных направления, затронув нынешнее положение социологии полнее, чем прежние вопросы методологии и теории: вопрос предмета социологии в свете глобализации; вопрос дисциплинарности; дебаты о публичной функции социологии. Как наука об обществе социология всегда была спорным поиском.

Многие крупные споры шли вокруг более общих вопросов природы метода и масштаба социальной науки. Дебаты вокруг предмета социологии в основном разрешаются через проблемы познаваемости социального мира. В последние годы всплыла еще одна проблема – самой концепции социального [Gane, 2004]. В какой-то мере это вызвано крупными переменами в самом определении общества. Если в целом классическая социология считала общество характеристикой национальных государств, сегодня это не совсем так. Подчеркну: хотя приравнивание классической социологии к национальным обществам преувеличивалось, нет серьезных сомнений, что возникла социология как наука о современном индустриальном национальном государстве. Традиция компаративистики в социологическом анализе, историческая социология Вебера, значительная часть марксистской социологии напоминают о глобальных устремлениях социологии. Но как институциональная социальная наука социология в основном строилась в рамках национальных параметров. Самая крупная – в сравнении с другими – концентрация во второй половине XX в. социологических исследований в США сделала социологию наукой о социальном порядке и национальном консенсусе. Национальные институциональные рамки остаются первичными в профессиональной аккредитации, обучении, финансировании, исследованиях; но глобальное измерение выходит на первый план. Международные объединения – Международная социологическая ассоциация, Европейская социологическая ассоциация и др., сейчас предлагают иной контекст глобальным исследованиям.

На деле, большая часть того, что можно назвать глобальной социологией, лишь продолжает традицию компаративистики, что назвать «международной» точкой зрения на социологию. Но тогда мы упустим более глубокую трансформацию, являющуюся также отражением трансформации самого социального. Многие социальные теоретики (напр., [Urry, 2000]) утверждали, что социальное находится в упадке, другие говорили, что социальное не совпадает с понятием общество, понимаемым как пространственно связанная единица. Очевидно, что, вопреки некоторым из таких далеко идущих заявлений, мир социального находится в состоянии крупных трансформаций, а понятие общества

нуждается в существенной переоценке [Smelser, 1997]. Насколько действительно новы такие процессы, остается предметом споров. Сильным аргументом тут может быть рассмотрение текущих процессов как части долгосрочного процесса сдвигов и трансформаций в природе современности. Более нельзя рассматривать социальный мир просто в терминах национальных структур, влияющих на жизни индивидов. Это глобальные силы, они взаимодействуют с локальным сложными способами. Поворот современной социологии к глобальности – это никоим образом не опровержение социологии, даже если некоторые классические подходы неадекватны потребностям сегодняшнего дня. Более того, из всех социальных и гуманитарных наук социология – с ее богатой традицией теории и методологией – особенно отвечает нынешнему глобальному контексту. Одно замечание, чтобы подчеркнуть релевантность социологии. Если глобализация влечет за собой интенсификацию социальных отношений по всему миру, главная задача социологии – создание и устойчивость социального мира – весьма приемлема и значима. Это подводит прямо ко второму вызову – вопросу дисциплинарности. Как сказано в документе Комиссии Гульбенкяна по «Реконструкции социальных наук», «быть социологичным – не исключительная компетенция лиц, именуемых социологами. Это обязанность всех социальных ученых» [Mudimbe, 1996: 98]. Означает ли это конец социологии? Конечно, так посчитали многие. Они видят социологию исчезающей в новых междисциплинарных областях и физически неспособной более управлять дисциплинарной специализацией ввиду своей предельно общей природы. Это слишком пессимистический взгляд, т.к. доклад Комиссии Гульбенкяна также подчеркивает, что та же ситуация в других науках: история – не сфера исключительно историков, экономические вопросы – не компетенция исключительно экономистов. В эпоху растущей междисциплинарности социология не одинока в заботе о необходимости переориентироваться, выйти за пределы узких ограничений дисциплинарности. Политическая наука едва ли монополист в политике. Социология сейчас существует частично внутри других дисциплин, в частности в новых постдисциплинарных областях, которые созданы с ее же помощью, но она также существует сама по себе как постдисциплинарная социальная наука. Сегодня очевидно, что социология обретает дисциплинарные, междисциплинарные и постдисциплинарные формы.

Хотя большая часть социологии мигрировала в другие науки, социология сегодня также все больше поглощает влияния других наук. Обзор наиболее влиятельных трудов нашей дисциплины отмечает большое число тех, что написаны несоциологами [Clawson, 1998]. В этом нет ничего нового: с самого начала социология вбирала в себя другие дисциплины. Конечно, это неоспорно, как и споры о влиянии культуральных (cultural) исследований на социологию [Calhoun et al., 2001]. Социология хороша взаимодействиями с другими науками. Значительная часть современной социологии построена на точке зрения, что социология как наука инкорпорирует специализированные результаты других наук в свои рамки. Как считает Фуллер [2006], сегодня эти взаимодействия должны включать биологию, способную сейчас объяснить многое из социальной жизни. Социологии нужно разобраться с некоторыми из претензий биологии на объяснение социального мира и выдвинуть иные положения. В этом плане междисциплинарность и постдисциплинарность следует считать не концом социологии, а окном возможностей для социологии решать новые проблемы.

Одна из таких проблем – публичная функция социологии. Специализация социологических исследований, исходя из норм профессиональной социологии, привела к маргинализации её публичной роли. М. Буравой заявил об этом в президентском докладе Американской социологической ассоциации 2004 г., открыв большие дебаты о будущем социологии [Burawoy, 2005]. Публичная социология «развелась» с профессиональной; им нужно воссоединиться, убеждает он. Публичная социология призывает, в частности, профессиональную социологию вернуться в сферу широкой публики и формировать публичные дебаты, что может вызвать переориентацию профессиональной социологии по мере появления новых проблем. Но, говорит Буравой, нет социологии публичной без

социологии профессиональной, поставляющей ей испытанные методы и теоретические подходы, концептуальные рамки и накопленный корпус знаний. Публичная социология близка политически релевантной социологии, которая в большей степени применима к решению проблем, поднимаемых государством и другими политическими акторами. Публичная социология шире, она более дискурсивна и действует в публичной сфере. Буравой также проясняет различие между публичной и критической социологиями. Последняя – способ саморефлексии по поводу профессиональной социологии, в основном ведущейся в интересах самой дисциплины, в отличие от социологии публичной. Критическая социология играет нормативную роль для дисциплины. Критическая и профессиональная социологии существуют для коллег; публичная и политически релевантная – для более широких аудиторий. Конечно, многие из этих ролей дублируют друг друга, что проявляется в связи социологии критической с публичной социологией.

По мнению многих, одна из функций социологии – поднимать уровень самопонимания общества. Адорно [2000], например, считал, что, хотя в общем смысле социология может заниматься изучением общества, общество как таковое не является данной, четко определенной областью, которую можно свести к набору «социальных фактов», как полагал Дюркгейм. Скорее, общество состоит из разных процессов и конфликтующих интерпретаций. Социологию можно определить с точки зрения критического анализа этих дискурсов таким образом, чтобы способствовать более широкому самопониманию. Этот взгляд на социологию повторяли Миллс (1970) и Хабермас (1978). Несколько по-иному он замечен в осторожной защите Скоттом (2005) и Фуллером (2006) дисциплинарной социологии. Это значит, социология должна быть релевантной; она должна быть способной обращаться к крупным социальным проблемам [Agger, 2000]. Несомненно, это значит, что социология должна быть способной ставить большие вопросы. Успех социологии до сих пор был в небольшой степени обязан ее несомненной способности обращаться к крупным вопросам, особенно тем, что относятся к повседневной жизни.

Заключение. Социология – единственная наука, специально занимающаяся изучением общества в широком смысле слова, обозначающего социальный мир и открытое поле социального. Как у многих социальных и гуманитарных наук, у нее нет четко определенного предмета. Эта ситуация часто порождает ожидания кризиса. Сегодня социология часто встает перед тремя крупными выборами. Один – это классическое видение некоего поля, основанное на интерпретации результатов других наук с точки зрения общей науки об обществе, гарантируемое канонизированным социологическим наследием. Второй выбор делают те, кто отвергают первый как слишком общий, паразитический и не имеющий четко маркированного специализированного поля, считая, что социология должна ограничить себя узкой территорией, основываясь на четко определенной концепции социологических исследований и дисциплинарной специализации. Третий – те, кто отвергают высокоспециализированное понимание социологии и противятся генерализующему пониманию социологии, стремятся обратиться к постдисциплинарности, что не ограничит традиционную дисциплину и имеет место в основном вне социологии. Это ложные дилеммы, несмотря на факт крупных вызовов, от которых не уйти. Междисциплинарность сегодня неизбежна для всех наук, что не должно означать исчезновения социологии, – не более, чем иных дисциплин. Также трудно делать заключение, что социология существует лишь в постдисциплинарном контексте. Но очевидно, что социология не может вернуться к классической форме общей науки. Социология – многогранная устойчивая дисциплина многих форм. Одна из ее давних характеристик такова: она вносит в исследование социального мира общую перспективу, созданную признанием того, что сумма больше своих частей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Adorno T.W. (2000) Introduction to Sociology. London: Sage.
- Agger B. (2000) Public Sociology. New York: Rowman & Littlefield.
- Burawoy M. (2005) For Public Sociology. American Sociological Review. No. 70(1): 4–28.
- Calhoun C., Rojek C., Turner B. (eds) (2005) Handbook of Sociology. London: Sage.
- Clawson D. (ed.) (1998) Required Reading: Sociology's Most Influential Books. Amherst: University of Massachusetts Press.
- Fuller S. (2006) The New Sociological Imagination. London: Sage.
- Gane N. (ed.) (2004) The Futures of Social Theory. New York: Continuum.
- Goldthorpe J. (2002) On Sociology. Oxford: Oxford University Press.
- Gouldner A. (1970) The Coming Crisis of Western Sociology. New York: Basic Books.
- Habermas J. (1978) Knowledge and Human Interests, 2nd ed. London: Heinemann.
- Horowitz I. (1993) The Decomposition of Sociology. Oxford: Oxford University Press.
- Lepenes W. (1988) Between Literature and Science: The Rise of Sociology. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levine D. (1995) Visions of the Sociological Tradition. Chicago: University of Chicago Press.
- Lynd R. (1939) Knowledge for What? The Place of Social Science in American Culture. Princeton: Princeton University Press.
- Mills C.W. (1970 [1959]) The Sociological Imagination. London: Penguin.
- Mudimbe V.Y. (ed.) (1996) Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford: Stanford University Press.
- Sayer A. (2000) For Postdisciplinary Studies: Sociology and the Curse of Disciplinary Parochialism and Imperialism. In: Eldridge J. et al. (eds) For Sociology. Durham: Sociology Press.
- Scott J. (2005) Sociology and its Others: Reflections on Disciplinary Specialization and Fragmentation. Sociological Research On Line 10.
- Shilling C., Mellor P. (2001) The Sociological Ambition. London: Sage.
- Smelser N.J. (1997) Problematics of Sociology. Berkeley: University of California Press.
- Strydom P. (2000) Discourse and Knowledge: The Making of Enlightenment Sociology. Liverpool: Liverpool University Press.
- Urry J. (1981) Sociology as a Parasite: Some Vices and Virtues. In: Abrams P. et al. (eds) Practice and Progress: British Sociology, 1950–1980. London: Allen & Unwin.
- Urry J. (2000) Sociology Beyond Societies. London: Routledge.
- Weber M. (1949 [1904–5]) Objectivity in Social Science and Social Policy. In: The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, IL: Free Press.
- Weber M. (1970) Science as a Vocation. In: Gerth H., Mills C.W. (eds) From Max Weber. London: Routledge & Kegan Paul.

*Перевод Н.В. Романовского,
гл. науч. сотрудник ИС ФНИСЦ РАН*

SOCIOLOGY**DELANTY G.**

Gerald DELANTY, Prof. of Sociology and Socio-Political Thought, University of Sussex, Editor of the European Journal of Social Theory, United Kingdom (G.Delanty@sussex.ac.uk).

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – д. ист. н., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, проф. Российского государственного гуманитарного университета, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socs@isras.ru).

© 2023 г.

П.С. СОРОКИН

ПРОБЛЕМА «АГЕНТНОСТИ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследований человеческого потенциала и образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (psorokin@hse.ru).

Аннотация. В последние годы в различных сферах общественной жизни появляются новые типы индивидуального действия, новые структуры, а также новые формы их взаимосвязи. Вопрос о роли и потенциале индивидуального действия в трансформациях социальной среды выходит на первый план, требуя выработки новых теоретических моделей и методологических решений, соответствующих новой эмпирической реальности и практическим задачам. На основе критического обзора исследований в мировой социологии показаны ограничения доминирующих трактовок онтологического аспекта проблемы «структуры-действия», включая взгляд на действие и структуры, как неразделимо связанные, онтологически неразличимые (Гидденс, Мейер, Бурдьё и др.), тенденцию к сверх-онтологизации отдельных структур, когда агентность приписывается искусственным феноменам (акторно-сетевая теория), тренд на игнорирование макроструктурной динамики и связанных с ними объективных качественных социальных изменений, выраженный в низведении проблемы индивидуальной агентности до ситуационных инноваций при решении локальных проблем (последователи американского прагматизма). Отдельно рассматривается концепция полей стратегического действия Флигстина и Макадама, как одна из наиболее обсуждаемых сегодня в социологии и смежных науках попыток объяснить социальные изменения – с фиксацией ограничений указанной теории и критическим анализом дискуссий последних лет вокруг нее. Статью завершает формулировка перспективных направлений исследований на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности для более адекватного понимания проблемы индивидуальной агентности и ее места в социальной динамике.

Ключевые слова: деструктуризация • агентность • структура-действие • глобальный кризис • международная социология

DOI: 10.31857/S013216250022927-2

Постановка проблемы. Социология регулярно критикуется за неспособность прогнозировать и объяснить социальные изменения. Цель настоящей статьи: обосновать возможный ответ на вопрос о причине этой неспособности, которая состоит в недостаточном учете социологами трансформационного потенциала индивидуального действия. Учет данного фактора становится особенно важным теоретически и практически в условиях меняющейся, деструктурированной социальной реальности, когда степень зависимости «структуры» от «действия» возрастает.

Статья выполнена в рамках работ, поддержанных по программе ПФИ НИУ ВШЭ.

Более того, созидательное, совершенствующее структуры индивидуальное действие становится необходимым для их практической адаптации к меняющейся среде. В этих условиях направление развития новой социальной реальности менее детерминировано структурными факторами (в отличие от прежних фаз социетальной эволюции), но в значительной степени определяется сознательными «агентными» стратегиями акторов, действующих как со стороны новых форм социальной организации (например, блогеры, лидеры мнений в социальных сетях), так и изнутри «старых» структур. Примерами последних являются лидеры государств – ядерных держав, в частности Си Цзиньпин, генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая, конституционно зафиксировавший в 2022 г. свою роль в истории страны как равную Мао Цзэду в рамках новой программы до 2049 г., или главы крупнейших международных корпораций (например, пресловутый Илон Маск, чьи оригинальные бизнес-решения уже несколько лет определяют движение фондовых рынков мира).

При всей кажущейся избитости темы о «роли личности в истории», она требует переосмысления сегодня по причине, во-первых, существенного возрастания количества и разнообразия индивидуальных акторов, реализующих самостоятельные, не ориентированные на единые «правила игры» и зачастую противоречащие друг другу с точки зрения как целей, так и средств «агентные» стратегии, во-вторых, радикального расширения возможностей эффекта индивидуального действия на коллективные образования (например, в виде экономических действий наиболее обеспеченных граждан мира на фондовом рынке (Уоррен Баффет) или потребительских и карьерных выборов медийных персон (Криштиану Роналду)).

Новая реальность представляет беспрецедентные возможности и риски для миллионов, если не миллиардов, людей. В частности, это касается растущего неравенства между индивидами в ситуации объективного увеличения потенциального эффекта индивидуального действия, а следовательно, и соответствующего вознаграждения на рынке труда и за его пределами. Посмотрим на быстрое распространение нетрадиционных форматов занятости (фриланс, самозанятость, работа через платформы), с характерными для них противоречиями между (1) расширением по отношению к традиционному корпоративному сектору возможностей управлять своим временем, трудовой нагрузкой и сферой делового общения и (2) ограничением перспектив вертикальной мобильности с точки зрения дохода, престижа, а также гарантий благополучия в сочетании с повышенными рисками чрезмерных опасных для здоровья нагрузок. Поведение высокообразованных людей, систематически занятых на указанных платформах, и конфигурация «платформенных» социальных отношений не поддаются привычным моделям объяснения социальной мобильности, как и так называемый дауншифтинг – популярная форма квази-карьерной траектории, предполагающая, как правило, добровольный выход из привычных для современного общества структур экономической и социальной жизни. Отметим и модели так называемого краудфандинга, которые крайне далеки от привычных форм трудового поведения (поскольку не предполагают оплачиваемую занятость), однако уже сегодня становятся одной из важных движущих сил экономики и генерации инноваций, особенно в высокотехнологичной сфере и экономике знаний (например, так называемые сообщества «Отрытого кода» в среде программистов).

В сфере здравоохранения форматы «телемедицины» и «самолечения» радикально меняют привычные институциональные практики заботы о здоровье, а массовое движение «антиваксеров» (людей, сознательно отказывающихся от вакцинации, несмотря на мощное давление) в развитых странах является ярким подтверждением снижения регулятивного потенциала базовых институтов общества модерна.

Таким образом, в разных сферах общественной жизни можно обнаружить «странные», но важные и массовые тенденции: появляются не просто новые типы социального действия или новые структуры, а новые формы взаимосвязи между первым и вторыми. Осмыслиют ли их в указанном ракурсе социологи? Нет, напротив, они преимущественно рассматриваются как сугубо периферийные по отношению к тем более привычным

социальным феноменам, которые де-факто постепенно сокращаются: формальная корпоративная занятость в очном формате, политическое участие населения в официальных партийных системах и др. Недостаточное понимание новых явлений и тенденций со стороны социологии есть признак более фундаментальной проблемы: неадекватного представления о человеке и его соотношении с окружающим социальным миром, которое не всегда в явном виде проговаривается (за исключением специальных теоретических дискуссий), но имплицитно доминирует.

Агентность в условиях деструктуризации. В специальной литературе по социальной теории данная проблематика ассоциируется с так называемой дискуссией о «структуре-действии» («structure/agency») [Piironen, 2016; Сорокин, Фрумин, 2020; Йоас, 2005; Де-вятко, 2004] или с вопросом «агентности» [Cavazzoni, 2021; Сорокин, Зыкова, 2021]. В отечественной науке термин «агентность» пока менее укоренен, однако в последнее время наблюдается растущий интерес к тому, как индивидуальное действие может менять социальную среду, генерируя трансформации, выходящие за пределы объективных трендов «саморазвития» структур [Кравченко, 2022; Фетисов, 2022]. Показательна сохраняющаяся достаточно массовая тенденция среди социологов трактовать «агентность» («agency») как атрибут не только (и не столько) индивида, но и социальной среды [Emirbayer, Mische, 1998] – проблема, связанная с вопросами онтологии, о чем подробнее ниже.

В настоящей статье мы рассматриваем понятие «агентности» как отражающее такое индивидуальное, трансформирующее социальную среду действие, которое в существенной степени выходит за пределы воспроизводства (повторения) заданной извне институциональной логики или структурного контекста – то есть в том смысле, в котором данное понятие обсуждается в новейших дискуссиях в социологии и смежных науках [Cavazzoni et al., 2021].

Происходящий на наших глазах глобальный институциональный кризис, связанный с нарастающим с февраля 2022 года фактическим разрушением международной системы права и власти, сформировавшейся в XX в., невозможно понять в русле «естественной» логики развития тех или иных базовых институтов (рынок, государство, гражданское общество и т.п.). Недостаточно помогают и утверждения о формировании новых надындивидуальных или внеиндивидуальных «актантов». Структуры оказываются существенно более «хрупкими», чем казалось прежде, вариации индивидуального действия – более непредсказуемыми, а их эффекты – более масштабными.

Проблема «агентности» становится ключевой для эволюции нашей науки по причине важного изменения в социальной реальности, набирающего ход в последние десятилетия и в особенности в последние годы, – деструктуризации.

Деструктуризация предполагает не только относительную онтологическую независимость индивидуального действия от структуры (то есть наличие определенной степени свободы воли), но и принципиальную зависимость структуры от действия (на любом уровне – сообщества, организации или государства), с возможностями как созидательного, так и деструктивного эффекта. Такая постановка влечет за собой вопросы о возможностях, факторах формирования, проявлениях и последствиях такой индивидуальной агентности (в том числе погруженной в организационные среды), которая конструктивно поддерживает и преобразует социальный мир.

В теориях управления уже обсуждается феномен гиперменеджмента, фокусирующий-ся на созидательном потенциале трансформирующего действия сотрудников [Bromley, Meyer, 2021]. В других отраслевых направлениях (социология гендера, расы, социология общественных движений и др.) также имеются релевантные разработки, однако они практически не рассматриваются как части более широкой проблемной области [Cavazzoni et al., 2021]. Более того, даже в тех работах, где демонстрируются параллели между различными проявлениями «агентности» на эмпирическом уровне, редки попытки соотнести конкретные «отраслевые» результаты с разработками в области общей социальной теории. К свежим примерам такого рода попыток можно отнести широко обсуждаемую за рубежом теорию полей стратегического действия Д. Флигстина и Н. Макадама

[2022; Fligstein, McAdam, 2011; Kluttz, Fligstein, 2016] или разрабатываемые в зарубежной и российской литературе идеи постгуманизма [Катерный, 2021].

Основной проблемой современных разработок в области социальной теории по проблеме структура/действие является отсутствие в них четкого разграничения между индивидуальной агентностью как самостоятельным фактором социальных изменений и «естественным» (то есть независящим от усилий индивида) развитием социальных структур. Более подробно этот вопрос рассматривается ниже.

Реальна ли индивидуальная агентность? От философских абстракций к эмпирическим иллюстрациям. Можно выделить несколько трактовок онтологического аспекта проблемы индивидуальной агентности в современной социологии.

Действие и структуры в большинстве авторитетных социальных теорий видятся как неразделимо связанные, когда «маленькое» действие является выражением «большой» структуры (Гидденс, Мейер, Бурдьё, марксистская традиция и др.). За декларацией о «решенной» таким образом проблеме агентности стоит гипотеза о существовании относительно жесткой и стабильной социальной реальности, выходящей за пределы непосредственно переживаемых индивидом (и подверженных его влиянию) локальных ситуаций действия и формирующей базовые условия и возможности человеческого поведения [Piirainen, 2014]. Действие может только «выражать» или «воспроизводить» структуры, отражая возможные противоречия и конфликты между ними (что характерно для марксистской трактовки) или утверждая положительный статус-кво (новый институционализм), но не создавать новые структурные конфигурации.

В частности, Флигстин и Макадам, вслед за Гидденсом, Бурдьё, ДиМаджио, Мейером и др., отмечают, что структура и действие представляют собой взаимосвязанные элементы, разделяемые скорее аналитически, но не онтологически [Fligstein, McAdam, 2011]. Таким образом, в центре их внимания не реальность человеческого действия (включая стоящие за ним самостоятельные факторы индивидуального уровня), а исключительно динамика изменения структур (полей), в которой действие рассматривается как атрибут скорее поля, чем человека, хоть и реализуется «через» последнего.

Отчасти, альтернативная позиция стартует от идей американского прагматизма (Дьюи и др.) и находит более полное выражение в прагматическом повороте Р. Бернштейна [Рубини, 2018; Bernstein, 2010]. Согласно этому подходу, на микроуровне человеческое действие переосмысливается как способное «нести новизну», наделенное «воображением» и «творчеством», но только в масштабе конкретной ситуации или решения локальной проблемы [Йоас, 2005]. Макроуровень социальных изменений при таком подходе остается за кадром, деонтологизируется. За фокусом на отдельных ситуациях исчезает постановка вопроса о связи между структурой и действием в более длинной исторической перспективе: индивид окончательно размывается, становится «придатком» уже не «большим» структур, но «маленьким» ситуаций. В результате понимание роли индивидуальной агентности в изменении социальных структур в длительной исторической протяженности, например, в преодолении кризисных процессов глобального или национального масштаба (что стало особенно важным в 2020-е гг.), становится невозможно.

Наконец, подход сторонников акторно-сетевой теории Латура (см.: [Катерный, 2021]), а также ряда представителей неомарксистской традиции (см.: [Фильк, Рам, 2015]), идёт дальше и, в попытке описать ускоренные и непредсказуемые социальные изменения, утверждает «агентность» распределенным атрибутом особого типа новых структур, прежде всего, в технологической сфере. В данном случае имеет место не низведение индивидуальной агентности до мелких и частных вопросов (как в случае с прагматизмом), но гиперболизация агентности не-человеческой; не просто деонтологизация человека в пользу социальных структур, но сверхонтологизация несоциальной материи.

Таким образом, важная проблема и одновременно фронтир для развития современных дискуссий – это более полный учет созидательного потенциала индивидуального действия не только с точки зрения абстрактного участия в возникающих в силу внешних,

надындивидуальных причин «дискурсах», но и проактивной генерации реальных новых форм социальной организации, включая такие, которые могут вполне успешно подавлять одни и стимулировать другие направления использования технологических возможностей.

В качестве дополнительных эмпирических иллюстраций новых форм социальной организации приведем такой феномен, как «самоорганизующиеся рабочие команды» в корпоративном секторе, в том числе в государственных учреждениях [Ruotsalainen et al., 2022], или растущую категорию самозанятых, доход которых определяется личным социальным капиталом (дизайнеры, программисты, журналисты, частные психологи, коучи и др.) [Sanchez et al., 2015]. Разнообразие форм культурно одобряемого предпринимательства (включая так называемое устойчивое, социальное или зеленое предпринимательство [Ali, 2021]) показывает высокий объем трансформирующего низового действия в глобальном масштабе.

Приведем примеры из актуальной российской практики: в 2022 г. количество физических лиц, зарегистрированных как участники российского фондового рынка, достигло 20 млн человек; и эта цифра растет, несмотря на кажущееся «схлопывание» рыночных институтов российской экономики¹. Таким образом, миллионы россиян уже де-факто вовлечены в трансформирующее социальное действие по отношению к корпорациям как формальным экономическим институтам: они продают и покупают акции, то есть буквально «части» компаний как формальных структур. По данным Мониторинга экономики образования 2022 г., более половины российских студентов вузов рассматривают возможность стать предпринимателями в горизонте 5 лет после завершения обучения, а более четверти из них уже имеют опыт участия в социальных инициативах, в то время как каждый 10-й назвал себя инициатором того или иного социального проекта [НИУ ВШЭ, 2022]. Притом более 40% опрошенных, рассматривающих возможность стать предпринимателями в будущем, отметили среди наиболее дефицитных для себя навыков владение инструментами фондового рынка, в то время как различных «мягких навыков» (например, лидерских качеств или самоорганизации) не хватает, по данным самооценок менее 20% из них [там же].

По данным исследования школьников, проведенного с участием Института образования НИУ ВШЭ в 2020 г. на выборке детей, вовлеченных в дополнительное образование, около трети учащихся имели опыт инициации онлайн-групп и сообществ в сети Интернет в условиях пандемии, причем указанные учащиеся демонстрировали значительно более высокие показатели оптимизма, удовлетворенности и благополучия (вне зависимости от тематики, которой были посвящены их онлайн-инициативы), в сравнении с детьми, не имеющими соответствующего опыта [Гошин и др., 2022].

Приведенные примеры показывают объективную реальность индивидуальной агентности как деятельности по трансформации существующих (например, через покупку/продажу акций) или созданию новых структур (запуск стартапов или создание сообществ). Для понимания этой реальности представляется неадекватной доминирующая в социальной теории установка на «структурный детерминизм». Однако в современной социологии есть и альтернативный взгляд. Его сторонником выступает М. Арчер: «Только при условии принятия онтологического различия между “структурой” и “действием” может возникнуть вопрос о том, как воздействия первой могут корректироваться второй. Только если признать, что субъективность “агентов” и объективность “структур” имеют каждая свою самостоятельную каузальную силу, вопрос об их взаимосвязи становится неочевидным» [Archer, 2003: 14–15].

Критический анализ одного из наиболее обсуждаемых сегодня теоретических подходов для ответа на данный вызов представлен ниже.

¹ Данные из отчетности Московской биржи о количестве активных трейдеров в июне 2022 года (2022) / Московская Биржа [сайт]. URL: <https://www.moex.com/n49811/?nt=106> (дата обращения: 15.12.2022).

Теория полей стратегического действия как возможный путь к пониманию современных социальных изменений. Данная теория известна российским социологам [Флигстин, Макадам, 2022; Масловский, 2016]. Это, пожалуй, наиболее проработанная попытка социологов «усидеть на двух стульях»: с одной стороны, учесть отмеченную выше турбулентность социального мира, изменчивый характер социальных структур (недооцененный, как справедливо отмечают авторы, прежними творцами «больших теорий»), с другой стороны, сохранить в качестве первичного (по сути, единственного) объекта анализа эти же социальные структуры, оставаясь верными завету Дюркгейма.

Обобщая разработки в области теории полей стратегического действия, а также разворачивающиеся вокруг нее последние 10 лет активные дискуссии, можно сформулировать несколько ключевых достижений:

во-первых, признание того, что социальные поля не существуют автономно от внешней среды, но зависят от других полей, разных по масштабу, структуре и характеру реализуемой в них деятельности, что недостаточно учитывается и в концепции Бурдьё, и в работах нового институционализма;

во-вторых, фиксация того, что социальное поле воспринимается по-разному различными входящими в него акторами, имеющими различные, в том числе противостоящие интересы с точки зрения борьбы за более высокие позиции в данном поле. Таким образом, преодолевается характерное и для новых институционалистов, и для Бурдьё, и для Гидденса представление о базовой устойчивости и стабильности полей;

в-третьих, выдвижение гипотезы, согласно которой поля трансформируются, прежде всего, по причине изменений в других связанных с ними полях, а также по причине целенаправленной деятельности акторов по улучшению своих позиций внутри полей или по созданию новых полей. Таким образом, в полях возможно «инновационное действие», существенно меняющее заведенный порядок вещей;

в-четвертых, утверждение, что важный фактор, определяющий способность индивидуальных акторов к инновационному, трансформирующему поля действию, это наличие у них так называемого «социального навыка», то есть способности к формированию коалиций, выработке и распространению новых вариаций идентичности, стратегий и, в целом, возможности влиять на поведение других участников поля. В обосновании концепции «социального навыка» авторы используют идеи Дж.Г. Мида о характерной для человечества экзистенциальной потребности в «принадлежности к социальному целому».

Флигстин и Макадам утверждают, что предложенная ими модель носит универсальный характер и приложима для анализа социальной динамики в любом масштабе и на любой исторической протяженности. Действительно, опираясь на их идеи, Спигер с коллегами [Spicer et al., 2019] эмпирически показали, как за короткое время (не более десятилетия) сформировался и получил высокую легитимность на национальном уровне в США новый массовый социальный феномен (одновременно многомиллиардный бизнес) – социальное предпринимательство. Особо ценным является детальный анализ решающей роли в этом процессе трех конкретных человек, которые, по мнению авторов, являют собой примеры стратегического действия, основанного на мощном социальном навыке. В свою очередь, Опара с коллегами [Opara et al., 2021] эмпирически показали аналогичные процессы на примере государственно-частного партнерства в Канаде.

Пожалуй, наиболее амбициозной попыткой сформулировать с использованием идей Флигстина и Макадама новую, учитывающую феномен агентности теорию социальных изменений является высокоцитируемая работа Мей [May, 2013], предлагающая обобщение социологических и психологических разработок с целью выработать «Общую теорию внедрения новшеств» («General theory of implementation»). Несмотря на фокус данной работы прежде всего на проблемах имплементации инноваций в медицине, она пытается интегрировать широкий корпус социологических и психологических идей.

Признавая очевидный вклад авторов в понимание природы социальных структур и их связи с индивидуальным действием, теория полей стратегического действия имеет ряд

существенных ограничений, которые пока не обсуждались в социологической литературе в России и за рубежом.

Прежде всего, признание принципиальной изменчивости социальных полей с точки зрения их внешних (связанных с отношениями с другими полями) и внутренних (связанных с объективной структурой поля и с представлениями о ней акторов) аспектов делает само понятие «поля» иллюзорным, онтологически сомнительным.

Рассматриваемый вектор развития социальной теории, с опорой на идею примата социальной структуры над индивидом и его действием, привел к концепции социальной структуры, столь зыбкой и ускользающей, что физическая реальность индивидуальной жизни, с ее осязаемым и имеющим сознание носителем, выстраивающим свои отношения с окружающими в динамическом поле собственной биографии, выглядят значительно более «реальными», чем структуры как набор позиций, ячеек или дискурсов, живущих «своей жизнью», существующих автономно.

Сочетание предложенного выше взгляда на онтологический статус индивидуальной агентности с прочтением дискуссий вокруг концепции Флигстина и Макадама через призму тезиса о деструктуризации может оказаться продуктивным для определения возможных следующих витков в эволюции социальной теории в ответ на актуальные эмпирические процессы и связанные с ними практические вызовы, в том числе для российской социологии.

Перспективные направления развития социологической теории в условиях новой реальности. На *макроуровне* социальной реальности перспективно изучение связи динамики представлений о глобальном мире с конкретными изменениями структур на мезоуровне и индивидуальных стратегий действия. Казалось бы, тезис Флигстина и Макадама о вложенности полей «по вертикали» предполагает учет самого верхнего уровня – общества в целом. И все же подобный ход, редуцирующий макроуровень социального мира до «еще одного слоя» полей, проблематичен в сегодняшних условиях.

Как справедливо отмечается в работах Дж. Мейера, автора теории «Всемирного общества», один из важных аспектов социальной динамики XX и начала XXI в. состоял в том, что люди разных стран, помещенные в различные социальные структуры, стали объединены едиными представлением о прогрессе и человечестве в целом, связанном с западными идеалами демократии и рынка, несмотря на радикальные различия в том, что можно назвать «технической эффективностью» или «полезностью» соответствующих институтов для конкретной страны. Как показано в работах Мейера с коллегами, распространение этой «культурной» идентичности имело важные «структурные последствия» в области политического и экономического развития, которые невозможно объяснить логикой естественного совершенствования национальных структур за счет внутренних факторов или «борьбы» за доминирующие позиции в рамках конкретного социального поля между конкурирующими акторами [Schofer et al., 2021].

Однако современный этап деструктуризации больше, чем прежние стадии общественной эволюции со второй половины XX в., характеризуется отсутствием не только реального «центра силы» в мире, но и, что не менее важно, представления о нем. Напротив, общепризнан трудно преодолимый структурный и культурный разрыв между конкурирующими «центрами». Это оказывает мощное воздействие на всё структурирование социальной жизни, облегчая легитимизацию (и в то же время оспаривание) самых разных стратегий, правил, норм и связанных с ними вариаций агентности на каждом уровне.

На наш взгляд, если всё же попытаться содержательно сформулировать общий вектор глобальной макроструктурной динамики XX–XXI вв., то, вероятно, таковым можно считать рост легитимности агентности и ее практических проявлений на разных уровнях социальной организации, включая глобальное измерение. В качестве подтверждения можно привести указанный выше рост интереса к предпринимательству и его институционализации в системах образования по всему миру [Сорокин, Фрумин, 2022].

Мезоуровень. Необходимо изучение не только динамики изменения социальных полей как таковых, но и траекторий движения личности «через поля» (организации, институты,

сообщества и т.п.), включая трансформационные эффекты соответствующих перемещений на структуры. При этом особое значение имеет изучение типичных форм и видов индивидуальной агентности, связанной с движением человека «в структурах» и «через структуры».

Разница с традиционными исследованиями мобильности состоит в том, что в предлагаемом подходе основным предметом внимания выступают не структурные связи между полями, направляющие соответствующие перемещения большинства акторов таким образом, чтобы поддерживать сложившуюся структурную конфигурацию и ее «естественное» развитие. Вместо этого на первый план выходит движение акторов, которое может не только воспроизводить, но и нарушать заданную тем или иным полем логику, разрушать существующие и выстраивать новые связи между полями, равно как и формировать новые поля.

В качестве первого шага можно полагать, что на объем и силу потенциала «агентности» индивидуального актора могут влиять разнообразие и богатство его опыта с точки зрения не просто «пребывания», но и активного действия в разных полях (в том числе в полях со значительно различающимися «правилами игры»). Особенно ценным может быть опыт вертикальной мобильности (восходящей и нисходящей), а также переживания особенно масштабных кризисов/изменений в полях. Более того, каждый индивид может быть рассмотрен как центр своего собственного динамически меняющегося «социального поля», пересекающегося с другими «полями» и вовлекающегося/вовлекаемого в соответствующие взаимодействия, которые могут быть в большей или меньшей степени результатами инициативного действия и самостоятельного выбора и находиться «в центре» или «на периферии» соответствующих социальных процессов. Современная «проектная» организация образования и трудовой деятельности во многих признанных ведущих организациях в существенной степени реализуют этот принцип: сотрудник (или студент) может выбирать, в какие проекты включаться, а также инициировать собственные проекты, степень успешности которых определяет размер материального вознаграждения или объем образовательных кредитов.

Ключевой вопрос на **микроуровне** состоит в том, какие именно подверженные эмпирической фиксации характеристики могут рассматриваться как признаки индивидуального потенциала агентности или как ее ключевые предпосылки? Кажется перспективным не ограничиться анализом опыта действия актора в конкретных средах, но посмотреть на непосредственно индивидуальные («внутренние») характеристики. Указанная задача может рассматриваться как развитие тезиса Флигстина и Макадама о «социальном навыке», который пока не только не получил эмпирической операционализации, но и серьезного внимания на теоретическом уровне со стороны ни одной из сотен работ в зарубежной литературе, цитировавших соответствующую публикацию.

Потенциально продуктивным для понимания микроуровня социальной реальности, включая ее «агентный» компонент, может оказаться обращение к смежным, прежде всего, психологическим дисциплинам. Среди социологов становится модой претендовать на учет разработок психологов [Brossard, Sallee, 2020]. Однако не все социологи знают, что психология подвержена той же проблеме, что и социология: в мейнстриме доминируют теории и взгляды на человека, рожденные в середине XX в. Есть и альтернативные разработки, но их труднее идентифицировать, для неспециалистов они зачастую остаются за кадром (яркий пример – указанная выше статья Мей [May, 2013] об общей теории внедрения новшеств, в которой представления о теории деятельности соответствуют ранним фазам развития соответствующих разработок) (см. подробнее: [Mironenko, Sorokin, 2020]). В современной психологии можно найти более актуальные исследования, открывающие важные «границы» личности: ее принципиальную изменчивость, способность к проактивному поведению, генерации и изменению идентичности и многое др. [Sosnowska et al., 2019; Shahar, 2020]. Указанные разработки дают основания полагать, что потребность в совершенствовании окружающего, в том числе социального, мира является не менее «экзистенциальной» для человека, чем потребность в принадлежности к социуму, на чем делают акцент Флигстин и Макадам в теоретическом обосновании идеи о «социальном навыке». Причем эти потребности не противоречат, а дополняют друг друга в ситуации деструктуризации.

Российские социологи в последнее время предложили разработки, которые высоко релевантны указанным задачам и признают формирование новой реальности [Ельчанинов, 2022]. Вместе с тем особенно востребован может быть эмпирический анализ социальных феноменов, связанных с новым деструктурированным состоянием социального мира и возникающих в этих условиях «окна возможностей» созидательной индивидуальной агентности, прежде всего, в области экономического, технологического, социально-корпоративного и иных форм предпринимательства.

* * *

Проведенный анализ выявляет не только барьеры и трудности, но и возможные ресурсы для понимания проблемы агентности как центральной для современной социологии. Движение в сторону выделенных направлений поможет не только повышению объяснительной силы социологических теоретических моделей, но и эмпирическому пониманию новых реалий социальной жизни, а также выработке практических решений актуальных проблем общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гошин М.Е., Сорокин П.С., Косарецкий С.Г. Агентность школьников в условиях изменений образовательного контекста в период пандемии COVID-19: источники, проявления и эффекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 394–417. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2145.
- Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2004.
- Ельчанинов М.С. Эпоха глобальной бифуркации: планетарные проблемы и исторические альтернативы // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 124–135.
- Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005.
- Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Кравченко С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2.
- Масловский М.В. Межкультурное взаимодействие и социальные поля: новые теоретические подходы в европейской и американской социологии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 11–18.
- НИУ ВШЭ. Опрос студентов вузов очной формы обучения в рамках Мониторинга экономики образования. 2021/2022 уч. г. Москва.
- Ребугини П.А. Критическая агентность и будущее критики // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 3–16.
- Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI в.: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216–241.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 116–137.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36.
- Фетисов В.Я. Контурсы диагноза для социологии // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 14–28.
- Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 22–32.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / Пер. с англ. Е.Б. Головляницыной. М.: ВШЭ, 2022.
- Albiol Sanchez J., Diaz-Serrano L., Teruel G. Is Self-employment a Way to Escape from Skill Mismatches? (No. 9008). Bonn: IZA Discussion Papers, 2015.
- Ali M. A systematic literature review of sustainable entrepreneurship with thematic analysis // World Journal of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development. 2021. No. 17(4). DOI: 10.1108/WJEMSD-11-2020-0150.
- Archer M.S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bernstein R.J. The Pragmatic Turn. Cambridge: Polity, 2010.

- Bromley P., Meyer J.W. Hyper-management: Neoliberal expansions of purpose and leadership // *Organization Theory*. 2021. No. 2 (3). DOI: 10.1177/26317877211020327.
- Brossard B., Sallee N. Sociology and psychology: What intersections? // *European Journal of Social Theory*. 2020. No. 23(1). P. 3–14.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency // *Social Indicators Research*. 2021. No. 159. P. 1125–1153.
- Emirbayer M., Misch A. What is agency? // *American journal of sociology*. 1998. No. 103(4). P. 962–1023.
- Fligstein N., McAdam D. Toward a general theory of strategic action fields // *Sociological theory*. 2011. No. 29(1). P. 1–26.
- Kluttz D.N., Fligstein N. Varieties of sociological field theory // *Handbook of contemporary sociological theory* / Ed. by S. Abrutyn. Springer: Cham, 2016. P. 185–204.
- May C. Towards a general theory of implementation. *Implementation Science*. 2013. No. 8(1). P. 1–14.
- Opara M., Okafor O.N., Ufodike A., Kalu K. Institutional entrepreneurship: collaborative change in a complex Canadian organization // *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2021. No. 34(9). P. 284–314.
- Piirainen T. For "Central Conflation" A Critique of Archerian Dualism // *Sociological theory*. 2014. No. 32(2). P. 79–99.
- Ruotsalainen S., Elovainio M., Jantunen S., Sinervo T. The mediating effect of psychosocial factors in the relationship between self-organizing teams and employee wellbeing: A cross-sectional observational study // *International Journal of Nursing Studies*. 2022. No. 138. P. 1–7.
- Schofer E., Ramirez F.O., Meyer J.W. The societal consequences of higher education. *Sociology of Education*. 2021. No. 94(1). P. 1–19.
- Shahar G. The subjective-agentic personality sector (SAPS): Introduction to the special issue on self, identity, and psychopathology // *Journal of Personality*. 2020. No. 88(1). P. 5–13.
- Sosnowska J., Kuppens P., De Fruyt F., Hofmans J. A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model // *Personality and individual differences*. 2019. No. 144. P. 11–18.

Статья поступила: 19.10.22. Финальная версия: 18.01.23. Принята к публикации: 02.02.23.

THE PROBLEM OF "AGENCY" THROUGH THE PRISM OF A NEW REALITY: CONDITIONS AND PERSPECTIVES

SOROKIN P.S.

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Pavel S. SOROKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Head of the Laboratory for Human Potential and Education Research, Institute of Education, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (psorokin@hse.ru).

Acknowledgements. This article was supported under the HSE Basic Research program.

Abstract. In the context of a new phase of the evolution of society, characterized by accelerated destructure, the problem of "agency" requires rethinking. To study the role and potential of individual action in the transformations of the social environment, it is necessary to develop new theoretical models and methodological solutions. For this purpose, a critical review of related research in international sociology, as well as recent developments of Russian sociologists, is proposed. Overview of theoretical discussions, including developments in the strategic action fields theory (Fligstein and McAdam), allows to highlight both the achievements and limitations of the contemporary international mainstream. The importance of the ontological aspect of the "structure-action" problem is shown, which has not received sufficient attention in international discussions so far. The article concludes with the formulation of promising research directions at the macro-, meso- and micro-levels of social reality for understanding the problem of agency, with an emphasis on the potential of Russian sociology. On macro-level, more than in the previous stages of social evolution since the second half of the 20th century, there is absence of any single "center of power", which brings significant variety to manifestations of agency. On meso-level we suggest to integrate into research models the thesis about the increasing nature of structures' instability, which also implies an opening possibilities of practical interventions. At micro-level further development of the thesis by Fligstein and McAdam about the "social skill" is required, which has not yet received empirical operationalization, for which elaborations of psychologists might be useful.

Keywords: de-structure, agency, structure-action, global crisis, international sociology.

REFERENCES

- Albiol Sanchez J., Diaz-Serrano L., Teruel G. (2015) *Is Self-employment a Way to Escape from Skill Mismatches?* (No. 9008). Bonn: IZA Discussion Papers.
- Ali M. (2021) A systematic literature review of sustainable entrepreneurship with thematic analysis. *World Journal of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*. № 17(4). DOI: 10.1108/WJEMSD-11-2020-0150.
- Archer M.S. (2003) *Structure, agency and the internal conversation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bernstein R.J. (2010) *The Pragmatic Turn*. Cambridge: Polity.
- Bromley P., Meyer J.W. (2021) Hyper-management: Neoliberal expansions of purpose and leadership. *Organization Theory*. No. 2 (3). DOI: 10.1177/26317877211020327.
- Brossard B., Sallee N. (2020) Sociology and psychology: What intersections? *European Journal of Social Theory*. No. 23(1): 3–14.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. (2021) How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*. No. 159: 1125–1153.
- Devyatko I. (2004) *Sociological theories of activity and practical rationality*. Moscow: Avanti Plus. (In Russ.)
- Elchaninov M. (2022) The Era of global bifurcation: planetary problems and historical alternatives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 124–135. DOI: 10.31857/S013216250018466-5. (In Russ.)
- Emirbayer M., Misch A. (1998) What is agency? *American journal of sociology*. No. 103(4): 962–1023.
- Fetisov V. (2022) Shaping the diagnosis to sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 14–28. DOI: 10.31857/S013216250022304-7. (In Russ.)
- Filc D., Ram U. (2015) Marxism after postmodernism: Rethinking the emancipatory political subject. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 22–32. (In Russ.)
- Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological theory*. No. 29(1): 1–26.
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Fields theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Goshin M.E., Sorokin P.S., Kosaretsky S.G. (2022) Agency of Schoolchildren in the Changing Educational Context during COVID-19 Pandemic: Sources, Manifestations, and Effects. *Monitoring obshchestvenno mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie izmeneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 394–417. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2145. (In Russ.)
- Joas H. (2005) *Creativity of action*. St. Peterburg: Aleteya. (In Russ.)
- Kluttz D.N., Fligstein N. (2016) Varieties of sociological field theory. In: *Handbook of contemporary sociological theory*. Ed. by S. Abrutyn. Springer: Cham: 185–204.
- Kravchenko S. (2022) Ambivalence of digitalization: demand for national-cultural model for sustainable development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2. (In Russ.)
- Maslovsky M. (2016) Inter-cultural interaction and social fields: new theoretical approaches in European and American sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 11–18. (In Russ.)
- May C. (2013) Towards a general theory of implementation. *Implementation Science*. No. 8(1): 1–14.
- NRU HSE. *A survey of full-time university students in the framework of Monitoring the economics of education. 2021/2022 academic year.* (2023) Moscow. (In Russ.)
- Opara M., Okafor O.N., Ufodike A., Kalu K. (2021) Institutional entrepreneurship: collaborative change in a complex Canadian organization. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. No. 34(9): 284–314.
- Piirainen T. (2014) For “Central Conflation” A Critique of Archerian Dualism. *Sociological theory*. No. 32(2): 79–99.
- Rebughini P.A. (2018) Critical Agency and the Future of Critique. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 3–16. DOI: 10.31857/S013216250002781-2. (In Russ.)
- Ruotsalainen S., Elovainio M., Jantunen S., Sinervo T. (2022) The mediating effect of psychosocial factors in the relationship between self-organizing teams and employee wellbeing: A cross-sectional observational study. *International Journal of Nursing Studies*. No. 138: 1–7.
- Schofer E., Ramirez F.O., Meyer J.W. (2021) The societal consequences of higher education. *Sociology of Education*. No. 94(1): 1–19.
- Shahar G. (2020) The subjective–agentic personality sector (SAPS): Introduction to the special issue on self, identity, and psychopathology. *Journal of Personality*. No. 88(1): 5–13.
- Sorokin P., Froumin I. (2022) “Structure/agency” problem in the 21st century: changing social reality and research implications. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 27–36. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Zykova A.V. (2021) “Transformative Agency” as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience. *Monitoring obshchestvenno*

- mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie izmeneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 216–241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Froumin I.D. (2022) Education as a Source for Transformative Agency: Theoretical and Practical Issues. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1: 116–137.
- Sosnowska J., Kuppens P., De Fruyt F., Hofmans J. (2019) A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model. *Personality and individual differences*. No. 144: 11–18.
- Katerniy I.V. (2021) *Posthumanism. Humans in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas*. Moscow: LENAND. (In Russ.)

Received: 19.10.22. Final version: 18.01.23. Accepted: 02.02.23.

Социологическая публицистика

© 2023 г.

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ... ПЛЕМЕНА, НАРОДЫ: КАК ЖИВЕТСЯ ЧЕЛОВЕКУ СРЕДИ ЕГО КОНСТРУКТОВ? (Часть 1)

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (dpodvoiski@yandex.ru).

Аннотация. *Предпринимается попытка иллюстрации объяснительных возможностей теоретико-методологической программы социального конструктивизма на примере двух областей общественной жизни – гендерных и этнонациональных отношений. Гендерная и этническая принадлежность, идентичность и социально-групповые структуры, образующиеся по гендерному и этническому основаниям, рассматриваются как продукты общественно-исторического развития, как феномены, имеющие по преимуществу социокультурное происхождение. Среди прочего демонстрируется способность конструктивистской исследовательской оптики высвечивать историческую относительность и изменчивость систем гендерных и этнических отношений, нередко представляющих (в обыденном сознании и идеологическом дискурсе) в качестве «естественных», квазиприродных, примордиальных фактов. В то же время обнаруживается склонность этих отношений к реификации, объективизации и кристаллизации в устойчивых формах социальных институтов и культуры.*

Ключевые слова: *социальный конструктивизм • гендер • феминизм • этнос • нация • примордиализм • идентичность • стереотип • гендерные исследования • этносоциология*

DOI: 10.31857/S013216250022100-3

Концепция социального конструирования реальности способна приобретать провакационное звучание для неспециалиста в области общественных наук. Столкновение с конструктивистской аргументацией выбивает у людей почву из-под ног, заставляя сомневаться в «очевидном». Среди рукотворных богов социального космоса особое место занимают те, которые курируют в представлении человека сферы опыта, имеющие как бы объективное/естественное измерение. Принадлежность к группе аскриптивного членства обычно воспринимается индивидом как закон природы. Гораздо проще признать, что, например, право, политика, экономика, даже мораль, традиции и обычаи являются социально сконструированными феноменами, чем допустить неисконный (и в этом смысле нефатальный), исторически изменчивый, не редуцируемый к одним лишь биологическим различиям статус гендерных или этнических характеристик индивидов. Поэтому фразы «быть женщиной/мужчиной», «быть русским/немцем/французом/армянином...» кому-то покажутся фиксацией более сущностных и неизбывных человеческих свойств, чем описания типа: «подпасть под действие такого-то закона», «платить такой-то налог», «уклониться от службы в армии», «переехать в такую-то страну» и т.п.

Однако рассуждения о социальном конструировании чего-то отнюдь не тождественны наивно-вульгарному обыденному суждению о будто бы полностью непредсказуемом, хаотическом или, напротив, полностью предсказуемом (т.е. чисто произвольном, случайном или, наоборот, сугубо намеренном, умышленном, целенаправленном) творении людьми их собственных институтов и представлений. Механика процессов конструирования форм коллективной жизни подчиняется определенной логике, правда, в большинстве случаев ускользающей от самих акторов, принимающих участие в (вос)производстве устойчивых конфигураций общественных отношений. Бесконечно ветвящиеся цепочки непредвиденных последствий осмысленных действий человека (наряду с самими этими действиями) образуют важный компонент полотна социальной жизни, определяя в значимой степени уникальность ее конкретно-исторического рисунка. Иначе говоря, оборот «социально сконструированный» во многих случаях будет означать вовсе «не намеренно и искусственно кем-то созданный», скорее – «сформировавшийся при определенных, исторически специфических обстоятельствах (под влиянием комплекса причин, способных стать предметом научного анализа)».

Гендерные и этнонациональные отношения – о них речь пойдет в настоящем очерке – лишь пара сфер культурного опыта (весьма разноплановых), на примере которых мы постараемся продемонстрировать эвристические преимущества и объяснительный потенциал социологического конструктивизма как теоретического подхода.

Из чего же все-таки сделаны мальчишки и девчонки? Сначала изложим основные положения конструктивистской теории гендера, следуя за наиболее авторитетными ее толкователями в российской науке – Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной. За точку отсчета имеет смысл взять классический афоризм Симоны де Бовуар: «женщиной не рождаются, женщиной становятся» (то же, конечно, можно сказать и о мужчинах). Концепция социального конструирования гендера отталкивается от отрицания грубого биологического детерминизма и утверждает социальное происхождение большинства различий между мужчинами и женщинами.

Феминистский конструктивизм ставит перед собой не только исследовательские цели, но и этические, политические, имеет выраженную идеологическую подоплеку – стремится деконструировать гендерные отношения как отражения отношений власти, иерархии, культурного, экономического и иного доминирования мужчин, описать и диагностировать проявления гендерной асимметрии (притом что гендерное неравенство отнюдь не единственное, так как есть еще на свете неравенство расовое, этническое, классовое, экономическое и т.п., и все они определенным образом связаны). В целом это интеллектуальное движение практически ориентировано на изменение социальных порядков в направлении большего гендерного равенства.

В последней трети XX в. феминистский конструктивизм мог чувствовать себя вполне теоретически оснащенным, имея в концептуальном арсенале и П. Бергера с Т. Лукманом, и всю интеракционистскую традицию, и этнометодологию (включая размышления Г. Гарфинкеля о кейсе Агнесс), и гофмановскую идею гендерного дисплея. Гендерный конструктивизм имел основания для критики старой функционалистской теории половых ролей и половой социализации как топорной, выставяющей индивидов пассивными марионетками, усваивающими в процессе социального научения и воспроизводящими в поведении определенные ролевые гендерные паттерны. Эмпирическим ядром этой теории являлась аналитическая оппозиция инструментальных [будто бы специфически мужских] и экспрессивных [будто бы специфически женских] ролей в семье, предложенная Т. Парсонсом.

Хотя и рассуждающим в логике функционализма социологам должно было быть понятно, что гендерным ролям (как и прочим элементам социального репертуара индивидов) соответствуют определенные культурные/ценностно окрашенные паттерны, потенциально модифицируемые, изменчивые, не заданные априори, но формирующиеся в тех или иных структурных и ситуационных контекстах. Исторически складывающиеся комплексы гендерных ролей и паттернов могут быть очень устойчивыми, но все же это не означает, что они произведены на свет самой природой человека. Кроме того, именно

микросоциологический взгляд на структуры гендерных ролей, теоретически фундированный социальной феноменологией, интеракционизмом, этнометодологией и драматургическим подходом, четко высвечивал всю сложность и тонкость изучаемой материи. Гендерные отношения постоянно продуцируются людьми (с известной долей вариативности) на уровне межличностного взаимодействия.

В русле обсуждаемой исследовательской традиции различают три измерения феномена пола: собственно биологический пол (определяемый по наличию естественных физико-анатомических признаков пола у конкретных особей человеческого вида¹), категоризацию по признаку пола (я выгляжу как представитель конкретного пола и меня считают таковым, принимают за такового) и, наконец, гендер (комплекс ролей, приписанных в культуре представителям данного пола). Второе и третье измерения имеют очевидное социокультурное происхождение и не могут быть просто редуцированы к первому измерению. Категоризация по полу в повседневной жизни происходит не только на основании фиксации биологических половых признаков. Главное, чтобы человек опознавался партнерами по взаимодействию как мужчина или женщина по виду, поведению и т.п. Как правило, мы просто верим, что перед нами лицо определенного пола, и уверенность эта основывается на неких индикаторах, которые считываются нами с гендерного дисплея нашего партнера по взаимодействию. В большинстве случаев не возникает необходимости подтверждать данный факт (проверять, освидетельствовать пол). Если я считаю себя мужчиной или женщиной, веду себя как мужчина или женщина, выгляжу как мужчина или женщина и мне удастся убедить в этом других (и они относятся ко мне соответственно), задачу можно считать решенной: в социологическом смысле я действительно становлюсь мужчиной или женщиной (даже если мне в процессе гендерного самопозиционирования удалось кого-то обмануть).

Шурочка Азарова из «Гусарской баллады» не считала себя мужчиной «на самом деле». Василиса Микулишна не являлась татарским послом, как и контрабасистка Дафна с саксофонисткой Джозефиной из женского джазового оркестра не были настоящими девушками. В нужный момент маски были сброшены. Однако им до поры до времени удавалось приемлемым образом исполнять чужие гендерные роли, избегая разоблачения. Если к более или менее умелому и качественному исполнению гендерных ролей прибавляется смена гендерного профиля личностной идентичности, то картина представления себя другим становится не столь противоречивой: разрыв между быть и казаться сглаживается, и можно уже «играть на людях самого себя» (особенно если удается скрывать рассогласующийся с гендером и гендерной категоризацией биологический пол, или когда общество демонстрирует толерантность в отношении лиц со сложно-комбинированным набором половых и гендерных характеристик). Здесь показательны примеры транссексуалов и трансгендеров разного типа, у которых биологический пол и принадлежность-категоризация по полу отличаются. Г. Гарфинкель при описании биографии девушки, родившейся мальчиком, показывает, как ей приходилось играть женщину, сознательно разучивать женские роли, не без труда осваивать специфически феминные формы самопрезентации, рационально конструировать женское поведение. В то время как «обычные» женщины отыгрывают свои поведенческие гендерные перформансы с меньшими усилиями, поскольку женская идентичность приобреталась с раннего возраста. Поэтому, собственно, очень сложно хорошо играть (имитировать) чужие гендерные роли без навыков соответствующей первичной социализации.

Нетривиальность решения подобной задачи объясняется тем, что гендерные роли являются для людей базовыми и стартовыми, «диффузными», не «специфичными» (в терминологии Парсонса), они как бы прикипают к личности, срастаются с ней. Мужчины и женщины, не испытывающие внутреннего гендерного разлада и конфликтов гендерной идентичности, разыгрывают эти роли виртуозно, не дистанцированно (как многие другие роли, осваиваемые на стадии «вторичной» социализации), веря в их естественность. И в целом

¹ «Естественных» в том смысле, что операция смены биологического пола в конкретном случае не совершалась.

такая ситуация типична для аскриптивных или близких к ним типов ролей, которые мы лично не выбираем, а которые скорее *выбирают нас*, поскольку мы себя с ними прочно идентифицируем, не отделяя их от себя, считаем их частью своей глубинной/исконной сущности.

В любом случае: небесмысленные сами по себе дискуссии о природе, происхождении и статусе гендерных различий, как и разговоры о взаимосвязи биологического и социокультурного пластов и уровней регуляции гендерных отношений, не могут вестись исключительно на языке популяционной биологии и этологии млекопитающих. На этом пути избежать редукционизма почти невозможно. Несомненные физико-анатомические половые различия особей вида *Homo Sapiens*, в том числе связанные с функциями деторождения и организацией заботы о потомстве, лишь очень приблизительно могут объяснить колоссальное разнообразие гендерных отношений, механизмов их воспроизводства и трансформации, наблюдаемое в человеческой истории. В ряде аспектов гендерный дилемма даже полиморфизм культуры никак не выводится из диморфизма биологического. А это значит, что процессы социального конструирования гендера должны рассматриваться по преимуществу как составляющая коллективного опыта людей, создающих специфические формы общежития «поверх» своей принадлежности к животному царству. Сотворение гендера есть дело рук и мыслей существ, наделенных биологическим полом, но преобразующих его бесхитростную грубость в изощренный продукт цивилизации.

Во множестве ситуаций социальной жизни не столь важно быть какой-то сущностью, порой гораздо важнее – казаться самому себе и другим, выглядеть, представлять. Или, не столь категорично: быть в социальной жизни кем-то в гендерном разрезе – значит проявлять это в определенных действиях, а не быть носителем определенных биологических половых признаков. Таким образом, грань между *quality* и *performance* в сфере гендерных отношений оказывается размытой. Фактическое обладание пенисом или вагиной существенно для выполнения очень ограниченного набора полоролевых функций. По сути, только вашего сексуального партнера и еще, пожалуй, профильного медицинского специалиста (по долгу службы) будет по-настоящему интересоваться, что у вас в штанах или под юбкой. Однако сами штаны и юбки, блузки и пиджаки, кольца и серьги, фуражки и шляпки, корсеты и мундиры, косметика и парфюмерия и т.д. как элементы сложного арсенала артефактов, используемых индивидами в нуждах гендерной идентификации и (само)презентации, обществом отнюдь не отменяются.

Комплексные проявления гендера в ситуациях взаимодействия, комплексный гендерный перформанс (с привлечением богатого исполнительского реквизита, выработанного в рамках конкретной культуры) – на глазах других, но и в собственных глазах – это и есть то, что И. Гофман называл гендерным дисплеем. Я сам себе и другим кажусь мужчиной или женщиной, – это главное во всей комедии. Конструктивизм предполагает антиэссенциализм. Гендером не обладают как естественной сущностью, его *делают*. Мужчинами и женщинами не являются, но ведут себя как подобает мужчинам и женщинам. Социальные различия маскулинного и феминного большей частью (не считая способности одной части человечества к деторождению, грудному вскармливанию и т.п.) не вытекают из самих естественных различий полов, но воспроизводят *представления* о неких будто бы естественных различиях, закрепляются в этих представлениях. Последние воспроизводятся среди прочего в многочисленных практиках структурной, культурной и символической «дистинкции» и сегрегации: мол, мужчины и женщины – две большие разницы, между ними пропасть, в разговорах, в т.ч. анекдотах, байках о мужской/женской «логике», «психологии», мужском и женском подходах к жизни, в розовом и голубом, куклах, бантах, машинках, солдатиках и т.п.

Сами наши представления о «естественном» являются социально сконструированными. Об этом, в частности, свидетельствует вариативность сексуальных, семейных и иных практик, ритуалов, традиций, «обыкновений», гендерно специфических техник тела, доминирующих в разных обществах в разные эпохи (разное отношение к гомосексуальным связям в разных культурах, к многоженству и многомужеству, добрачным и внебрачным отношениям; социально и культурно санкционированная, регламентированная

и легитимированная смена половых ролей (например, принятие мужских семейных ролей женщинами у некоторых африканских народов в определенных ситуациях); наличие сложной, «небинарной» гендерной структуры и категоризации по половому признаку в ряде обществ (например, в Юго-Восточной Азии: катой, «леди-бой» и т.п.); различные представления о телесной красоте, сексуальной привлекательности, гигиене, допустимых и неприемлемых формах демонстрации тела, половом стыде. А если нечто в социальной жизни может быть по-разному, то оно, в принципе, потенциально изменяемо.

Важно то, что многочисленные конструкции гендерных порядков разных обществ и культур неизбежно и закономерно реифицируются, что находит отражение в отношении людей к ним. То, что люди связывают бинарность мужского/женского с некими архетипическими «началами» (обычно тем или иным образом мифологизируемы²), считают подобное деление элементов мироздания сущностным, первородным, заключенным в природе вещей, оказывается принципиальным для культурно-идеологической легитимации гендерных различий и различений. Эта феминно-маскулинная двойственность человеческого мира, мол, существует от века и не зависит от людей. Как пишет Мэрилин Фрай в «Политике реальности»: «Для эффективного подчинения требуется, чтобы структура не воспринималась как культурный артефакт, поддерживаемый человеческим решением или обычаем, но казалась естественной, т.е. казалась прямым следствием естественной животной жизни, развивающейся вне сферы человеческого воздействия...» (цит. по: [Уэст, Циммерман, 2000: 217]).

Обыденным сознанием и/или его легитимирующими идеологическими подкреплениями в мифологии и религии, философии и этике, искусстве, литературе и публицистике часто озвучивается или по-иному артикулируется универсальный по работоспособности и абстрактной (хотя по большей части мнимой) убедительности аргумент: если что-то естественно, например гендерный порядок общества, с этим следует смириться, приняв как данность. «Так природа захотела. Почему? Не наше дело. Для чего? Не нам судить...».

Однако «естественный» характер гендерных, как и любых общественных порядков, практик, стереотипов, норм, представлений и ориентаций заключается не в том, что они созданы не человеком, но в том, что они производятся неопределенно большим количеством людей в длительной исторической перспективе, поэтому-то их непросто поменять разом. Наличие институциональные и социокультурные структуры в некотором роде, действительно, естественны на любом конкретном этапе развития общества, хотя и *социально*, а не природно, и способны со временем превращаться, перерождаться, перерастать во что-то иное, столь же естественное для следующего этапа, в т.ч. при сознательном участии людей. Эти структуры могут становиться хотя бы отчасти продуктом целенаправленной политики, реформ, планирования, устремлений, индивидуальных и коллективных усилий акторов, правда, всегда в сочетании с «хитростью истории», подкидывающей ее собственным творцам («в меру свободным» и лишь «ограниченно рациональным») многочисленные сюрпризы, порой весьма неприятные, – прежде всего в форме непредвиденных последствий человеческих поступков. Разумеется, «мы можем “создавать” гендер [или что-либо иное в обществе. – Прим. Д.П.] таким образом, чтобы поддерживать существующие гендерные [или иные. – Прим. Д.П.] отношения, или так, чтобы бросать им вызов» [Лорбер, Фаррелл, 2000: 192].

Но сколь бы сконструированными, культурно вариативными и потенциально изменчивыми ни были всевозможные различия, символические и поведенчески-ролевые дифференциации в структурах гендерных отношений, они утверждаются как данности, как проявления (квази)природной сущности с силой социальных фактов, с принудительностью, свойственной им. Так, стереотипы маскулинности и феминности порой чрезвычайно прочны, но их прочность имеет не столько биологические, сколько социальные корни. Они закреплены в коллективных представлениях, типовых нормативно регулируемых

² В теологиях/теогониях и космологиях/космогониях разных народов, в разных системах религиозно-мифологических воззрений.

социальных практиках, обычаях и традициях, культурных паттернах (часто неформализованных) и т.п., воспроизводимых как на институциональном, так и на межличностном уровне. На страже утвердившихся гендерных порядков стоят средства социального контроля, с легкостью при надобности переламывающие шеи девиантам, или, как минимум, способные испортить им жизнь.

Вместе с тем «эмерджентные» отклонения от заданных гендерных норм, особенно массовые, приводят к их постепенному изменению и реинтерпретации: то, что было немисливо для мужчин или женщин вчера, становится мыслимым сегодня. Абсолютно недопустимое и предосудительное превращается сначала в вызывающее и из ряда вон выходящее, потом в экстравагантное, смелое, странное, далее переходит в обычное, уместное, и, наконец, признается предпочтительным и правильным, широко одобряется. Но все же при всех допустимых вариациях представления о фундаментальном различии мужчин и женщин не отрицают вовсе (даже если отчасти размываются). Они продолжают воспроизводиться, сообщая людям, что значит вести себя как «нормальные» мужчина и женщина в тех или иных социально типических ситуациях. Эти различия мужского и женского, – утверждает феминизм, – в современном мире все еще «пролегают по вертикали», скрывая и оправдывая отношения власти и доминирования одной части человечества над другой.

Весьма любопытным кажется соображение исследователей-гендеристов: половой диморфизм, по-видимому, на каком-то уровне действительно вмонтирован в структуру человеческих отношений (необязательно вертикально; возможно, как раз горизонтально). Взаимодействие лицом к лицу между «живыми»³ индивидами обычно требует – в качестве особого рода предпосылки – обоюдостороннего понимания того, с кем я в данный момент имею дело – существом мужского или женского пола? Если это не ясно, интеракция порой начинает ломаться, а сомневающийся участник испытывает неловкость от неспособности правильно типизировать персону, с которой он вступает в коммуникацию (даже если предмет коммуникации не имеет прямого или опосредованного отношения к половым и/или гендерным характеристикам коммуницирующих индивидов). В ряде дистантных формальных отношений знание пола партнера может не играть никакой роли, как, например, в воображаемой электронной переписке с неизвестным мне китайским чиновником или представителем фирмы, пол которого неопределим для меня с моими знаниями его имени. Однако в большинстве случаев феминно-маскулинная нарезка человеческого рода оказывается тем, что имеет значение для людей, особенно в ситуациях, предполагающих столкновения (в том числе мимолетные и предельно фрагментарные) одушевленных тел, способных к распознаванию друг друга по признаку пола («со мной сейчас разговаривал очень милый женский голос», «какая-то дура звонила», «мужу в троллейбусе стало плохо», «купил у бабки в подземном переходе стакан семечек», «какой-то пацан всю ночь под окном громко орал» и т.п.). Чтобы взаимодействие шло нормально, нужно знать половую принадлежность того, с кем общаешься. Это знание всегда удивительным образом латентно релевантно и практически полезно, накладывает отпечаток на общение, в то время как многие характеристики партнера (профессию, социальное происхождение, взгляды и т.п.) можно запросто не знать в массе случаев.

Наконец, – о чем нельзя не упомянуть, – корневой характер различий мужского и женского в культуре определен отчасти дискурсивно, а сами эти различия глубоко вмонтированы в язык, перманентно конструируются и организуются, производятся и воспроизводятся на лингвистическом уровне. «Грамматические формы родов, присутствующие во всех письменных языках, закрепляют женственность и мужественность как

³ Случаи взаимодействия с нечеловеческими актерами мы выносим за скобки обсуждения, хотя ботам и прочим техническим устройствам разработчики нередко также присваивают «пол», называют их женскими или мужскими именами, наделяют гендерными характеристиками. Люди вообще имеют обыкновение маркировать объекты своего окружения при помощи когнитивно-номинативных табличек (ярлыков) с дифференцирующими надписями «М» и «Ж».

структурные формы и создают основу для исполнения партий мужчины и женщины в самых многообразных контекстах. Любая ситуация взаимодействия, реальная или виртуальная, гендерно специфицирована, и чтобы преодолеть это, надо изменить не только "повседневные практики", но и дискурсивные структуры языка, что пытаются делать радикальные феминистки» [Здравомыслова, Темкина, 1998: 179].

Народы-этноты-нации как человеческие жилища: так ли просто дом построить?

В современных теориях этничности специалисты обычно выделяют три подхода: примордиализм, конструктивизм и инструментализм [Арутюнян и др., 1999]. В ряде случаев эти подходы прямо противопоставляются, например, в оппозиции «примордиализм-конструктивизм». Однако при ближайшем рассмотрении проводимые концептуально-методологические разделения оказываются не столь жесткими, скорее условными, а между различными исследовательскими программами обнаруживаются пересечения.

Так, под инструментализмом обычно понимается взгляд, согласно которому у людей как представителей этнических групп есть некие интересы; сама этническая принадлежность рассматривается как средство, инструмент их реализации – в политике, экономике, культуре. В подобной оптике легко анализируются внутригрупповая мобилизация, поддержка и взаимопомощь, солидарность по этническому признаку в бизнесе или борьбе за власть (в полиэтничных социальных средах, прежде всего для меньшинств), удовлетворение психологической потребности в принадлежности к группе, особо актуальной для людей в условиях социальной атомизации массовых обществ и ослабления традиционных форм идентичностей в эпоху модерна. По-видимому, инструменталистский подход сам по себе ничуть не противоречит ни конструктивизму, ни примордиализму. Спор двух последних кажется нешуточным, но и его остроту не следует преувеличивать.

Сторонники примордиализма полагают: этнические группы существуют «на самом деле», они «реальны», а различия между ними носят объективный характер. Конструктивисты рассуждают в ином ключе. Для них коллективы, образованные по признаку этничности, как, впрочем, многие другие, суть «воображаемые сообщества». Природа, генезис и механизмы (вос)производства этих форм коллективности относятся, скорее, к сфере дискурса, к области публичных разговоров, деклараций, манифестаций, пропаганды и идеологического мифотворчества.

Но где, собственно, живет этническое? Примордиалисты скажут – «в реальности», конструктивисты ответят – «в головах» (и еще «на языке» или, точнее, «на языках»⁴). Градус напряжения в споре можно понизить цепочкой уточняющих вопросов, не привносящих, конечно, мгновенной ясности и требующих не менее напряженных размышлений: а в реальности – это где? (конкретно, покажите пальцем), или «в реальности» и «в головах и на языках» – не одно и то же? И даже если – нет, или не совсем, то не является ли то, что «в головах и в дискурсе», неотъемлемой и чрезвычайно важной частью реальности человеческих обществ, тем, что покрывает ускользающее от нас бытие социальной жизни плотной пеленой его навязчивых, прилипающих к глазу образов?

Тут, конечно, в очередной раз вспоминается «теорема Томаса», и начинает вырисовываться многомерная картина сна, ставшего явью, в сочетании с изображением яви, пригрезившейся во сне. Феномены общественного сознания (в том числе в этнической сфере, например, этнические авто- и гетеро-стереотипы) постоянно проецируются на «объективную» действительность и фактичность коллективного сосуществования людей и их отношений, так что различие между «реальным» и «воображаемым» трудно распознать. Кто продолжает упорно и настойчиво верить фантазиям и мифам (чужим и собственным), рано или поздно погружается в измененную реальность воображения – разумеется, преломленную, как минимум, помноженную на объективные обстоятельства, в которых разворачиваются сами процессы мифотворчества и фантазирования. Или, как поется в одной детской песенке: «Где водятся волшебники? <...> В фантазиях твоих! С кем водятся

⁴ Которые в общем-то тоже находятся в головах.

волшебники? <...> А с тем, кто верит в них». Фантазия не обязательно сбывается, но всегда как-то работает, изменяет мир или поддерживает ту или иную иллюзию как приукрашенную/недокрашенную картинку бытия, управляет мыслями и поступками, направляя их.

Здесь невозможно обойтись без терминологического уточнения, каждый раз всплывающего при обсуждении проблем, связанных с этническими и национальными сюжетами, если это обсуждение ведется в России на русском языке. Когда разговор заходит о социальном конструировании этнических общностей разного уровня (родоплеменных, этносов, народов и народностей, наций), важно понимать: что, собственно, конструируется и как? Например, слово нация будет трактоваться либо как организованная на рациональных началах политическая гражданская общность (по преимуществу, в западной интеллектуальной традиции Нового и Новейшего времени, связанной с либерализмом; отсюда *nation-state*; ср. англ.: *people*), либо как «этнонация» (ср. нем.: *das Volk*; в культурфилософской и политико-философской традиции, связанной с истори[ци]змом, консерватизмом и романтизмом) – народ, с общими культурными корнями, языком, территорией, религией, мифологизируемой историей, предками, прародителями и героями, единством исторической судьбы, или даже как расширенная макрорасовая, квазикровнородственная, квазибиологическая общность сходных физическим антропотипом, ментальным архетипом и «национальным характером» индивидов (в крайних формах примордиализма). В свою очередь термин «национализм» следует понимать по-разному в разных контекстах: либо как приверженность идее политической нации, либо идее этнонации (это принципиально разные вещи). Но и нация как общность высокого масштаба, и народ, народность, этнос, племя, клан и т.п., несомненно, продукты исторического формирования, а значит, и в некотором роде (используя другую терминологию) социального конструирования.

Радикальные версии как примордиализма, так и конструктивизма теоретически вульгарны, эмпирически несостоятельны и, можно даже сказать, весьма карикатурны. Но между этими предельно отстоящими друг от друга крайними точками континуума может быть найдена золотая середина; т.е. оптимальное решение находится где-то на стыке позиций. Противоречие примордиалистской и конструктивистской аргументацией исчезает, если под конструированием этноса понимать его историческое формирование, совершенствующееся как в объективном срезе (институциональном, структурном), так и в субъективном – через процессы, протекающие в общественном сознании. Когда этническую группу любого масштаба называют исторически сложившейся общностью, стоит также учитывать, что она не является раз и навсегда сложившейся.

С другой стороны, «сильные» социальные конструкты объективируются, становятся инерционными и почти самодовлеющими, увлекая течение народной жизни в определенное русло. Поэтому то, что «реалисты» считают твердыней, пребывающей в веках, является, в конечном счете, созданным (даже если вопрос об авторстве, времени и месте и не может быть поставлен). Материя этнических отношений творится частично стихийно и частично целенаправленно, но все-таки постоянно создается и пересоздается в процессах социального взаимодействия.

Огромное количество социокультурных особенностей (всегда внутренне гетерогенных, а отнюдь не монолитных) этнических групп не выводится из био-расово-антропологических характеристик их представителей и не заключено в каком бы то ни было врожденном ментальном складе или поведенческих практиках людей навечно. Эти особенности, – если они могут быть эмпирически установлены и систематически описаны (иначе и говорить не о чем), – возникают при определенных исторических условиях и потенциально изменяемы во времени.

Собственно, панорамный взгляд на этнические группы как на «исторически сложившиеся общности» до поры до времени устраивал большую часть научного сообщества (этнологов, этнографов, историков, антропологов, социологов). В подобном ключе рассуждали об этническом умеренные примордиалисты (сторонники эволюционно-исторического, а не биологического направления). Этнос для них – социальное, а не

биологическое образование, скорее общность судьбы, исторической памяти, традиции, образа жизни в определенных условиях, в т.ч. и природно-географических, а не расширенно племенное «братство крови». И так думали почти все специалисты-«этноведы» в мире приблизительно до 1960-х годов, а в СССР – фактически до конца 1980-х гг. Так думал и тов. Сталин как главный большевистский эксперт «по национальному вопросу» (его определение нации включало четыре компонента: «исторически сложившаяся общность людей... на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры») (цит. по: [Крупник, 1991]), и вслед за ним вся официальная советская этнографическая школа во главе с академиком Ю.В. Бромлеем. Наконец, в последней трети XX в. (в России лишь в 1990-е) повестка академических дискуссий о статусе понятий национального и этнического отчасти перехватывается конструктивизмом. Главной фигурой в новейшем отечественном этнологическом конструктивизме принято считать В.А. Тишкова (среди историков); а среди социологов, пожалуй, – А.Г. Здравомыслова как создателя особой версии «релятивистской» концепции нации.

Как справедливо отмечают конструктивисты, никакой этнический коллектив никогда не существует сам по себе в безвоздушном пространстве и не обладает строгим набором изначально заданных, исконных объективных признаков, через которые он мог бы быть определен – независимо от характеристик других рядоположенных общностей. Принадлежность к группе (например, русские, поляки...) может быть определена лишь постольку, поскольку существуют другие (например, немцы, французы...). Первые и вторые знают что-то друг про друга, эпизодически или на регулярной основе вступают в некие отношения, разделяют те или иные авто- и гетеростереотипы, фантазируют друг о друге.

Социальная жизнь нации конституируется через вариативные отношения людей и образы этих отношений в общественном сознании (как внутри группы, так и групп и составляющих их индивидов между собой). Для поддержания жизни конкретных этносов, народностей и наций исключительное значение имеют этническое самосознание и идентификация их членов, признание ими в качестве общего маркера групповой принадлежности определенного самоназвания, использование объективированной в материализованных формах символической атрибутики, ... в общем, все то, что подпитывает чувство Мы и обеспечивает отделение от Они (осознаем себя как таких-то [как Нас]... в отличие от Других..., называем себя так-то, носим такую-то одежду, готовим такую-то пищу, отмечаем такие-то праздники, так-то хороним покойников, молимся, танцуем, поем такие-то песни... и т.д.).

Сложные конфигурации межкультурного и межэтнического взаимодействия в современных обществах на фоне интенсивных территориальных перемещений масс населения образуют контекст, иллюстрирующий справедливость «релятивистского» тезиса: этнос – не субстанция, максимум «сильно затвердевший пластилин».

Формы этнического самосознания демонстрируют высокий уровень приспособляемости к меняющимся средовым условиям и в ряде случаев оказываются способны быстро переключаться, создавать новые, ситуационно уместные фигуры как в калейдоскопе. Повсеместно можно наблюдать формирование и игру гибких, подвижных «множественных» этнических идентичностей, особенно у представителей меньшинств, мигрантов, жителей фронтальных зон, культурно-гибридизированных индивидов. Где кем себя удобнее и комфортнее считать, в качестве кого представляться?, среди кого искать «своих» и кто они, эти «свои», если ты поменял место жительства?... Ответы неочевидны, но варианты выбора есть. Некоторые закономерности подмечены давно. Классики Чикагской социологии фиксировали: в Германии – швабы и саксонцы будут чувствовать себя швабами и саксонцами, вне Германии – немцами. Отсюда можно вывести условное общее правило: за пределами своей среды, в случае временной или постоянной миграции (при прочих равных) естественнее идентифицировать себя как представителя большой культурно-этнической группы, и локальной – в ее пределах, когда твоя «малая родина» тут, за окном. Не менее важным внешним рычагом регулирования режимов идентичности оказывается изменение оптики «принимающего сообщества». Имеются в виду ситуации, описываемые, например, известной позднесоветской шуткой: «Яша,

когда ты ездил к бабушке на лето в Бердичев, тебя там все считали евреем. Теперь ты едешь в Израиль, – где тебя все будут считать русским»...

Конструктивисты вообще не любят патетическую этнонациональную риторику в отличие от радикальных примордиалистов, готовых превратить этничность в подобие метафизической сущности. Первые, напротив, пытаются разговоры о сакральности и древности этнических образований фальсифицировать и деконструировать как скопление (небезопасных) политических идеологем, создаваемых часто в корыстных целях властвующими элитами/правящим классом (и/или их оппонентами/конкурентами) в борьбе за статус и ресурсы, геополитических противостояниях, стремящимися к мобилизации масс и манипулированию ими при помощи националистической риторики, желающими обрести поддержку населения через эксплуатацию его национальных чувств. Как отмечает Энтони Смит, практической целью историков и антропологов, отстаивающих принципы конструктивизма, является «деструкция нации», продиктованная потребностью «в разоблачении идеологических задач манипуляторов от национализма, которые разжигают атавистические эмоции масс для того, чтобы использовать их в своих партийных интересах» [Смит, 2002: 256]. Также очевидно, что и имплицитный примордиализм масс, и эксплицитный примордиализм националистических идеологий одинаково отторгают аргументы новейшей науки о национальных проблемах, вольно или невольно демифологизирующей категории этнического дискурса и старающейся вести здраво-критические разговоры о происхождении народов, фактически обладающие высоким подрывным потенциалом по отношению к (хоть и довольно герметичному, но все же весьма хрупкому) этноэссенциалистскому мировоззрению.

Но конструктивизм в своей центральной идее компрометирует сам себя, если утверждается, что, мол, можно сознательно, искусственно, целенаправленно сконструировать любую форму этнической общности, занимаясь «нациостроительством», в т.ч. в современных условиях средствами СМИ и политики, – просто сколотив пропагандистский штат, наняв и оплатив работу нескольких десятков «острословов» и «борзописцев» (разного рода «говорящих голов», профессиональных журналистов и публицистов, ангажированных «экспертов» социально-гуманитарного и исторического профиля и т.п.). Это, конечно, – явный перегиб, поскольку состряпать на коленке «из ничего» общность, претендующую на вековые устои и священные «скрепы», едва ли получится. Но в любом случае этническая принадлежность – в здоровой, скептической исследовательской оптике – предстает как конструкт, продукт социальной жизни, частично управляемой, частично – нет (и результат ее истории), а не как нечто субстанциально-эссенциальное, исконно-изначальное, заданное, существующее с начала времен.

С другой стороны, исследователю этнических проблем должно быть вполне понятно, почему примордиалистская риторика является весьма живучей и находит живой отклик в коллективном сознании, почему на нее имеется широкий социальный заказ. Дело не только в том, что продукты общественной жизни постоянно реифицируются, кристаллизуются и институционализируются (в этом смысле «объективизация» и овеществление гендера и этноса совершаются по сходным схемам). У процессов конструирования форм коллективной жизни существует специфическое социально-психологическое измерение. Массовое сознание с присущей ему «детской наивностью» здравого смысла склонно приписывать этническим, гендерным [и некоторым другим] общностям черты естественных, как бы природных феноменов. Ему очень хочется верить в их объективность и непреложность. Женщина есть женщина (всегда – она). Мужчина есть мужчина (всегда – он). И все тут. И точка... «Родина есть родина, – лапти да махорка. Так скроила матушка, и не перешить» ...

Т.е. у большинства людей, по-видимому, есть особая психологическая склонность верить в существование примордиальных объектов (биологическое родство, общая кровь и территория, историческая родина, родная земля, *Blut und Boden*, «отчий дом» и т.п.), наделять этническую группу примордиальным статусом и при этом сакрализировать ее, испытывать привязанность к ее святыням (ритуалам и обычаям, символической атрибутике, праздникам и памятникам, местам памяти и скорби; «любовь к родному пепелищу, любовь

к отеческим гробам»; и т.п.). Если же наличествует вера в существование этнической общности, то «существует» в некотором роде и сама эта общность, поскольку коллективная вера порождает и укрепляет узы, связи, солидарность, поддерживает традиции и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян Ю.В., Дробизижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999.
 Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171–182.
 Крупник И.И. Об авторе этой книги, нациях и национализме (вместо послесловия) // Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
 Лорбер Дж., Фаррелл С. Принципы гендерного конструирования // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
 Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм [Сб.]. М.: Праксис, 2002.
 Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Статья поступила: 19.09.22. Принята к публикации: 17.02.23.

MEN, WOMEN, ... TRIBES, PEOPLES: WHAT DOES A PERSON'S LIFE LOOK LIKE AMONG HIS CONSTRUCTS? (Part 1)

PODVOYSKIY D.G.

Lomonosov Moscow State University, Russia; RUDN University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Denis G. PODVOYSKIY, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; Assoc. Prof., RUDN University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (dpodvoiski@yandex.ru).

Abstract. The article attempts to illustrate the explanatory possibilities of the theoretical and methodological program of social constructivism on the example of two areas of social life – gender and ethno-national relations. Gender and ethnicity, identity and social group structures formed on gender and ethnic grounds are considered as products of social and historical development, as phenomena that are predominantly of social and cultural origin. Among other things, the ability of constructivist research optics to highlight the historical relativity and variability of systems of gender and ethnic relations, which often appear (in everyday consciousness and ideological discourse) as “natural”, primordial facts, is demonstrated. At the same time, these relations tend to be reified, objectified and crystallized in sustainable forms of social institutions and culture.

Keywords: social constructivism, gender, feminism, ethnicity, nation, primordialism, identity, stereotype, gender studies, sociology of ethnic and national relations.

REFERENCES

- Arutiunian Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. (1999) *Ethnosociology*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
 Krupnik I.I. (1991) About the author of this book, nations and nationalism (instead of an afterword). In: Gellner E. (1991) *Nations and Nationalism*. Moscow: Progress. (In Russ.)
 Lorber J., Farrell S.A. (2000) The Principles of Gender Construction. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (eds) (2000) *A textbook of feminist texts. Translation*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
 Smith A.D. (2002) Nationalism and Historians. *Mapping the Nation*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
 West C., Zimmerman D. (2000) Doing Gender. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (eds) (2000) *A textbook of feminist texts. Translation*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
 Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (1998) The Social Construction of Gender. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*. No. 3/4: 171–182. (In Russ.)

Received: 19.09.22. Accepted: 17.02.23.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАРИСУ ГРИГОРЬЕВНУ ТИТАРЕНКО!

В марте отметила свой юбилей известный белорусский ученый-социолог, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета Лариса Григорьевна Титаренко.

По жизни Лариса Григорьевна отличница, человек, влюбленный в социологию, признанный специалист в области теории, методологии и истории социологии, социологии общественного мнения, образования. Особенно Л.Г. Титаренко неравнодушна к парадигмам и поворотам современной социологии.

Как и многие отечественные социологи, Лариса Григорьевна начинала свою профессиональную деятельность с изучения проблем молодежи, чему, собственно, и было посвящено ее первое участие в Международном социологическом конгрессе в 1982 г.

Позднее она начала разрабатывать проблемы гендерной социологии, изучать социологическими методами проблемы СПИДа. Благодаря своей неустанной работе, активному участию в мировой научной жизни профессор Л.Г. Титаренко стала de facto полноправным представителем белорусской социологической школы в мировом научном сообществе.

Вся трудовая биография Л.Г. Титаренко тесно связана с Белорусским государственным университетом. После окончания с золотой медалью школы г. Минска поступила на отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. За отличную учебу была удостоена стипендии имени К. Маркса. В 1975 г. была принята в аспирантуру по кафедре философии гуманитарных факультетов, которую успешно окончила в 1978 г., защитив кандидатскую диссертацию по проблемам технократизма в западной социальной философии (научный руководитель – доктор философских наук, профессор Г.П. Давидюк).

Далее началось восхождение Ларисы Григорьевны в профессии. Работала в секторе прикладной социологии при кафедре философии. С 1980 г. в должности доцента этой кафедры, читала курсы лекций для студентов, специализирующихся по социологии. После образования кафедры социологии в 1989 г. и по сей день Людмила Григорьевна продолжает работать на этой кафедре (с 1993 г. профессором). В том же году поступила в докторантуру (1989–1992), завершением которой стала успешная защита докторской диссертации на тему «Технократические концепции: структурно-функциональный подход» (научный консультант – доктор философских наук, профессор Г.Н. Соколова). В 1993 г. Л.Г. Титаренко была присуждена ученая степень доктора социологических наук, а в 1995 г. присвоено ученое звание профессора.

Профессор Л.Г. Титаренко – известный в мире ученый, член Международной социологической ассоциации, Международного института социологии, член Российского и Белорусского обществ социологов, Международного общества социологов религии, почетный член Нидерландского института по социальным и гуманитарным наукам и Международного общества образования. Лариса Григорьевна – активный участник многих международных научных конгрессов по социальным наукам, стипендиат программы Фулбрайта. Стажировалась в России, Швеции, Финляндии, Нидерландах, Германии, Италии. Преподавала социологию в США и Польше, читала лекции во многих вузах США (в том числе в Корнельском, Гарвардском университетах) и Западной Европы. Участник ряда международных научно-исследовательских проектов (по европейским ценностям, социализации молодежи,

социальным движениям, социологии города, проблемам качества жизни, приграничья), координатор и руководитель белорусских и международных исследований.

Л.Г. Титаренко – автор и соавтор более 600 научных работ, в том числе около десятка учебников и учебных пособий по социологии, ряда индивидуальных монографий. Имеет один из самых высоких рейтингов цитирования среди белорусских обществоведов. Она – принципиальный и авторитетный эксперт, много времени уделяет работе со студентами, подготовке кадров высшей научной квалификации. Лауреат премии БГУ в области социальных и гуманитарных наук имени В.И. Пичеты (2009), заслуженный работник БГУ (2013), награждена медалью Ф. Скорины (2019).

Дорогая Лариса Григорьевна, белорусские социологи, друзья и коллеги поздравляют Вас с юбилеем! Здоровья Вам, бодрости духа и новых творческих свершений.

*А.Н. Данилов,
чл.-корр. НАН Беларуси,
председатель Белорусского социологического общества*

ЮРИЮ РУДОЛЬФОВИЧУ ВИШНЕВСКОМУ – 85!

Знаменательную дату отмечает известный российский социолог, доктор философских наук, профессор Вишневский Юрий Рудольфович. Он родился 15 марта 1938 г. в Одессе. В 1960 г. окончил историко-филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Изучение культурного уровня рабочей молодежи как социологическая проблема», а в 1981 г. – докторскую. 20 лет работал в Нижнетагильском педагогическом институте (доцент, декан художественно-графического факультета). С 1982 г. в течение 34 лет был заведующим кафедры Уральского политехнического института (УГТУ-УПИ, Уральский федеральный университет). В настоящее время он почетный профессор этого университета, активно работает, развивает научную школу, у истоков которой стоял Лев Наумович Коган. Юрий Рудольфович многое сделал для сохранения и развития научного наследия своего Учителя. Он активно участвует в подготовке кадров высшей квалификации (состоит в трех диссертационных советах Уральского федерального университета по социологии, в одном из них – председатель, в другом – заместитель председателя), скрупулезно работает с соискателями, передавая свой опыт и удивляя своей работоспособностью, современностью и человеческим участием. Им подготовлено более 30 кандидатов и докторов наук.

Профессор Вишневский проявил себя и как организатор образовательного процесса, подготовив открытие многих направлений и специальностей университета. С 2003 г. кафедрой под его руководством выпущено более 3500 дипломированных выпускников. В 1995 г. в соавторстве с коллегой и другом профессором В.Т. Шапко был издан один из первых в России учебников «Социология молодежи», получивший гриф УМО.

Основным направлением научных интересов Юрия Рудольфовича всегда была и остается социология молодежи. Он – один из инициаторов масштабных федеральных социологических исследований Российского общества социологов, руководитель мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005, 2010, 2015, 2020). Особая заслуга ученого – многолетний (1995–2020) мониторинг студентов вузов Свердловской области. В фокусе исследования находятся ценностные ориентации студенчества,

его социальное самочувствие, защищенность и адаптация, профессиональное самоопределение и качество высшего образования, социальная активность и политическая культура молодого поколения. VIII этап проекта в 2020 г. был акцентирован на темпоральные установки студентов, их представления о будущем – своем и страны.

Ю.Р. Вишневский – участник всех Уральских социологических чтений, а с 1996 г. по 2020 г. как региональный вице-президент РОС – их организатор. Им опубликовано более 500 научных работ, в том числе 28 монографий.

Педагогическая, научная и общественная работа профессора Вишневского отмечена рядом государственных и ведомственных наград – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» (1997), Премия Правительства РФ в области образования (2005), медаль «За вклад в развитие российского социологического образования», медаль имени Питири-ма Сорокина (2009).

Юбиляр пользуется заслуженным уважением и любовью коллег, учеников и студентов. Этому способствуют его человеческие качества, неравнодушие к происходящему вокруг, умение быть настоящим другом и товарищем. Многогранность характера и талантов профессора его друзья, коллеги и ученики раскрыли в сборнике, посвященном Юрию Рудольфовичу, «*He расстанусь с молодежью, буду*» (см.: <http://hdl.handle.net/10995/57451>). Ю.Р. Вишневский – человек широкой души, он умеет сделать жизнь вокруг себя интересной, может поддержать любого в трудную минуту, делиться хорошим настроением с другими, заряжая своей конструктивностью и оптимизмом.

Социологи, коллеги, друзья и ученики сердечно поздравляют Юрия Рудольфовича с юбилеем и желают ему здоровья, благополучия и успехов в реализации новых творческих, научных замыслов!

Факты. Комментарии. Заметки

© 2023 г.

О.Л. ЛУШНИКОВА

ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ УДАЛЕННЫХ СЕЛ ХАКАСИИ

ЛУШНИКОВА Ольга Леонидовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия (oltolt@mail.ru).

Аннотация. Обращение к изучению трудового поведения сельского населения обусловлено теми социально-экономическими процессами, которые сейчас происходят на сельских территориях. Кризис аграрной отрасли, узкий рынок труда, безработица вынуждают сельчан менять свое трудовое поведение. В наиболее сложном положении находятся жители удаленных сел, возможности которых еще более ограничены. Цель данной статьи направлена на изучение трудового поведения жителей подобных сел (на примере Республики Хакасия). В фокусе исследования – занятость по основному месту работы, вовлеченность во вторичную или эпизодическую занятость, ведение личного подсобного хозяйства и мотивация трудовой деятельности. Выделены три группы сельчан, отличающиеся разной степенью активности в сфере труда и занятости. Исследование подтвердило, что материальное благополучие зависит от активности трудового поведения.

Ключевые слова: сельское население • трудовое поведение • вторичная занятость • безработица • личное подсобное хозяйство • ЛПХ • подворье • скот

DOI: 10.31857/S013216250022135-1

Введение. Сложное социально-экономическое положение сельских (особенно удаленных) территорий вынуждает сельчан находить адекватные имеющимся условиям и собственным возможностям способы выживания. Необходимость адаптироваться к реалиям нынешнего времени приводит к изменению трудового поведения. Трудовая активность во многом зависит от мотивации трудовой деятельности, причем изменение мотивов может привести к изменению самого поведения. Исследования показывают тонкую грань между двумя типами поведения: один характеризуется отсутствием мотивации ввиду того, что «их все устраивает», другой – так как «все бесполезно» [Морозова и др., 2013: 55]. Иногда и сами условия реальной трудовой деятельности заставляют скорректировать или пересмотреть жизненные и трудовые приоритеты, приземляют амбиции и притязания, сформированные у личности [Эфендиев и др., 2020: 112].

Проживание в сельской местности, с одной стороны, ограничивает возможности труда и занятости. Локализованность в пределах одного или двух населенных пунктов, узкий круг профессий и ограниченное число рабочих мест сдерживают трудовую активность сельчан. С другой стороны, условия сельского образа жизни предъявляют повышенные требования к активности сельчан. Это связано и с домашними обязанностями, и с работой на приусадебном участке, и с уходом за скотом на личном подворье. Причем в нынешних условиях ведение личного подсобного хозяйства (далее – ЛПХ) представляет собой не просто источник пропитания [Жалсанова, 2018], но и своего рода альтернативу трудовой занятости

[Нечипоренко, 2013]. Отсутствие работы также активизирует сельчан искать дополнительные источники средств существования, каковыми являются случайные заработки или так называемый «калым» [Аверкиева, 2016: 29]. Другими словами, особенности сельского образа жизни и условия труда продуцируют особые практики трудового поведения.

Цель статьи – изучить трудовую активность сельчан в условиях удаленного проживания (на примере Хакасии), анализируя занятость по основному месту работы, вторичную или эпизодическую занятость, ведение ЛПХ и собственно мотивацию трудовой деятельности.

Эмпирическая база исследования – материалы опроса, который проводился в июле 2022 г. среди жителей удаленных некрупных сел Хакасии. Учитывая особенности объекта исследования, цели и задачи, в исследовании использовалась многоступенчатая выборка. Осуществлялся отбор сел по нескольким критериям. *Первый* – это расстояние до районного центра. В нашем представлении, близость какого-то села с районным центром позволяет частично решать проблему безработицы за счет маятниковой миграции, однако жителям удаленных сел сложнее совершать ежедневные поездки, поэтому они вынуждены искать способы заработка преимущественно в месте своего проживания. В качестве критерия *удаленности* было выбрано расстояние, превышающее 30 км, поскольку меньшая дистанция с большей долей вероятности допускает возможность ежедневных поездок. Кроме того, в сельской местности преодоление такого расстояния часто осложняется из-за отсутствия асфальтированной дороги, поэтому такой промежуток нам представляется достаточным. В действительности расстояние до районного центра в выбранных селах варьировалось от 31 до 58 км. *Второй* критерий – отсутствие градообразующего предприятия, которое могло бы обеспечить значительную часть трудоспособного населения рабочими местами. *Третий* – численность проживающего в таких селах населения – меньше 1000 чел. В Хакасии достаточно много крупных сел, число жителей которых превышает 1000 чел. По данным переписи 2010 г., их насчитывается 50, и в совокупности в них проживает основная часть сельского населения региона (68,7%)¹. В таких селах даже при отсутствии крупных предприятий есть возможность для развития сферы услуг, в которой может быть занята часть населения. В небольших селах основными местами трудоустройства чаще являются бюджетные организации, магазины или семейные фермы, которые в совокупности не могут обеспечить занятостью все население. В данном исследовании наш интерес касался сельчан, проживающих в некрупных селах двух типов: большие и малые. К большим селам мы отнесли населенные пункты с численностью от 500 до 1000 чел. (в них проживает 15,9% сельского населения региона), к малым – меньше 500 чел. (15,4%)². Всего было охвачено 6 таких больших и 4 малых села.

Квоты в исследовании не были заданы по нескольким причинам. Во-первых, из-за отсутствия «свежих» статистических данных о социально-демографических характеристиках сельского населения по отдельным поселениям; во-вторых, из-за особенностей объекта исследования (жителей некрупных сел), поскольку была вероятность их несоблюдения; в-третьих, для того чтобы выяснить социально-демографический портрет современной небольшой деревни. Опрашивалось население как трудоспособного, так и нетрудоспособного возраста, но в данном исследовании анализировались данные только по трудоспособному населению. Опрос проводился методом полуструктурированного интервью по месту жительства респондента, в местах скопления людей (магазин, почта и т.п.), также проводился уличный опрос и использовался метод «снежного кома». После ремонта выборки (из которой были исключены нетрудоспособные респонденты), а также после выбраковки некачественно заполненных анкет объем выборочной совокупности составил

¹ Высчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 1: Численность и размещение населения. С. 272–273.

² Там же.

404 чел. Из них: 105 жителей малых и 299 жителей больших сел; 282 работающих и 122 безработных.

В исследовании использовался метод кластерного анализа, в соответствии с которым вся совокупность опрошенных была разбита на несколько групп по признакам, позволяющим судить о трудовой активности. Также в исследовании использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и регрессионный анализ.

Практики трудового поведения жителей удаленных сел. По нашему мнению, трудовое поведение современного сельского жителя зависит от его основной занятости, ведения ЛПХ, вторичной или эпизодической занятости, а также мотивации (в данном случае мы учитывали мотивацию к расширению ЛПХ). На основании этих признаков все опрошенные были объединены в три группы путем кластеризации. Мы проанализировали их основные характеристики, в том числе социально-демографические (табл. 1).

У первой группы преимущественно «женское» лицо: большинство – замужние женщины в возрасте от 25 до 54 лет (55,2%), имеющие двух и более детей (81,5%). Абсолютно все респонденты имеют работу, причем 41,8% из них хотели бы сменить работу, хотя 28,9% понимают, что другой работы нет. У этой группы ярко выражена мотивация, связанная с утилитарными побуждениями: для них труд, прежде всего, способ обеспечить себя всем необходимым (71,6%). Возможно, по этой причине значительная часть респондентов имеет вторичную занятость (64,9%), причем большинство из них целенаправленно ищет возможность дополнительного заработка (71,5%). Активно занимаются опрошенные и личным хозяйством: выращивают овощи и разводят скот (100%), а также строят планы по расширению ЛПХ (52,9%).

Таблица 1

Основные признаки кластеризованных групп, %

Основания	Признаки	1 группа	2 группа	3 группа
Пол	Мужчины	27,8	37,5	49,2
	Женщины	72,2	62,5	50,8
Возраст	18–24	0,0	8,0	5,7
	25–34	26,8	3,4	13,9
	35–44	29,9	26,1	33,6
	45–54	25,3	31,8	34,4
	55 и старше	18,0	30,7	12,3
Семейное положение	Холостые/незамужние	6,7	12,5	18,0
	В браке	76,8	69,4	79,5
	Разведенные	8,2	15,9	2,5
	Вдовы	8,2	2,3	0,0
Дети	Не имеют детей	8,8	12,5	26,2
	Имеют одного ребенка	9,8	6,8	18,0
	Имеют двух детей	45,9	53,4	22,1
	Имеют трех и более детей	35,6	27,3	33,7
Работа	Имеют работу	100,0	100,0	0,0
	Не работают	0,0	0,0	100,0
ЛПХ	Не ведут ЛПХ	0,0	17,0	0,0
	Выращивают овощи, но не держат скот	0,0	83,0	32,8
	Выращивают овощи и держат скот	100,0	0,0	67,2
Мотивация	Планируют расширить ЛПХ	52,9	8,4	33,9
	Не планируют расширять ЛПХ	46,8	91,6	66,1
Вторичная/эпизодическая занятость	Подрабатывают	64,9	56,8	65,6
	Не подрабатывают	35,1	43,2	34,4

Во второй группе тоже преобладают женщины, но их меньше, чем в первой группе (62,5%). К тому же респонденты в среднем старше: возраст большинства превышает 45 лет (62,5%). Многодетных (имеющих трех и более детей) в этой группе меньше по сравнению с первой (27,3 против 35,6%). Несмотря на 100%-ную занятость, эта группа отличается невысокой мотивацией ко всему, что связано трудовой деятельностью. Абсолютное большинство не выразило желание сменить работу (81,8%), равно как и не заинтересовано в дополнительном заработке: чаще всего подработка «сама подворачивается» (42%). Нет в этой группе и тех, кто держит скот. Все, кто ведет хозяйство, занимаются исключительно огородничеством. Причем у респондентов этой группы отсутствует и желание развивать ЛПХ (91,6%), и не только из-за недостатка сил, времени (20,5%) или слабого здоровья (13,6%), но и просто потому, что они не хотят (10,2%). Для них труд не только способ обеспечить себя необходимым, но и возможность самореализоваться (21,6%).

В третьей группе, в отличие от первых двух, сильнее выражено отношение к труду как к вынужденной мере (18,9%). Возможно, это связано с отсутствием у них работы – в этой группе абсолютно все безработные. Соотношение мужчин и женщин примерно одинаково, но заметно больше холостых и незамужних респондентов, а также не имеющих детей или имеющих одного ребенка. Значительная часть этой группы имеет случайные заработки (65,6%), причем так же, как и в первой группе, преимущественно благодаря собственной инициативе: 71,3% опрошенных ищут возможность заработать целенаправленно. Конечно, в отличие от первой группы, подработка, скорее, является вынужденной мерой и из-за отсутствия стабильных доходов является единственным источником «живых» денег. Но эта группа достаточно активна в плане ведения хозяйства: они не только занимаются выращиванием овощей (32,8%), но и разводят скот (67,2%). Хотя в большинстве своем опрошенные не ориентированы на расширение хозяйства, но, скорее, по объективным причинам, связанным с отсутствием возможностей, а не желания (16,4%). В целом, можно предположить, что безработица для таких сельчан является вынужденной, а ЛПХ в этом случае выступает своего рода альтернативой трудовой занятости.

Сравнивая описанные группы, можно отметить следующее. Первая группа характеризуется высокой степенью активности и мотивации как в трудовой деятельности, так и в ведении ЛПХ. Вторую группу, наоборот, отличает некоторая пассивность: отсутствие мотивации к каким-либо изменениям, в том числе и в развитии своего хозяйства. Третья группа хотя и активна в поисках эпизодической занятости и ведении личного хозяйства, но во многом такое поведение является вынужденным из-за отсутствия постоянной работы.

Влияние трудовой активности на материальное благополучие. Важным в исследовании представлялось не просто изучить трудовое поведение жителей удаленных сел, но и оценить его влияние на материальное благополучие. Результаты однофакторного дисперсионного анализа ANOVA подтвердили, что трудовая активность влияет на уровень материального достатка (табл. 2).

Неудивительно, что активность благоприятствует достатку сельчан, поскольку связана и со стабильной работой, и с ведением хозяйства, и с высоким уровнем мотивации. Казалось бы, безработные тоже занимаются ЛПХ, разводят скот, подрабатывают, но уровень достатка среди них самый низкий. Оказалось, что определяющую роль в трудовой деятельности все-таки играет основной социальный статус ($\beta = 0,665^{**}$), связанный с наличием или отсутствием постоянной занятости. Другие факторы: активное ведение хозяйства ($\beta = 0,240^{**}$),

Таблица 2

Средние значения показателей материального достатка среди кластеризованных групп

Первая группа (1)	Вторая группа (2)	Третья группа (3)	ANOVA		p	
			F	p	1–2	1–3
3,39	2,85	2,52	19,873	0,000	0,002	0,000

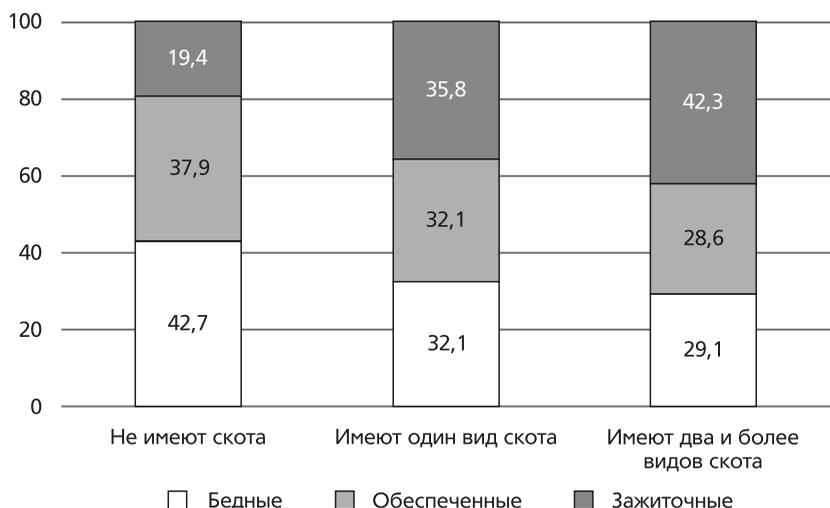

Рис. Уровень материального достатка среди имеющих и не имеющих скот, в % от опрошенных

высокая мотивация ($\beta = 0,162^{**}$), вовлеченность во вторичную или эпизодическую занятость ($\beta = 0,063^{*}$)³ – тоже оказывают влияние, но в меньшей степени.

Вместе с тем нельзя утверждать, что ведение ЛПХ не способствует улучшению материального положения. Исследования доказывают, что заметно на повышение материального достатка влияет разведение скота [Лушникова, 2022: 83]. Причем, чем более разнообразен скотный двор, тем уровень достатка выше. Данные нашего исследования подтвердили это (рис.). Видны различия не только между имеющими и не имеющими в своем хозяйстве скот, но и между имеющими один вид скота и несколько. Поэтому можно считать, что разведение скота является значимым (хотя и не главным) фактором благополучия современных сельчан.

Выводы. Исследование показало, что в нынешних условиях жители удаленных сел по-разному адаптируются к сложным социально-экономическим условиям. Безусловно, проще приходится тем, кто имеет работу. Трудоустроенность гарантирует стабильный заработок, который в свою очередь позволяет развивать и личное подсобное хозяйство, и получать от него какую-то прибыль (пусть даже и только на удовлетворение основных нужд). Однако наличие работы нельзя считать единственным фактором успешной адаптации. Немаловажное значение имеет и мотивация. Например, низкая мотивация и отсутствие каких-либо стремлений приводит к формированию пассивного поведения. В то же время наличие высокой мотивации без прочной финансовой «подушки безопасности», например в виде заработной платы, тоже не может гарантировать материальное благополучие. Обнадуживает, что вынужденные безработные не теряют оптимизма и продолжают пытаться «выживать» любыми доступными им способами, а не довольствоваться имеющимся.

³ Коэффициент множественной корреляции $R = 0,791^{**}$, полученная модель объясняет 62,0% дисперсии. Коэффициент является статистически достоверным, поэтому данные могут быть содержательно интерпретированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жалсанова В.Г. Личное хозяйство сельских жителей: способ выживания или способ развития? (по материалам социологических исследований в Республике Бурятия) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 1–7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27201 (дата обращения: 29.08.2022). DOI: 10.25136/2409-7144.2018.9.27201.
- Лушникова О.Л. Этнические особенности ведения хозяйства, или У кого больше скота? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 77–87. DOI: 10.31857/S013216250018564-3.
- Морозова Т.В., Стафеев С.В., Гучек А.С. Типология трудовых мотиваций на локальных рынках труда // Народонаселение. 2013. № 3 (61). С. 52–58.
- Нечипоренко О.В. Подсобные хозяйства сельского населения в контексте практик социальной адаптации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2013. Т. 11. № 2. С. 86–92.
- Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Пашкевич А.В., Балабанова Е.С. Ценностно-мотивационные основы и реальность трудовой жизни российских работников: проблемы и противоречия // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 2. С. 108–133. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133.
- Статья поступила: 29.08.22. Финальная версия: 25.10.22. Принята к публикации: 28.10.22.

LABOR BEHAVIOR OF POPULATION FROM REMOTE COUNTRYSIDE OF KHAKASSIA

O.L. LUSHNIKOVA

*Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russia**Olga L. LUSHNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow of the Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia (oltolt@mail.ru).*

Abstract. An interest for the study of rural labor strategies is due to the socio-economic processes in rural areas. Rural population is forced to look out for own adaptation strategies because of agriculture crisis, meagre labor market, and unemployment. Remote countryside is in a most difficult situation, caused by its limited capabilities. The purpose of this article is to study labor behavior of remote countryside population (on the example of Republic of Khakassia). The research focuses on employment at the main place of job, involvement in secondary or episodic employment, maintaining a personal subsidiary farm and motivation for labor activity. Three groups of respondents with different labor activity are identified. The study confirmed that material well-being depends on the labor behavior attitudes.

Keywords: rural population, labor behavior, secondary employment, unemployment, personal subsidiary farm, household, farmstead, livestock.

REFERENCES

- Efendiev A.G., Gogoleva A.S., Pashkevich A.V., Balabanova E.S. (2020) The Values, Motives, and Work Life Reality of Russian Employees: Problems and Contradictions. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 29. No. 2: 108–133. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133. (In Russ.)
- Lushnikova O.L. (2022) Ethnic Features of Farming, or Who Has More Livestock? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 77–87. DOI: 10.31857/S013216250018564-3. (In Russ.)
- Morozova T.V., Stafeyev S.V., Guchek A.S. (2013) Typology of Labour Motivation in Local Labour Markets. *Narodonaselenie* [Population]. No. 3 (61): 52–58. (In Russ.)
- Nechiporenko O.V. (2013) Part-Time Farms of Rural Population in the Context of Social Adaptation Practices. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: Philosophy]. Vol. 11. No. 2: 86–92. (In Russ.)
- Zhalsanova V.G. (2018) Personal Economy of Rural Residents: a Way of Survival or a Way of Development? (Based on the Materials of Sociological Research in the Republic of Buryatia). *Sotciodynamika* [Sociodynamics]. No. 9: 1–7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27201 (accessed 29.08.2022). DOI: 10.25136/2409-7144.2018.9.27201. (In Russ.)

Received: 29.08.22. Final version: 25.10.22. Accepted: 28.10.22.

Н.А. РОМАНОВИЧ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О БРАКЕ И СЕМЬЕ

РОМАНОВИЧ Нелли Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Воронежского филиала РАНХиГС, генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас», Воронеж, Россия (nelly@qualitas.ru).

Аннотация. Представлены результаты исследования 2020 г. о представлениях российской молодежи о распределении ролей в семье, характере ведения домашнего хозяйства, воззрениях на оптимальное количество детей в семье и способах их воспитания, взгляды на семейную жизнь в целом. Показано, что постепенно уменьшается число сторонников традиционного распределения ролей в семье, ослабляется внимание к воспитанию детей, нуклеарная семья становится социальной нормой, что не всегда облегчает жизнь молодых родителей, особенно с появлением детей. В качестве одной из причин кризиса института семьи автор рассматривает нивелирование семейного труда и превозношение общественной деятельности.

Ключевые слова: институт семьи • молодежь • брак • гражданский брак • ценности • семейные роли

DOI: 10.31857/S013216250021750-8

Об исследовании. Для выявления представлений о браке современной российской молодежи осенью 2020 г. Институтом общественного мнения «Квалитас» был проведен опрос методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов в возрасте 15–35 лет. Выборка включала в себя 42 населенных пункта в 10 субъектах Российской Федерации. Для обеспечения репрезентативности была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент. Всего было опрошено 1155 чел. Ошибка выборки составляет 4,5%. Рассмотрим различные аспекты семейной жизни, характерные для представлений о браке современной молодежи. Также спрочно приводятся результаты исследования молодежи «Изучение культуры и досуговой деятельности современной молодежи в структуре ценностных ориентаций». Опрос проводился в 2017 г. тем же Институтом методом личного интервью молодежи России от 15 до 29 лет по месту жительства респондентов посредством репрезентативной для населения России выборке в 28 населенных пунктах семи субъектов РФ ($N = 803$).

Установки молодежи на семейную жизнь. Создавая семью, каждый человек имеет представления о том, как должны складываться взаимоотношения между супругами. Если у молодоженов они не совпадают, то велика вероятность возникновения семейных проблем. Согласно результатам исследования, большинство молодых людей (62%) приемлют только равноправное распределение ролей в семье. При этом женщины ратуют за равноправие существенно чаще (70%), чем мужчины (54%) (табл. 1). Проблема заключается в том, что женщины начинают усваивать мужской тип поведения, стираются различия полов, размываются образы мужчины и женщины, утрачиваются свойственные ими природные черты, усиливается неопределенность гендерного социального статуса. По мнению И.С. Клецной, «большинство молодых людей в своих представлениях о семейной жизни тяготеют именно к партнерству, но в реальной действительности оказывается, что равноправие предполагает высокую ответственность супругов и взаимозаменяемость семейных ролей» [Клецная, 2011: 116]. В большинстве случаев молодые супруги оказываются не готовы к обязанностям и ответственности, но зато с большим воодушевлением отстаивают свои права.

За традиционную установку «Муж – глава семьи» высказались лишь 35% молодежи, при этом мужчины почти в два раза чаще, чем женщины. Отметим, что с повышением

Таблица 1

Какие из перечисленных характеристик вы считали бы приемлемыми для себя?
(в % от опрошенных)

Варианты ответов	2017*	2020		
		всего	мужчины	женщины
<i>По распределению ролей в семье</i>				
Муж – глава семьи	41	35	45	26
Жена – глава семьи	5	3	1	4
Равноправное распределение ролей	54	62	54	70
<i>По количеству детей</i>				
Однодетная	17	23	22	24
Двухдетная	61	55	56	53
Трехдетная и более	19	17	19	16
Бездетная	3	5	3	6
<i>По отношению к детям</i>				
Авторитарное отношение (строгость и подчинение)	17	11	14	8
Либеральное (полная свобода)	9	11	12	9
Демократическое (сочетание строгости и самостоятельности)	74	79	74	83
<i>По характеру семейных связей</i>				
Многопоколенная семья (совместное проживание представителей нескольких поколений)	29	30	35	26
Однопоколенная нуклеарная семья (родители с детьми)	71	70	65	74
<i>По содержанию семейных связей</i>				
Независимость, автономность каждого совершеннолетнего члена семьи	28	30	32	28
Общее, совместное ведение домашнего хозяйства	72	70	68	72

Примечание. * Так как опрос молодежи в 2017 г. проводился среди 15–29-летних, то сопоставление с данными 2020 г., где опрашивались 15–35-летние, некорректно.

уровня дохода число сторонников этой установки увеличивается до 41%. Невелико число сторонников установки «Жена – глава семьи» (3%).

Сегодня лидирует установка на двухдетную семью (55%), а 23% опрошенных считают нормой однодетную семью, и только 17% молодых людей готовы решиться на трех и более детей. Между тем очевидно, что даже двухдетная семья не способствует выходу страны из демографического кризиса. По мере взросления молодых людей их желание иметь многодетную семью (трех детей и более) возрастает с 10% у восемнадцатилетних до 27% у тридцатилетних. Повышение уровня образования также стимулирует рост от 11 до 20% числа желающих иметь многодетную семью, а также высокий уровень материального дохода (с 18% при плохом материальном положении до 24% среди наиболее обеспеченных людей). Кроме того, многодетность сегодня – это чаще желание жителей больших (19%), а не малых городов (14%).

Сочетание строгости и самостоятельности в отношении к детям – вот выбор методики воспитания большинства молодых (79%), авторитарная (строгость и подчинение) и либеральная (полная свобода) – по 11% сторонников. Уровень дохода практически никак не влияет на этот показатель.

Отметим, что лишь 30% молодых склоняются к совместному проживанию представителей нескольких поколений, при этом мужчины готовы в большей степени (35%), чем женщины (26%). С возрастом число сторонников отдельного проживания сокращается: с 37 (15–18 лет) до 28% в период от 18 до 30 лет. Треть молодых 30–35 лет не против совместного проживания. Чем крупнее город, тем реже респонденты рассматривают многопоколенную семью как норму. Если в селах 39% опрошенных хотели бы жить вместе с родителями, то в районных городах – 31%, а в областных центрах – только 28%.

Обособленность и разделение возможно не только между поколениями, но и внутри самой супружеской пары. За автономность и независимость каждого совершеннолетнего члена семьи сегодня ратуют 30% молодых людей. Напротив, хотели бы традиционно вести совместное домашнее хозяйство 70%. С возрастом тяга к независимости становится выше – от 24% среди молодежи 18–24 лет до 34% среди тех, кому минуло 30 лет. Среди молодежи, проживающей в крупных городах, – 35%, среди жителей районных городов она существенно ниже – 22%.

Гражданский брак. Сегодня вовсе не является предосудительным совместное проживание мужчины и женщины без регистрации брака, которое ныне именуется гражданским браком. Необходимо заметить, что наименование «гражданский брак» появилось раньше такого сожительства, а именно в советское время, когда «гражданским браком» стали называть законную регистрацию брака в государственных органах, но без церковного венчания. То, что называется «гражданским браком» сегодня, ранее именовалось как незаконное сожительство и всячески порицалось как церковью, так и социумом. А русские мыслители доказывали, что «гражданский брак» – это прямое следствие курса на равноправие полов, в котором женщина постепенно лишается своих привилегий. В частности, русский философ Д.А. Хомяков показывает, что равноправность в общественной жизни влечет за собой умаление роли жены в быту домашнем, «фактически доселе всегда в доме господствующей, как соиздательнице самого дома, ибо дающей дому его членов актом их рождения» [Хомяков, 1997: 56], и доказывает, что феминизация имеет не российские, а западные корни, поскольку русские женщины не имели оснований чувствовать себя ущемленными в правах: их неучастие в политической жизни компенсировалось полноправной жизнью в собственном доме. «Понятие о формальном равноправии предполагает под собою оскудение или отрицание любви, которое, в конце концов, приводит к отрицанию самой семьи, как союза любви (не в смысле похоти) и замене её так называемой свободной любовью, иначе торжеством одной чувственности; она же, если бы раз превозмогла, то окончательно поставила бы женщину в самое невыгодное положение» [там же]. Действительно, в невыгодном положении в незарегистрированных браках оказываются женщины. Мужчина в любой момент может уйти от своей сожительницы, сменив её на более молодую или более состоятельную, а состарившаяся женщина окажется одна без крепкого мужского плеча и без защиты закона.

Тем не менее положительно относятся к незарегистрированным бракам сегодня большинство молодых людей (66%), при этом женщины даже более лояльны (67%), чем мужчины (64%). Отрицательное отношение встречают такие союзы лишь у 22%, но с взрослением оно возрастает с 19 до 24%, как и с повышением уровня образования (с 14 до 27%) и уровня дохода (с 16 до 36%). В российских селах отрицательное отношение встречается чаще (24%), но ненамного, чем в городах (21%), меньше ошибки выборки.

Еще гражданский брак иначе называют «пробным браком». Якобы у молодых людей появляется возможность ближе узнать друг друга, примерить на себя роли мужа и жены, понять свою готовность к дальнейшей совместной жизни и рождению детей. Но практика показывает, что детей может и не появиться, потому что молодые люди привыкают к подобным отношениям безответственности друг за друга, не спешат заводить детей, поскольку изначально считают такие отношения временными. Такие союзы плодят аборт, а если появляются дети, то возникают проблемы с регистрацией отцовства.

Мужчина, как правило, не спешит брать на себя ответственность не только за женщину, но и за ребенка, уходя от проблем, он просто меняет партнера. Такая смена партнеров не лучшим образом сказывается на здоровье. В итоге одной из актуальных проблем в молодежной среде является проблема бесплодия.

Межнациональные браки. Исходным моментом готовности человека к браку и созданию семьи выступает понимание им значимости семейных отношений, обязательств людей друг перед другом, ответственности за семью и детей, а также добровольное принятие неизбежных в семейной жизни хлопот и ограничений личной свободы. Важно отметить, что все эти характеристики имеют свое национальное выражение. По мнению исследователей, отношение молодых людей к межнациональным бракам «зависит от их воспитания, восприятия межнационального брака их родителями, то есть дети являются зеркальным отображением своих родителей, и личностными характеристиками» [Атоян, 2010: 71].

Согласно результатам нашего исследования, к межнациональным бракам большинство молодежи относится положительно (57%), только 9% их не одобряют (табл. 3). Чем моложе респонденты, тем чаще они одобряют подобные браки: 39% среди восемнадцатилетних и только 25% среди тридцатилетних. Чем меньше населенный пункт, тем выше степень неодобрения межнациональных браков: 6% – областной центр, 11% – районный город, 15% – село.

Таблица 2

Как вы относитесь к межнациональным бракам? (в % от опрошенных)

Варианты	2017	2020
Нейтрально	49	57
Одобряю	23	28
Не одобряю	19	9
Затрудняюсь ответить	9	6

Примечание. Сопоставление данных не вполне корректно, так как опрос в 2017 г. проводился среди молодежи 15–29 лет, а в 2020 г. – 15–35 лет, в связи с изменением в законодательстве РФ границ молодости.

В нашем полиэтническом государстве межнациональные браки являются распространенным явлением, поэтому знать и, конечно, правильно осмысливать психологические особенности людей в разноэтнической семье – актуальная задача для тех, кто желает вступить в подобный союз. Именно в семье закладываются основы отношений личности к представителям других этнических общностей, и от того, какими будут эти отношения, зависит очень многое в жизни людей. Уже с малого возраста человек становится носителем традиций и привычек, социальных и нравственных ценностей той нации, к которой он принадлежит.

Заключение. Какие тенденции прослеживаются сегодня и, возможно, получат дальнейшее развитие завтра? Исследование показало, что среди молодежи велико число сторонников однодетной семьи. Если раньше в патриархальной семье предполагалось совместное проживание трех-четырёх поколений, и это считалось нормой, то на сегодняшний день такой нормой становится нуклеарная семья, которая состоит из одного ядра: родители и дети. Уменьшается число сторонников традиционного патриархального распределения ролей в семье. Все чаще молодые люди выступают за равноправие (особенно женщины), хотя на практике не готовы принять вместе с правами те обязанности, которые неизбежно сопутствуют правам.

Хотя российское общество и проявляет беспокойство по поводу отказа от традиционных семейных ценностей, сосредоточенности молодежи на себе, снижения готовности

к рождению детей, нам представляется, что имеет место недопонимание происходящих перемен и причин трансформации традиционных ценностей. Ревнителю семейных ценностей радостно рапортуют: «Женщина теперь выполняет не только роль матери и хозяйки дома. Она успешно реализует себя в профессии, строит карьеру, зарабатывает деньги наравне с мужем. А домашние обязанности часто делятся поровну, по взаимному согласию»¹. Однако, во-первых, далеко не всегда домашние обязанности делятся поровну, во-вторых, подобные изречения обнаруживают принижение домашних обязанностей и возвеличение женщины-профессионала, строящей успешную карьеру.

В традиционных отношениях мужчина ищет в женщине утешение, а женщина – опору. История свидетельствует, что в запале своей борьбы люди по инерции забирают больше прав, чем те социальные группы, к равноправию с которыми они стремились. Но ничего доброго, кроме дополнительной тяготы, это женщине не принесет. Вопрос стоит совсем в другой плоскости: подменяются понятия право и обязанность.

Снижение значимости семейного статуса приводит к моральному оправданию обществом добрачной сексуальности, рождению детей, не ведающих о своих отцах, кризису института брака. В России в середине 2022 г. возродилось звание «Мать героиня» для женщин, которые родили и воспитали десять и более детей, с наградой в размере 1 млн рублей. Между тем воспитанием ребенка должны заниматься мать и отец. А законодательство не предусматривает никаких преференций для многодетных отцов, вырастивших нескольких детей в полноценной семье. Если рождение – природная прерогатива женщин, то вскармливание и содержание собственных чад вплоть до достижения ими совершеннолетия всегда считалось заботой мужчин. Именно на воспитание будущих поколений в духе семейных ценностей (любви, верности, ответственности) ныне возлагаются основные надежды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атоян А.Г., Медведева Н.И. Межнациональные браки глазами молодых людей // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 4. С. 71–72.
- Клецина И.С. Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 5. Психология. № 4. С. 107–119.
- Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. Минск: Белорусская грамота, 1997.

Статья поступила: 25.08.22. Принята к публикации: 06.02.23.

¹ Семейные ценности и их значение для семьи, для общества в целом. 2018. URL: <http://gb3-kursk.ru/семейные-ценности-и-их-значение-для-се/> (дата обращения: 17.08.2022).

YOUTH AND MARRIAGE: A TRANSFORMATION OF VALUES

ROMANOVICH N.A.

Voronezh branch of RANEPa, Russia

Nelly A. ROMANOVICH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Political Science and Administration, Voronezh branch of RANEPa, General Director, Public Opinion Institute "Qualitas", Voronezh, Russia (nelly@qualitas.ru).

Abstract. Current crisis of the institution of marriage is associated with the transformation of traditional family values. On the one hand, traditional family values are destined for transformation, on the other hand, this transformation should not cross a "red line" beyond which the institution of the family decay. The "red line" was marked in Russian Constitution in 2020 in which marriage is interpreted as the union of a man and a woman only, with no other options. But the destruction of the institution of the family cannot be contained only by correct laws. It is necessary to implant values and show the importance of such concepts as fidelity, constancy, responsibility, and other categories that serve to strengthen the marriage union. Studying public opinion is necessary, and young people in particular, as the group most vulnerable to the transformation of family values. The results of the All-Russian Youth Survey presented by the author in 2020 reveal the attitude of Russian youth to such nuances of married life as the distribution of roles in the family, joint housekeeping, cohabitation with parents, an idea of the optimal number of children and their upbringing et cetera. Previous surveys allow compare results and identify trends. The author concludes that the trends of recent years reflect change among young people from traditional ideas about marriage to a liberal model.

Keywords: family institute, sociological survey, youth, marriage, values, family roles.

REFERENCES

- Atoyan A.G., Medvedeva N.I. (2010) Inter marriages through the Eyes of Young People. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovani* [International Journal of Experimental Education]. No. 4: 71–72. (In Russ.)
- Kletsina I.S. (2011) Gender Approach in the Psychological Research of Modern Family Relations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Psychology]. Vol. 5. No. 4: 107–119. (In Russ.)
- Khomyakov D.A. (1997) *Orthodoxy, Autocracy, Nationality*. Minsk: Belorusskaja gramota. (In Russ.)

Received: 25.08.22. Accepted: 06.02.23.

А.В. СИМАКОВА, С.И. ПАХОМОВ, В.А. ГУРТОВ

КАНДИДАТЫ НАУК: МОТИВЫ ЗАЩИТЫ И ВЕКТОР РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ

СИМАКОВА Анна Васильевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия (simakova@petsu.ru); ПАХОМОВ Сергей Иванович – доктор химических наук, профессор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Москва, Россия (pakhomovsi@minobrnauki.gov.ru); ГУРТОВ Валерий Алексеевич – доктор физико-математических наук, профессор, директор Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия (vgurt@psu.karelia.ru).

Аннотация. В статье приводятся результаты опроса кандидатов наук, успешно защитивших диссертацию в 2016–2020 гг., проведенного в июле – сентябре 2021 г. Центром бюджетного мониторинга ПетрГУ. На его основе изучались мотивы подготовки и защиты диссертации, прослеживались изменения публикационной активности кандидатов наук за первые пять лет после защиты, были представлены траектории развития научной карьеры в плане повышения научного потенциала в целом и продолжения работы по тематике диссертационного исследования.

Ключевые слова: кандидат наук • защита диссертации • научная карьера • профессиональное развитие

DOI: 10.31857/S013216250023034-0

Об исследовании. Значение аспирантуры в квалификационном продвижении ученого обусловлено как перспективами научного роста, так и тем, что ученая степень позволяет занимать лучше оплачиваемые должности в научных и образовательных учреждениях. Подготовку в аспирантуре проходит большинство защищающих диссертации соискателей ученой степени кандидата наук (75% защитившихся в 2020 г.) [Обзор деятельности..., 2021]. По подсчетам, выполненным на основе официальной статистики Минобрнауки РФ, показатель эффективности аспирантуры в 2015 г. составил 20% защитившихся аспирантов 2009 года приема (2012 год выпуска), а с учетом защит за первые три года после окончания обучения в аспирантуре значение данного показателя поднимается до 32% защитившихся [Бережная, Гуртов, 2017: 60].

Мы опираемся на результаты социологического опроса недавно защитившихся кандидатов наук, выполненного в июле – сентябре 2021 г. с нашим участием¹. Использована квотная двухступенчатая выборка, а на последнем этапе случайная. Опрашивались кандидаты наук, успешно защитившие диссертацию в период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2020 г. Приглашение к участию в опросе было размещено на сайтах ряда российских университетов и разослано через образовательные и научные организации, на базе которых в исследуемый период функционировали диссертационные советы, включая и те, деятельность которых была прекращена на момент проведения опроса². В итоговый массив вошли 8402 полученные анкеты. На первом этапе было проведено сегментирование кандидатов наук по всем отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени. На втором этапе был проведен отбор единиц наблюдения внутри каждой отрасли науки с учетом

¹ Опрос проводился Центром бюджетного мониторинга ПетрГУ в рамках исследовательского проекта «Профессиональное развитие кандидатов наук в России», поддержанного Минобрнауки РФ.

² Мы понимаем ограничения выборки, так как отбирались в основном те, кто продолжал сотрудничество с научными и образовательными организациями. Поэтому данные нерепрезентативны относительно всех кандидатов, защитивших диссертацию с 2016 по 2020 г.

представительности научных специальностей. Среди тех, кто защитил диссертацию в 2020 г., в опросе приняли участие 1804 человека (27,8% от количества защитившихся в этом же году), среди защитившихся в 2019 г. – 1948 (22,1%), в 2018 г. – 1712 (18,4%), в 2017 г. – 1544 (15,9%) и в 2016 г. – 1394 человека (13,3%). В долевом соотношении выборочная совокупность отражает характеристики генеральной совокупности пропорционально числу защищенных кандидатских диссертаций за пятилетний период по заданным параметрам выборки (пол, возраст, принадлежность к отраслям науки) с отклонениями не более 5%.

Цель нашего исследования – изучение мотивов защиты кандидатской диссертации и особенностей научной карьеры после защиты.

Мотивы защиты диссертации. Понятие научной карьеры наиболее удачно, на наш взгляд, определяется как «целенаправленный и непрерывный процесс развития личностных и профессиональных качеств, навыков, способностей и квалифицированных возможностей, направленных на поэтапное повышение профессионального и социального статуса личности в обществе и в профессиональной деятельности» [Мусина-Мазнова, 2011]. В анализе научной деятельности кандидатов наук акцент был сделан на мотивах личностного развития, развития научной карьеры, достижения статусных позиций в обществе и получения материальных благ. Опрос показал, что развитие научной карьеры, личных и профессиональных навыков является доминантным в подготовке и защите кандидатской диссертации: 58,2% ученых руководствовались соображениями выстраивания научной карьеры в вузе или другой научной организации, каждый второй защитившийся (50,2%) воспринимал это как проверку своих сил и возможностей.

Профессиональная семейная преемственность способствует более глубокому пониманию внутреннего устройства научной деятельности (по данным исследования в области естественных наук), при этом не является решающим фактором успешности на этом поприще [Попова, 2021: 109]. Лишь 8% кандидатов наук продолжают семейную традицию в науке, среди которых каждый третий защитился по естественным и техническим наукам (39,2% от числа выбравших этот вариант ответа, $N = 652$) и еще каждый пятый (21%) – по медицинским наукам.

Для 41,6% кандидатов наук – женщин важное значение имеет возможность стать руководителем научных проектов. Перспектива занятия руководящих должностей в научных коллективах большее значение имеет для мужчин (45,7% мужчин), чем для женщин (37,9% женщин). На получение ученой степени для обеспечения более высокого социального статуса в обществе более всего ориентируются представители средней и старшей возрастных групп (32% респондентов в возрасте 51–55 лет и 36% – в возрасте 56–60 лет). Потенциальная возможность занимать высокие должностные позиции важна для молодых кандидатов 30–40 лет (35,1% от возрастной группы), для лиц в возрасте 56–60 лет она менее значима (22,7%). Также отмечены дополнительные мотивы поступления в аспирантуру: интерес к проблеме исследования (0,8%), отсрочка от службы в армии (0,1%), развитие своих способностей (0,3%).

Более чем у половины защитившихся мотив и результат совпали. Большая часть кандидатов наук, которые перед защитой руководствовались продолжением научной карьеры в вузе или в научной организации, отметили, что после защиты начали или продолжили научную деятельность на более высоком уровне (66,7%), 59,1% начали преподавательскую деятельность или перешли на более высокий статус, у 54,9% после защиты увеличилась заработная плата. Ничего не изменилось у 19,7%.

Научная деятельность после защиты диссертации. Из опрошенных 25,5% кандидатов наук продолжают заниматься научной деятельностью, еще 68,5% возвращаются к ней время от времени, лишь 6% респондентов отметили, что после защиты перестали заниматься наукой. Продолжение научной деятельности после защиты по гендерному признаку не имеет существенных отличий.

Треть респондентов (33%) продолжили развивать тематику и научную проблему исследования, по которой была защищена диссертация, связав это с профессиональной

деятельностью. Каждый второй возвращается к исследуемой в рамках диссертации проблеме тогда, когда располагает свободным временем. Интерес к теме диссертационного исследования с течением времени постепенно ослабевает. Среди защитивших диссертацию в 2020 г. уже через год к теме не возвращаются 8%, а среди тех, кто защитился в 2016 г., – 15,9%.

Уже через пять лет после защиты происходят карьерные сдвиги в сторону повышения должностных позиций. Среди тех, кто защитился раньше (в 2016 г.), меньшую долю составляют должности преподавателя и старшего преподавателя, увеличивается доля доцентов. Вариант «другое» выбрали 2015 человек, из них 2,7% (от общего числа респондентов) приходится на профессию врача, еще 0,5% занимают главные врачи и заместители главного врача; 2,3% – ассистенты кафедр, 2,2% – директора и 1,8% заведующие (отделом, отделением, кафедрой, лабораторией, сектором), начальники и руководители по направлениям составляют 2,8%.

Публикационная и исследовательская активность после защиты диссертации. Публикация научных результатов является коммуникацией, обменом и признанием в научном сообществе, базирующаяся на принципах открытости и сотрудничества. По данным исследования, посвященного публикационной активности кандидатов наук [Бережная и др., 2019: 117], в течение пяти лет после защиты только треть кандидатов наук продолжает работать в сфере науки и образования и активно публиковаться, еще 24% работают в смежных областях и поддерживают «пассивный» уровень публикационной активности.

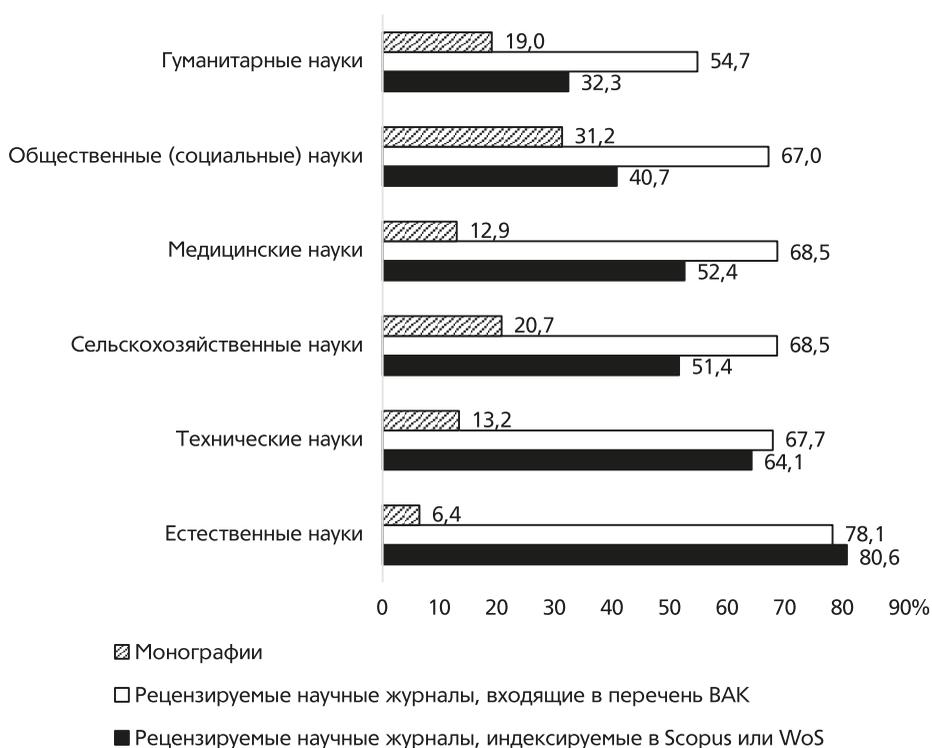

Рис. 1. Доля кандидатов наук, публикующих результаты научных исследований в научных изданиях после защиты диссертации, в % по областям науки

Примечание. Области науки распределены согласно приказу Росстата от 30.07.2021 № 463 (ред. от 17.12.2021) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).

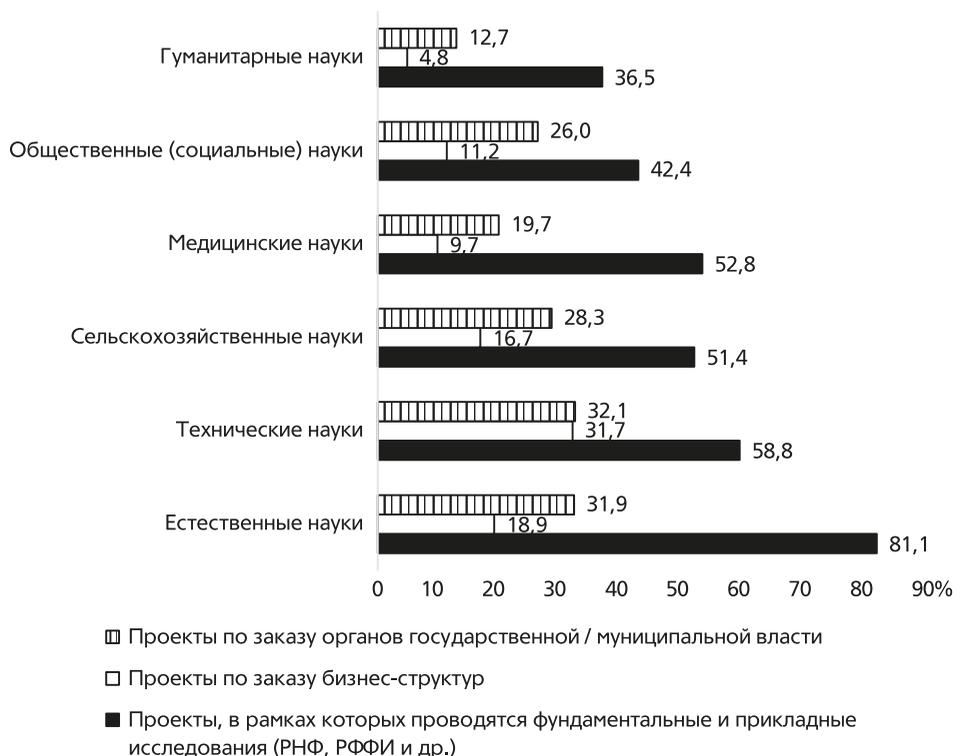

Рис. 2. Доля кандидатов наук, участвующих в качестве члена научного коллектива в реализации научных проектов после защиты диссертации, в % по областям науки

После защиты диссертации публикационная активность кандидатов наук по прошествии времени у каждого второго увеличивается. Среди защитивших диссертацию в 2020 г. результаты научных исследований в журналах, индексируемых в международных базах WoS и Scopus, публикуют 48,6% (доля рассчитывалась по публикациям за 2020 год для всей группы опрашиваемых соответствующего года защиты), среди защитившихся в 2018 г. – 56,6%, а среди тех, кто защитился в 2016 г., – уже 60,5%; в отношении публикаций в отечественных научных журналах, входящих в перечень ВАК, – соответственно 57,2%, 70,6%, 76,3%³. Данную тенденцию подтверждают и результаты исследования публикационной активности ученых в контексте карьерного продвижения [Гуреев и др., 2019]. Монографии публикуют 10,2% кандидатов наук, защитившихся в 2020 г., и 24% – защитившихся в 2016 г.

Публикационная активность кандидатов наук после защиты различается по областям науки. В журналах, входящих в WoS и Scopus, публикуется большинство респондентов, имеющих ученую степень в области естественных наук (80,6% от количества респондентов, относящихся к естественным наукам) и 64,1% по техническим наукам (рис. 1). Третье и четвертое место по публикационной активности занимают респонденты, защитившие диссертацию в области сельскохозяйственных и медицинских наук – каждый второй от

³ Подсчет выполнен по числу ответов на вопрос анкеты: «Публиковали ли вы результаты научных исследований в научных изданиях после защиты диссертации?». Предполагалось получение ответа «да» или «нет»: рецензируемые научные журналы, индексируемые в Scopus или WoS; рецензируемые научные журналы, входящие в перечень ВАК; рецензируемые научные журналы, индексируемые в РИНЦ; монографии, главы в коллективных монографиях.

числа опрошенных по области науки, и только каждый третий кандидат, занимающийся общественными и гуманитарными науками. В последние годы уровень публикационной активности российских ученых в журналах, индексируемых WoS и Scopus, повышался в силу существующей системы стимулов в организациях науки и образования [Калгин и др., 2019], что формирует новые стратегии ведения научной деятельности.

На уровне 70% по каждой областей науки наблюдается публикационная активность респондентов в журналах из перечня ВАК, за исключением гуманитарных наук, где только каждый второй защитившийся (54,7%) публикуется в этих журналах. По публикации результатов исследований в виде монографий ситуация противоположная: только 17% издают их после защиты.

Среди кандидатов наук, защитившихся по естественным наукам, большая часть (81,1%) являются членами коллектива проекта, направленного на проведение фундаментальных и прикладных исследований. Каждый второй, защитивший диссертацию в области технических, сельскохозяйственных и медицинских наук, также принимает участие в подобных исследованиях (рис. 2). Среди представителей данных областей науки отмечается и большая публикационная активность, а каждый третий респондент принимает участие в исследованиях по заказу органов власти.

На воплощение научно-исследовательских идей ученых в жизнь направлено функционирование грантовой системы поддержки прикладных и фундаментальных исследований. Наибольшую активность в подготовке и подаче заявок в фонды после защиты демонстрируют ученые в области естественных наук, среди них 26% уже получали финансирование и 43,2% подавали заявки, но финансирование не получали (от числа респондентов по области науки). Среди защитившихся по техническим наукам 29,1 и 23,1% соответственно.

Вектор развития научной карьеры кандидатов наук. Защита кандидатской диссертации является важным этапом формирования траектории профессионального развития научных работников. После защиты диссертации наблюдается карьерный рост, заключающийся в повышении по должности научно-преподавательского состава и назначении руководящих постов в организациях.

Среди тех, кто после защиты диссертации продолжили в той или иной мере заниматься наукой (94%), были выделены развивающие тематику диссертационного исследования (профессиональная деятельность либо регулярно связана с такой тематикой, либо они возвращаются к ней время от времени) (табл.).

Таблица

Развитие научной траектории кандидатами наук после защиты диссертации
(в % от числа опрошенных)

Развитие тематики / проблемы исследования	Занимаются научной деятельностью после защиты	
	продолжают заниматься наукой (N = 2142)	время от времени занимаются наукой (N = 5755)
Связана с профессиональной деятельностью	9,3	14,2
Возвращаются к ней время от времени	3,4	46,3

У 12,7% кандидатов прослеживается научный вектор профессиональной траектории. Доля со смешанным вектором развития профессиональной карьеры составила 60,5%. Немаловажно, что все они публикуют результаты исследований в рецензируемых научных журналах.

Заключение. Проведенное исследование показало, что большинство кандидатов наук, защитивших диссертации, руководствовались личными мотивами и мотивами профессионального развития. У более чем половины кандидатов наук затраченные усилия и время оправданы: после защиты они продолжают научную и преподавательскую карьеру, выступают в качестве руководителя научных проектов, улучшили материальное

положение, получили желаемый статус в обществе. Каждый четвертый кандидат наук после защиты активно продолжает заниматься научной деятельностью, 68,5% кандидатов наук продолжают эту деятельность время от времени. Только 6% из опрошенных после защиты перестали заниматься наукой. С получением статуса кандидата наук у большинства отмечается повышение по карьерной лестнице – увеличение должностных позиций, в том числе занятие руководящих должностей.

Публикационная активность кандидатов наук в первые три года после защиты диссертации немного ниже, чем в последующие. Публикации в журналах перечня ВАК имеются у 70% опрошенных. Каждый второй кандидат наук (56,4%) участвует в качестве члена научно-исследовательского коллектива в фундаментальных и прикладных исследованиях.

Можно ли считать, что те, кто защитил диссертацию, но не продолжил в полной мере заниматься наукой, отклонился от вектора развития научной карьеры, растрачивают свой научно-исследовательский потенциал и не развивают тему своего исследования? Считаем, что эти кандидаты наук пассивно участвуют в развитии научного знания, поддерживая высокий уровень своей квалификации, развивая компетенции, освоенные в рамках подготовки и защиты диссертации, понимают значение и ценность научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бережная Ю.Н., Гуртов В.А.* Аспирантура в новых реалиях // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 3. Т. 21. С. 57–65. DOI: 10.15826/umpra.2017.03.037.
- Бережная Ю.Н., Гуртов В.А., Дмитриев Г.И.* Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей научной квалификации: состояние и проблемы // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 114–118.
- Гуреев В.Н., Мазов Н.А., Ильичёв А.А.* Карьерный рост ученых и публикационная этика // Вестник РАН. 2019. № 3. С. 270–278. DOI: 10.31857/S0869-5873893270-278.
- Калгин А.С., Калгина О.В., Лебедева А.А.* Оценка публикационной активности как способ измерения результативности труда ученых и ее связь с мотивацией // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 44–86. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-44-86.
- Мусина-Мазнова Г.Х.* Зарубежные и отечественные теоретические подходы к изучению понятия «карьера» // Наука и школа. 2011. № 4. С. 101–107.
- Обзор деятельности сети диссертационных советов в 2020 году: аналитический доклад / Под ред. С.И. Пахомова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2021.
- Попова И.П.* Формирование карьерного старта в науке: влияние семьи и социального контекста // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 100–112. DOI: 10.31857/S013216250017245-2.

Статья поступила: 13.04.22. Финальная версия: 03.11.22. Принята к публикации: 06.02.23.

FELLOW DEGREE: MOTIVES FOR THESIS DEFENCE AND PROFESSIONAL OCCUPATION**SIMAKOVA A.V.***, **PAKHOMOV S.I.****, **GURTOV V.A.*****

*Institute of Economics of KarRC RAS, Russia, **National Research Nuclear University MEPhI, Russia, ***Petrozavodsk State University, Russia

Anna V. SIMAKOVA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Researcher, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University; Researcher, Institute of Economics of KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia (simakova@petrsu.ru); Sergey I. PAKHOMOV, *Dr. Sci. (Chem.)*, Prof., National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia (pakhomovsi@minobrnauki.gov.ru); Valery A. GURTOV, *Dr. Sci. (Phys. and Math.)*, Prof., Director, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia (vgurt@psu.karelia.ru).

Abstract. The article deals with candidates of sciences' both motives and professional occupation trajectory after thesis defense. Thesis defense is an important point in scientific career development but not all candidates of science continue their research after thesis defense. There are different areas of research activity. Empirical basis of this study is dealing with survey data of candidates of sciences who defended their thesis starting with January 1, 2016 till December 31, 2020. The survey was conducted by Budget Monitoring Center of PetrSU in July-September 2021. Obtained results showed that thesis defense is conditioned on mainly by personal motives, by desire to be engaged in research activities and to develop professionally in this area. Every fourth candidate of science continues doing research after defense, another 68.5% are doing research from time to time. Candidates of science who defended their thesis in 2016 are more active in publishing research results rather than those who defended their thesis in 2020. Scientific projects participation is more typical for those engaged in research activities within natural and technical sciences.

Keywords: Candidate of Sciences, Thesis Defense, Scientific Career; Career Development.

REFERENCES

- Berezhnaya Yu.N., Gurtov V.A. (2017) Postgraduate Studies in a New Reality. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis]. No. 3: V.21: 57–65. DOI: 10.15826/umpa.2017.03.037. (In Russ.)
- Berezhnaya Yu.N., Gurtov V.A., Dmitriev G.I. (2019) Training of Senior Scientific and Pedagogical Staff: Present State and Problems. *Planirovaniye i obespecheniye podgotovki kadrov dlya promyshlennno-ekonomicheskogo kompleksa regiona* [Planning and providing training for the industrial and economic complex of the region]. Vol. 1: 114–118. (In Russ.)
- Gureyev V.N., Mazov N.A., Ilyichev A.A. (2019) Career Path of Researchers in Relation to Publication Ethics. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. No. 3: 270–278. DOI: 10.31857/50869-5873893270-278. (In Russ.)
- Kalgin A.S., Kalgina O.V., Lebedeva A.A. (2019) Publication Metrics as a Tool for Measuring Research Productivity and Their Relation to Motivation. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1: 44–86. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-44-86. (In Russ.)
- Musina-Maznova G.Kh. (2011) Foreign and Russian theoretical approaches of studying the notion of 'career'. *Nauka i shkola* [Science and school]. No. 4: 101–107. (In Russ.)
- Overview of the activities of the network of dissertation councils in 2020: an analytical report* (2021). Ed. S.I. Pakhomov. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russ.)
- Popova I.P. (2021) Formation of a Career Start in Science: the Influence of Family and Social Context. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No.12: 100–112. DOI: 10.31857/S013216250017245-2. (In Russ.)

Received: 13.04.22. Final version: 03.11.22. Accepted: 06.02.23.

© 2023 г.

СОЦИОЛОГИЯ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

17–19 ноября 2022 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета состоялись XVI Ковалевские чтения. В конференции приняли участие более 400 социологов из России и зарубежных стран. Научному сообществу предлагалось обсудить вызовы, с которыми столкнулся современный мир в новой фазе своего развития, проблемы, которые возникают в связи с его качественными изменениями и перспективы социологической науки в их осмыслении.

В приветственном слове проф. **Н.Г. Скворцов** (СПбГУ) указал на сложность проблем, которые предстоит обсудить участникам конференции. Чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН) отметил, что в российской социологии идет дискуссия о результатах наших исследований. Немалое количество ученых считают, что они крайне незначительны, и связывают это с тем, что российская социология не вполне успешна в теоретизировании. На примере исследований социальной структуры он показал основные проблемы. Например, понятие «среднего класса», заимствованное из западной социологии, до сих пор не получило такого теоретического развития, которое делало бы его пригодным для исследования российского общества. Целостного понимания социальной структуры современной России так и не появилось, в основном используются западные схемы. Докладчик вопрошает: «Какое отношение имеет концептуальный аппарат этих теорий к нашей действительности, чем он может быть полезен при изучении совокупности людей, погруженных в рутинное воспроизводство привычных норм, деятельность которых была направлена на выживание (1993–1994)?». Некритическое восприятие теоретических установок приводит к значительному снижению эффективности исследований, «складывается впечатление, что мы не хотим видеть реальное российское общество». Черныш указал, что на ситуацию значительно повлияло и наследие теории постмодерна. Дезориентирующее влияние оказала и «сильная программа» в социологии культуры. Заключая, он подчеркнул, что невозможно отрешиться от социологической классики, от международного теоретического контекста, но, формулируя повестку дня, российская социология должна ориентироваться на то, что происходит в нашем обществе, что важно для его существования, прежде всего проблемы рождаемости, бедности, неравенства, специфики пространства страны и различий, обусловленных этим.

Проф. **Д.В. Иванов** (СПбГУ) в своем выступлении представил глобализацию как серию процессов, радикально изменивших социальные структуры во второй половине XX в. В результате изменений, обозначаемых в теории как глобализация и виртуализация общества, сложилась новая конфигурация социальных структур, включающая четыре типа: институты, создающие тотальную социальность; интеракции, создающие частную и ситуативную социальность; сети, создающие относительную социальность; потоки, создающие альтернативную социальность. Социологи теперь имеют дело с четырьмя разными режимами существования социальной реальности. Динамику социальных реальностей в начале XXI в. предопределяет кризис глобализации и виртуализации. Трансграничные сети и потоки «взламывали» привычные социальные реальности на рубеже XX–XXI вв., но сейчас тренды «переламываются»: социально-экономические индикаторы показывают, что пик глобализации пройден и наблюдаются тенденции постглобализации: локализация глобальности в суперурбанизированных анклавах; рост разрывов в уровне, качестве, наполненности жизни между анклавами глобальности и остальными территориями

и сообществами; возникновение новых барьеров для транснациональных сетей и потоков (антимиграционные стены, карантин, санкции, спецоперации, мобилизации и т.д.). В условиях постглобализации стал очевидным кризис институтов, подвергшихся виртуализации. Они не справляются с вызовами, поскольку на месте привычных институтов мы сталкиваемся с избытком образов и дефицитом реальности.

Проф. **Н.Г. Осипова** (МГУ им. М.В. Ломоносова) предложила сконцентрироваться на участии социологического сообщества в анализе глобальных социально-политических реалий, сложившихся в настоящее время. Она напомнила, что любые трансформации, которые связаны с коренной ломкой социетальной системы, считаются революционными, однако полагать, что каждое такое изменение является прогрессивным, – ложный и опасный стереотип. В конце XX в. не нашлось руководящей силы, способной предложить и реализовать научно обоснованный проект реформ, и был навязан сценарий экономических и социально-политических преобразований, которые отражали интересы различных борющихся за власть и собственность групп. Она подчеркнула, что в период 1990-х гг. наметились два различных подхода к определению роли государства в экономике: радикально-либеральный и дирижистский (управленческий) подходы, но ни один из них не был последовательно реализован, и рыночные реформы провалились, вызвав социальные потрясения. Геополитический статус новой России изменился, приведя к негативным последствиям, в том числе и экономической экспансии западных стран под эгидой глобализации. Но глобализация как процесс усиления взаимозависимости разных обществ отличается от глобализма, который является специфической идеологией, направленной на усиление гегемонии наиболее развитых стран в современном мире. На основе этой идеологии установился новый мировой порядок, который воспринимался как гарантия стабильности и снижения интенсивности противоречий в современном мире.

Проф. **М.В. Масловский** (СИ ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ) выделил два основных подхода среди ряда социологических концепций глобализации: выявляющий одну доминирующую логику глобализации, прежде всего, развитие мировой капиталистической системы, в котором процессы глобализации определяются несколькими различными факторами, причем одновременно сосуществуют собственные логики экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской глобализации. На многообразии форм и направлений глобализации указывали представители концепции множественных модернов в современной исторической социологии. Выделялись пять уровней, на которых могут рассматриваться множественные модерны: первый – уровень национальных государств; второй представляют региональные паттерны модерна, как, например, Скандинавия или Центральная Европа; третий связан с цивилизационным подходом (в данной связи рассматривалась, в частности, конфуцианская цивилизация с центром в Китае, влияние которой распространилось на всю Восточную Азию); четвертый – «альтернативные модерны», которые ведут борьбу за преобладание на мировой арене (типичным примером здесь выступает коммунизм как особая разновидность современного общества); пятый – уровень «глобальных модернов» как различных конфигураций экономических, политических и культурных паттернов. Докладчик подчеркнул, что с позиции концепции множественных модернов представления о том, что процессы глобализации приведут к формированию единой мировой системы, являются несостоятельными. Динамика глобализации в действительности сопровождалась процессами регионализации, а также дифференциацией на уровне цивилизаций и отдельных государств. Вместе с тем глобализация никогда не представляла собой единый процесс, скорее можно говорить о множественности глобализаций, одним из аспектов которой стало распространение на протяжении XX века коммунистической версии модерна.

А.Е. Кутейников (СПбГУ) предложил обсудить социологию международных отношений в качестве относительно самостоятельной области социологической науки. Он указал, что она развивалась преимущественно в отечественной и французской науке, имеются научные публикации, но единой последовательной линии не прослеживается, поэтому

тенденции превращения ее в отраслевую социологическую дисциплину не получили своего завершения.

Обсуждение других аспектов ситуации постглобальности в различных сферах социальной жизни проходило также на заседаниях тематических секций конференции. Среди прочих вопросов отмечалась потребность в актуализации теоретического инструментария социологии, которая бы позволила социологии активнее и продуктивнее понимать процессы, происходящие в современном мире и российском обществе.

Ю.В. АСОЧАКОВ

АСОЧАКОВ Юрий Валентинович, к. филос. н., доцент кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (y.asochakov@spbu.ru).

DOI: 10.31857/S013216250024328-3

SOCIOLOGY IN THE POST-GLOBAL WORLD: PROBLEMS AND PROSPECTS

Yuri V. ASOCHAKOV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (y.asochakov@spbu.ru).

© 2023 г.

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

В конце ноября 2022 г. состоялись Первые Лапинские чтения, посвященные памяти бесценного организатора и руководителя сетевого коллектива исследователей, работающих по исследовательской программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» Николая Ивановича Лапина. 20 лет научные коллективы из 25 регионов страны – от Новосибирска до Смоленска и от Карелии до Чечни, работая по единой методике, составляли социокультурные портреты регионов, сравнивали значимые показатели их развития, стагнации или регресса между собой и общероссийским фоном, формировавшимся в ходе всероссийского мониторинга, проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН) под руководством Н.И. Лапина (1990–2015). Неотъемлемой частью совместной работы стали ежегодные научно-практические конференции участников проекта в разных регионах России. В память об ушедшем руководителе проекта XVII конференция получила название Лапинские чтения.

Указанная в названии тема конференции весьма актуальна для современного развития страны и ее регионов. Организаторами выступили ЦИСИ ИФ РАН и Вологодский научный центр РАН (ВолНЦ РАН), длительное время сотрудничающие в рамках проекта. С приветствиями к участникам конференции обратились врио директора ИФ РАН, акад. РАН **А.А. Гусейнов**, директор ФНИСЦ РАН, чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** и научный руководитель ВолНЦ РАН, чл.-корр. РАН **В.А. Ильин**. В приветствиях они отметили большой вклад Н.И. Лапина как ученого и организатора науки в развитие социологии и социальной философии в нашей стране, его новаторский подход к изучению социальных проблем российского общества, сочетающий философскую рефлексию с анализом эмпирического материала. Выступавшие отметили актуальность и востребованность региональных исследований, высокий научный потенциал межрегионального коллектива, ориентированного на компаративный анализ, позволяющий лучше понять особенности регионов России, которая предстает в этих исследованиях не как что-то единообразное, а как страна регионов,

отличающихся уровнем и потенциалом развития, социальной структурой, настроениями и ценностными ориентациями населения.

Первая сессия пленарного заседания была посвящена научному наследию Н.И. Лапина, где многие докладчики подчеркивали связь своих исследований с идеями Лапина, опирались на его методологические подходы, в частности на разработанный им антропосоциокультурный подход. В докладе **Л.А. Беляевой** (ИФ РАН, Москва) подчеркивалась неразрывная связь его научных обобщений с накоплением эмпирического материала и решением организационных задач по утверждению социологии как самостоятельной дисциплины в ряду общественных наук в Советском Союзе, а затем в России. Представлены три проекта под руководством Лапина: 1) анализ социальной организации промышленного предприятия и труда рабочих в автоматизированном и неавтоматизированном производствах (1968–1973); 2) изучение социокультурной эволюции России и ее регионов (1990–2020); 3) цивилизационное развитие России, где ученый обобщает размышления об истории и судьбе страны, ее месте в мире.

И.В. Катерный (МГИМО, ИС ФНИСЦ РАН, Москва) посвятил свой доклад анализу современного кризисного развития России, напомнив вывод, к которому пришел Лапин, показавший, что модернизация России прошла несколько этапов, но так и не достигла своей цели – социетальной трансформации. Причина состояла в том, что «реверсивно-гибридный транзит», начавшийся в 1990-е гг., не обрел форму суверенной модернизации, которая создала бы условия для становления институтов рефлексивного и инновационного саморазвития и искоренила бы чудовищное неравенство, деградацию культуры и человека. Такое кризисное состояние социальной системы с периодами структурного обострения сохранится и в будущем, пока не будет найден культурно-аутентичный проект модернизационной суверенизации.

В ряде докладов авторы обратились к анализу методологических проблем, разработанных Лапиным для изучения ценностей населения и доверия к институтам общества. **М.М. Юсупов** (ЧГУ им. А.А. Кадырова, Грозный) отметил новое прочтение Лапиным концептуальных идей классиков социологии и разработку им структуры ценностей, которая включает: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал и конфликтогенную периферию. Юсупов подчеркнул, что межрегиональные компаративные исследования показывают, что набор ценностей, например, интегрирующего ядра: в одних регионах совпадает полностью или во многом, в других – обнаруживается явное различие, несовпадение, и это объясняется их спецификой, культурными особенностями, разными социальными условиями, состоянием правопорядка. **В.А. Подольский** (ГАУГН, Москва) отметил вывод Лапина о рисках для солидарности и консолидации общества, связанных с изменениями в мотивационных приоритетах населения на фоне недоверия к государственным институтам. Ощущение защищенности зависит от уровня доверия институтам, который можно считать индикатором их эффективности. Н.И. Лапин в последние десятилетия неоднократно обращал внимание на проблемы, возникающие из-за несоответствия политических процессов тем принципам, на которых выстраивается общественное доверие. В частности, экстремальное неравенство препятствует общественной солидарности и свидетельствует о дисфункциях социального государства как средства обеспечения справедливости.

Г.И. Осадчая и **Т.Н. Юдина** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) рассказали о социологической школе «Ценности, интересы, групповые солидарности и социальное управление», созданной в РГСУ Н.И. Лапиным и В.А. Ядовым в 1990-е гг. В процессе взаимодействия ученых академических институтов, студентов и преподавателей вуза осваивалась новая для того времени дидактика мастер-класса. Эффективными результатами данного сотрудничества стало поступление 20 выпускников проекта в аспирантуру РГСУ, ИФ РАН и ИС РАН, восемь молодых специалистов были приняты на работу в академические институты.

На Чтениях активно обсуждался потенциал консолидации в современной России, связанный с проблемами модернизации. **И.Н. Сиземская** (ИФ РАН, Москва) подчеркнула

методологическую важность концепции поэтапной интегрированной модернизации. В ней фиксируется принципиально новый параметр сегодняшних модернизационных процессов – знание о статусе понимания людьми друг друга и окружающего их природного и социального пространства, чему соответствует «информационно-когнитивная модернизация». Ее результатом является новый тип экономики (экономика знания) и новый тип общества – «понимающее общество». Включение в научный аппарат исследований концепта «понимающее общество» внесло в интерпретацию модернизации и рожденных ею экономических, политических и культурных реалий цивилизационные смыслы.

С раскрытием проблем множественности модернизации российского общества выступил **В.В. Козловский** (СИ ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург). По его мнению, цивилизационный подход является теоретическим основанием изучения архитектоники социально-структурных, культурных, институциональных перемен современного российского общества. Он применяется для раскрытия механизмов и форм исторической трансформации советского и постсоветского обществ. Критическое изучение многообразия исторических типов порядка, уклада, идентичности российского общества и культуры нацелено на понимание стратегических путей, сценариев и потенциала их цивилизационной эволюции.

Ю.Д. Гранин (ИФ РАН, Москва) представил осмысление современной специфики государственного устройства нашей страны, рассмотрев трансформацию российского федерализма в 1990-х – 2022 гг. За этот период государство эволюционировало от модели «кооперативного федерализма» к модели «централизованной федерации». Россия пошла по пути использования модели «форалистического федерализма», когда отдельные субъекты федерации имеют преимущества (фору) по сравнению с другими субъектами при одновременном усилении ответственности регионов за соблюдение федерального законодательства. Она хорошо вписывается в имперскую парадигму развития, которая наиболее адекватна для больших полиэтнических сообществ и распространения цивилизаций на большие пространства. Главное на этом пути – сохранять баланс федерального централизма и регионального (политического, экономического и социокультурного) разнообразия.

Проблемы реализации в России принципа справедливости в контексте вызовов цивилизационного развития были рассмотрены в докладах **В.П. Веряскиной** и **Г.Ю. Канарша** (ИФ РАН, Москва). Растущее неравенство в старых и новых формах оценивалось ими как вызов в сфере социальной политики, а трудности в реализации функций социального государства связаны с усилением бюрократизации общества, подчинением национальных интересов интересам правящей бюрократии.

Довольно много внимания было уделено анализу эмпирического материала, отражающего реальную жизнь населения отдельных регионов в контексте консолидации и развития российского общества. Так, актуальные проблемы и причины слабого гражданского участия жителей Центральных регионов России проанализировала **Е.А. Когай** (КГУ, Курск). **Г.Ф. Ромашкина** (ТюмГУ, Тюмень) выделила социокультурные признаки периферии на примере сельских территорий. Цифровизация экономики и социальной инфраструктуры в Смоленской области была рассмотрена **А.И. Винокуровым** (СГИИ, Смоленск), а цифровизация в малых городах Урала **И.А. Кохом** (РАНХиГС, Екатеринбург), цифровизация здравоохранения **О.А. Коленниковой** (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва). **А.Н. Силин** (ТИУ, Тюмень) оценил человеческий капитал арктического фронта России по трем компонентам: капитал здоровья, образовательный и профессиональный капитал, культурный и ценностно-ориентационный капитал. Результаты анализа позволили сделать выводы о недостаточном внимании к этим факторам снижения уровня социальной напряженности в регионе. Интересные наблюдения о длительном тренде изменения ценностного сознания населения в поселениях различного типа сделаны **Ю.В. Латовым** и **Н.В. Латовой** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва). За последнюю четверть века произошли заметные изменения в ценностях как горожан, так и сельчан, а суммарным вектором изменений стал откат в сторону более традиционных ценностей. При этом жители средних по

численности городов (0,5–1,0 млн чел.) выделяются на общероссийском фоне большей приверженностью современным ценностям.

Идентичность в аспекте консолидации российского общества рассматривалась по нескольким составляющим: территориальная, гражданская, региональная, этническая, языковая. Исследователи опирались в основном на собственные эмпирические исследования, показавшие значительные различия в конфигурации признаков идентичности в Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республике (**К.С. Мокин**, ИС ФНИСЦ РАН, Москва), своеобразии общегражданской, региональной и этнической идентичности населения Чувашии (**И.И. Бойко**, **В.Г. Харитонов**, ЧГИГН, Чебоксары), особенности проявления идентичностей в Республике Башкортостан (**Р.М. Валиахметов**, БашГУ, Уфа), проблемы формирования альтернативной идентичности в Республике Южная Осетия (**К.Г. Дзугаев**, ЮОГУ, Цхинвал). **И.И. Сулема** (ННГПУ, Н. Новгород) обратился к методологическим проблемам формирования языкового единства как феномена, обладающего онтологическим статусом вместилища смысла и базовой ценности народа. Язык – главный элемент, определяющий национальную и гражданскую идентичность, через изучение языка может формироваться патриотизм.

Перспективы дальнейшей работы по программе ««Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» были обозначены в докладе **А.А. Шабуновой** (ВолНЦ РАН). Она сообщила о подготовке монографии о социокультурном развитии Северо-Западного ФО с обобщением многолетних исследований в этом регионе. В качестве очередной задачи решено адаптировать инструментарий к современной геополитической и внутрисоветской ситуации и продолжить исследования в регионах по единой методике. Лапинские чтения были завершены общим решением участников проводить такие конференции ежегодно.

Л.А. БЕЛЯЕВА

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна, д. социол. н., и.о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, Москва, Россия (bela46@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250024038-4

CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY IN NEW GEOPOLITICAL REALITIES

Lyudmila A. BELYAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Acting Head of the Center for the Study of Sociocultural Changes, Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia (bela46@mail.ru).

© 2023 г.

УГРОЗЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В XXI ВЕКЕ

Международная научно-практическая конференция «Угрозы как социальный феномен в XXI веке: методология, современные технологии и практики управления социально-экономическими, общественно-политическими и социально-демографическими процессами в России и мире» состоялась в Иркутске 15 декабря 2022 г. на базе Иркутского государственного университета (ИГУ). В ее работе приняли участие 150 отечественных и зарубежных ученых. В докладах с позиций социологии и смежных наук всесторонне рассмотрены особенности вызовов современному обществу и возможности предотвращения возникающих для него угроз не только в России и ее регионах, но также в Беларуси и Монголии.

Открыла конференцию проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ, Иркутск). Ею была отмечена актуальность темы конференции, важность осознания и изучения новой системности – взаимосвязанности, иерархичности угроз и вызовов современной эпохи. Это стимулирует их обсуждение и согласованную выработку научно-образовательным сообществом, органами власти, бизнесом, общественными организациями технологий предотвращения угроз. Ректор ИГУ проф. **А.Ф. Шмидт** подчеркнул, что сегодня на угрозах и вызовах сфокусировано внимание множества информационных и публичных платформ, экспертных сообществ. Конференция справедливо выносит в повестку дня эффективность управления социальными, экономическими, политическими и другими процессами. Наука способна обеспечить комплексный анализ и прогноз изменений, происходящих в России и мире. В приветствии проф. **В.В. Шпраха** (ИГМАПО) отмечено, что конференция предлагает актуальные подходы к осознанию и исследованию сложных реалий сегодняшнего дня, когда обществу и государству необходимо своевременно и системно отвечать на различные угрозы и вызовы. Эти угрозы проявляются во всех сферах жизнедеятельности человека и требуют качественно новых подходов к их предотвращению, новых инструментов их измерения и критериев оценки. Приветствия в адрес конференции прозвучали также от начальника управления губернатора и правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям **О.А. Куриленковой**, зам. министра образования Иркутской области **Е.В. Апанович**.

Открыла пленарное заседание **Е.Г. Сигачева** (Иркутскстат, Иркутск) с докладом «Демографические исследования в фокусе новых угроз и вызовов». Лейтмотивом ее выступления стал тезис о том, что сегодня «...возрастает потребность в повышении качества информации, в большей детализации и расширении состава показателей, характеризующих уровень жизни всех слоев общества, особенно наиболее уязвимых групп населения (молодые семьи, семьи с детьми, старшее поколение, люди с ограниченными возможностями здоровья)».

Проф. **В.В. Зотов** (МФТИ, Москва) в докладе «Опасности и риски цифровизации общества: социотехнический аспект» оценил уровни конвертации опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации, опираясь на классификацию опасностей социотехнической конвергенции и результаты их эмпирической верификации. Осознание масштабов опасностей цифровизации в целом актуализировало вопрос о необходимости построения общей концепции безопасности, элементом которой должна стать оценка рисков и опасностей цифровизации. Сделан вывод, что неучет опасностей, которые могут привести к деструкции сложившихся социальных практик повседневной жизнедеятельности в цифровом сетевом пространстве, сильно замедлит темпы цифровизации.

В докладе «Молодежь перед лицом угроз и вызовов» проф. **Н.Л. Смакотина** (МГУ, Москва) обосновала концептуальное положение о том, что сегодня в мире под воздействием социальной неопределенности складывается новая социальная реальность, порождающая вызовы и несущая обществу угрозы. Молодежь воспринимает их особенно остро и реагирует появлением новых культурных паттернов. Ситуация осложняется социальным

неравенством в сферах занятости и образования. В то же время российская молодежь оказалась лучше подготовленной к современной ситуации, чем их зарубежные ровесники, поскольку этап адаптации к неопределенности у нее начался несколько раньше. Самоохранительные практики российской молодежи во многом опираются на процессы самоорганизации, основанные на традиционных и новых культурных и поведенческих моделях.

И.П. Морохоева (Контрольно-счетная палата Иркутской обл.) показала в своем докладе, что на основе мониторингов и анализа экономической ситуации Контрольно-счетной палате удастся выявлять потенциальные и реальные угрозы развитию региона и предлагать действенные меры для поддержки различных сфер и территорий.

Последующие выступления также были сфокусированы на исследованиях угроз разносторонней природы и сложности. В полученных данных отразились актуальные аспекты трансформации общества в период множественности угроз. Так, в докладе проф. **Н.Л. Антоновой** (УрФУ, Екатеринбург) приведены результаты исследования современных практик заботы о теле. Отмечено, что сегодня тело и телесность приобретают стратификационные черты и становятся ресурсом социальной мобильности в продвижении к позициям с более высоким статусом. В этой связи новая нормальность проявляется в таких ценностных установках, как разумный эгоизм, выносливость тела, условия поддержания высокого уровня и качества жизни.

В.В. Зырянов (МГУ, Москва) представил концепт, отражающий уровень удовлетворения потребностей человека и общества, с целью показать, что «качество жизни» в современном социуме используется бизнесом и политиками в своих целях и лишь опосредованно, во вторую очередь, для его повышения у населения.

В докладе, посвященном подготовке докторантов в России и угрозам ее развития в начале XXI в., проф. **В.Ф. Пугач** (МИСИС, Москва) подчеркнула, что «...произошло перераспределение докторантов между НИИ и вузами, так к 2020 г. подготовка докторантов оказалась сосредоточенной почти исключительно в университетах. После 2013 г. отмечено катастрофическое сокращение числа докторантов, так что в среднем на один НИИ сегодня приходится менее двух человек, что является прямой угрозой развитию научного потенциала страны и института докторантуры как формы подготовки кадров высшей квалификации».

С.П. Какаулин (МЭРИП ИО, Иркутск) с позиции импортозамещения представил результаты государственной политики стимулирования выпуска высокотехнологичной продукции на примере Иркутской области. Докладчик подчеркнул, что условием своевременного ответа вызовам современного изменчивого мира является способность регионов учиться быстро собирать новые производственные кластеры. Это приоритетная компетенция. Привлекательность кластеров можно обеспечить, если принять ряд решений по снижению страховых взносов, обнулению налога на прибыль для импортозамещающей продукции, субсидированию покупки пилотных партий этой продукции, предоставлению преференций участникам кластера в рамках госзакупок и ряда других мер.

Доклад на тему «Антикризисная роль зооботанических и ботанических садов в условиях современных угроз и вызовов» представил проф. **В.Я. Кузеванов** (БГУ, ИГУ, Иркутск). На результатах многолетних исследований показана роль современных ботанических и зооботанических садов России и Монголии как экологических ресурсов и антикризисных социальных институтов, участвующих в поддержании баланса между природой и обществом. Благодаря их основным междисциплинарным функциям: науке и НИОКР, охране природы и биоразнообразию, просвещению и образованию людей, коммерциализации инноваций – смягчаются современные угрозы, риски и вызовы. Ботанические сады в роли социальных инструментов являются носителями не только материальных ресурсов, но и социальных функций, таких как садовая терапия, социальная реабилитация и др., способствуют социальному развитию региона и страны.

На пленарном заседании также были представлены доклады: чл.-корр. НАН Беларуси А.Н. Данилова (БГУ, Минск); проф. Я.А. Лещенко (ВСИМЭИ, Ангарск); С.А. Баранова (ЗАГС ИО, Иркутск); проф. Т.И. Грабельных (ИГУ, Иркутск); доц. Т.В. Андрияновой (КГУ,

Курск); доц. Е.А. Лобовиковой (ГОУК ЛНР ЛГАКИ, Луганск); проф. М.А. Вахтиной (Университет «МИР», Самара), проф. С.Н. Чирун (КемГУ, Кемерово); доц. Н.А. Лебедевой-Несеври (ФНЦ МПТ УРЗН, Пермь) и др.

В рамках конференции состоялась объединенная секция. Исследовательский интерес участников был сфокусирован на угрозах и вызовах в сферах образования, здравоохранения, культуры, молодежного предпринимательства, экологии и др. (проф. **В.А. Решетников** (ИГУ, Иркутск), проф. **Н.Г. Хайруллина** (ТИУ, Тюмень), **Е.Ю. Башкуева** (БНЦ СО РАН, Улан-Удэ), доц. **Ю.В. Мананикова** (ИРР ПО, Пенза), **О.Л. Лушников** (Хакасский НИИЯЛИ, Абакан) и др.).

На молодежной секции в обсуждении проблематики конференции приняли участие студенты и аспиранты из МГУ, ИГУ, РГГУ, УрФУ, АГУ, БГТУ, ВятГУ, ГАУГН, КемГУ, КубГТУ, НовГУ, Финуниверситета и др.

По итогам конференции проф. **Т.И. Грабельных** сделала вывод о том, что «...уникальность современного этапа цивилизационного развития состоит в том, что угрозы и вызовы стали более многочисленными, технологизированными, интеллектуализированными и сложно управляемыми. Большинство из них имеют системный характер и способны вызвать глубинные социальные трансформации. Среди важнейших – угрозы развитию... от угроз жизни и благополучию отдельного человека в условиях культурного многообразия до ядерных угроз миру. Поэтому для России так важны: охрана суверенитета, обеспечение национальной безопасности, верность традициям, развитие многополярности мира». Другой вывод заключается в том, что «...влияние угроз и вызовов в значительной степени отразилось на предметном поле социологии – “статике” и “динамике” социальных процессов, “архитектуре” отношений в обществе и государстве, смене социальных статусов и ролей. Фактически в настоящее время идет переконструирование объект-предметных связей социологии – как внутренних, так и внешних, обеспечивающих развитие междисциплинарных исследовательских полей».

Проявленный к конференции интерес и результаты обсуждений показали, что в научном сообществе и государственном управлении есть понимание необходимости изучения угроз развитию России и мира и путей их предотвращения. Сегодня особенно остро востребованы социологические исследования и общественные мониторинги для обеспечения «прямых» и «обратных» связей с населением.

Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, Н.А. САБЛИНА, В.В. ЗЫРЯНОВ

ГРАБЕЛЬНЫХ Татьяна Ивановна, д. социол. наук, проф. (tagr@bk.ru); САБЛИНА Наталья Александровна, к. социол. н. (nsablina@bk.ru). Обе – Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович, к. экон. н., доц., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vzzyryanov@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250024049-6

THREATS AS A SOCIAL PHENOMENON IN THE XXI CENTURY

Tatyana I. GRABELNYKH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (tagr@bk.ru); Natalya A. SABLINA, Cand. Sci. (Sociol.) (nsablina@bk.ru). Both – Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Vladimir V. ZYRYANOV, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (vzzyryanov@gmail.com).

© 2023 г.

Осинский И.И. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ТУВЫ. XX ВЕК. ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Улан-Удэ: БГУ, 2022.

Монография представляет комплексный историко-социологический анализ процессов становления и развития интеллигенции в российском регионе. На протяжении последних пятидесяти лет под руководством профессора И.И. Осинского ведутся разносторонние исследования интеллигенции в Сибири, изучаются проблемы и особенности качественных изменений в ее составе. На их основе автор анализирует социальный состав, задачи и формы деятельности интеллигенции.

Представлена ретроспектива позиций в понимании и идентификации интеллигенции как важного элемента социальной структуры общества. Анализ генезиса понятия «интеллигенция» в русском языке с 1840–1860-х гг. до современных трактовок социологами, философами, культурологами позволил сформулировать автору следующие положения: «Во-первых, интеллигенция – это социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом; во-вторых, выполнение функций сложного умственного труда предполагает, как правило, наличие среднего специального и высшего образования; в-третьих, интеллигенты – это люди, обладающие общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами; в-четвертых, изменения, произошедшие в содержании, характере труда интеллигенции в советский и постсоветский период не привели к деформации сущностных признаков интеллигенции» (с. 29)¹. Выделенные характеристики служат основанием следующей авторской дефиниции интеллигенции: «социальная группа, функционально занятая сложным умственным трудом и обладающая общепризнанными развитыми духовно-нравственными качествами» (с. 29–30).

Структура, деятельность и формы взаимодействия интеллигенции с населением в каждом регионе имеют свои особенности. Объект анализа Осинского – интеллигенция Тувы. Важно понимать, что эта группа в удаленных регионах пополняется исключительно из собственных ресурсов, иммиграция интеллигенции в национальные республики в XXI в. несостоятельна, наоборот, наметились и укоренились тенденции эмиграции в более западные территории и центр страны. Восполнение потерь интеллигенции в условиях ее общей депопуляции – наиважнейшая задача региональной власти, поскольку, по меткому выражению автора, «национальная интеллигенция является своего рода интеллектуальной лабораторией, в которой, помимо чисто культурных ценностей, создаются формы и типы национальной гражданственности и политического устройства» (с. 31).

В монографии четыре главы, объединенные логикой исследования условий становления и формирования интеллигенции в ТНР, вхождения в состав СССР и анализа социальных источников пополнения интеллигенции, а также сфер ее деятельности.

Автор анализирует условия переплетения патриархально-феодальных и капиталистических отношений в регионе с доминированием в экономике сельского хозяйства и экстенсивного кочевого скотоводства (глава 1). Экономический подъем в регионе связывают с российским протекторатом, с разрушением замкнутости тувинской экономики. Позитивный характер социокультурных взаимодействий русских и тувинцев автор также

¹ Ссылки на рецензируемую книгу указываются в круглых скобках.

связывает с наличием общих установок на уважительное отношение к инокультурным проявлениям и общностью христианских и ламаистских религиозных правил. Непротивление злу насилием и веротерпимость обусловили позитивный характер межкультурных контактов в регионе. Конструктивное содержание диалога автор объясняет и особой духовностью кочевой культуры тувинцев на основе «народного мировоззрения (интуитивный материализм, народные знания и мифопоэтическое сознание), социального сознания и культуры взаимного общения (этикет, досуг, нравственность)» (с. 39).

Предпосылками формирования тувинской национальной интеллигенции к началу XX в. автор называет освобождение Тувы от китайско-маньчжурской зависимости, установление протектората, развитие политических и экономических связей с Россией, а также наличие ряда духовно-нравственных качеств, присущих русскому населению, его интеллигенции, оказывавших позитивное влияние на тувинцев, их духовную элиту. Данные предпосылки отнесены к внешнему кругу воздействия. К внутренним факторам отнесены знание, ценности, нормы поведения традиционной народной культуры, а также распространение монгольской письменности и литературы, утверждение и распространение буддизма, определившего внедрение в народную культуру элементов искусства, образования, ранних математических, астрономических, медицинских знаний восточных цивилизаций (с. 47–48).

Вторая глава о формировании интеллигенции в регионе включает анализ подготовки специалистов в высшей и средней специальной школе и практики выдвижения. Значимость выдвижения как формы создания и восполнения управленческой интеллигенции и госслужащих возрастает в переломные периоды и реконструкции народного хозяйства. Проблемы обучения нового формирующегося класса были поставлены перед штатными ликпунктами и инициативными кружками по изучению грамотности, а также программами курсовой подготовки выдвиженцев. Автор подробно рассматривает систему подготовки необходимых республике кадров, начиная с 1924 г., в том числе школы общего руководства при ЦК ТНРП, а также партийные школы, политкружки, вечерний университет.

Особое внимание уделено подготовке специалистов в высшей и средней специальной школе, которая создавалась в регионе на основе советской модели, но с учетом кочевого образа жизни этнической группы и потребностью в политике «коренизации» всех уровней административно-управленческого, хозяйственного и, конечно, партийного аппаратов. Анализируются наиболее типичные для данного этапа тувинского общества школы, наиболее востребованные ввиду кочевого образа жизни (школы-интернаты, школы приходящего ученичества и летние школы). Привлечение молодежи позволило не только численно расширить ряды интеллигенции, но и повысить уровень их управленческой культуры и профессиональной подготовки для развития всех сфер народного хозяйства. Приводится официальная статистика из архивов республики: данные о динамике развития сети школ Тувы, об ассигновании на народное просвещение, сведения о посещаемости всех типов школ. Даются сведения о развитии педагогической интеллигенции и издательского дела на национальных языках.

Отдельного внимания, по мнению автора, заслуживает Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) как особая форма «ускоренной подготовки кадров руководящего звена для национальных республик, преимущественно из представителей коренных национальностей» (с. 94). С его деятельностью связывают подготовку ведущих управленческих кадров для Президиума Малого Хурала, правления ТЦК, министерства внутренних дел, Центрального совета профсоюзов, Верховного суда ТНР, строительно-дорожного управления и в целом характер развития тувинского общества.

Автор анализирует и духовно-нравственные факторы формирования региональной интеллигенции в советские годы (глава 3): «овладение национальной письменностью, ликвидация неграмотности, развитие школьного образования, переход от патриархальной, феодальной и родоплеменной идеологии к социалистической, создание и развитие

культурно-просветительных учреждений, становление новой национальной культуры» (с. 139). Осинский соотносит процессы формирования социальной группы с базовой советской моделью на основе выдвиженчества, привлечения представителей старой интеллигенции новой властью и, конечно, подготовки специалистов в средней и высшей школе как Тувы, так и иных советских республик и приглашения специалистов. Развитие системы образования позволило довести уровень грамотности и обученности взрослого населения до 90%. Такие высокие показатели получены за счет широких возможностей подготовки специалистов за пределами автономии. Растущие потребности экономики определяли создание средних специальных учебных заведений, среди которых большую роль сыграли медицинское, педагогическое училища, сельскохозяйственный техникум, торгово-кооперативная школа. Это позволило увеличить число вузов в республике с 1945 по 1985 г. в 20 раз, а число специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Тувы за этот период, выросло в 5,8 раза.

В работе выделены следующие особенности развития интеллигенции в обозначенный период: неординарные темпы роста городской и сельской интеллигенции; повышение воспитательной роли трудовых коллективов в повышении профессиональной грамотности; глубокие изменения территориально-поселенческой структуры интеллигенции автономии; постепенное сближение сельской интеллигенции по отраслевой и профессионально-квалификационной структуре аналогичным показателям городской интеллигенции; начавшаяся миграция сельской интеллигенции ввиду отличного качества жизни и дефицита культурных благ; активное пополнение национальных отрядов представителями других этногрупп (русских, хакасов, украинцев и др.); активная государственная регуляция развития интеллигенции, учитывая отраслевые и профессиональные запросы; стремительное развитие творческой интеллигенции, формирующей национальное самосознание. Работники образования, искусства, творчества содействовали развитию национально-специфического в духовной жизни этноса, распространению механизмов национальной идентификации и самоидентификации, сохранению и развитию национально ориентированных ценностей.

В последней главе представлен анализ деятельности интеллигенции в сферах материального производства, управления, охраны здоровья населения, образования и науки, искусства и культурно-просветительской деятельности, массовой информации. Деятельность национальных отрядов интеллигенции позволила преодолеть обозначенные в монографии проблемы автономии в обозначенный исторический период, а именно: «крайне низкий уровень развития производительных сил вообще и особенно фабрично-заводской промышленности; малочисленность местных квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников; общую отсталость населения из-за географической отдаленности от крупных промышленных центров; неразвитость транспортных путей сообщения и топливно-энергетической базы и т.п.» (с. 269). Целенаправленная комплексная работа позволила вырастить национальные кадры для всех ведущих сфер народного хозяйства. Во многом эти задачи реализованы педагогической интеллигенцией, ее массово-политической, воспитательной работой среди трудящихся и в особенности молодежи.

Автор не обходит стороной и противоречивые, сложные периоды в истории. Среди таких анализируются периоды репрессий национальной интеллигенции, обострение межнациональных отношений в начале 1990-х гг., погромы и межэтнические конфликты, массовый выезд русского населения из Тувы и миграционная убыль.

В монографии представлен богатый архивный и статистический материал, имеющий значительные перспективы дальнейшего анализа: из 404 источников, 60 единиц архивных материалов, официальных документов и статистических сборников. Ценны и аналитические выводы автора, который показал, что за советский период в автономии были сформированы национальные отряды интеллигенции, определившие развитие региона и кардинальные преобразования во всех областях его общественной жизни.

О.Б. ИСТОМИНА

ИСТОМИНА Ольга Борисовна – доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия (olgaistomina@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250024044-1

Osinsky I.I. INTELLIGENTSIA OF TUVA. XX CENTURY. FORMATION, DEVELOPMENT, ACTIVITY. Ulan-Ude: BGU, 2022. Reviewed by O.B. Istomina

Olga B. ISTOMINA, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Department of Socio-Economic Disciplines, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia (olgaistomina@mail.ru).

© 2023 г.

Титаренко Л.Г. СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: учебное пособие. Минск: РИВШ, 2021.

Хороших учебников много не бывает. Ведь учебник – не столько жанр издания, сколько основная интенция автора. Если следовать не критериям ГОСТА, а расширительной трактовке, к учебникам можно отнести и некоторые учебные пособия, и научные монографии, и научно-популярные книги. Нередко качественный учебник содержательно напоминает первое, второе и третье. К какому жанру отнести классику социологии – «Стратегию социологического исследования» В.А. Ядова¹? К книге. Именно так определен жанр в аннотации издания, хотя через запятую и указывается, что это учебное пособие. Примечательно, что для хороших учебников и книг год издания не является критерием пригодности к использованию в учебном процессе.

Рецензируемая книга формально отнесена к учебным пособиям. Однако в ней многое превосходит жанр учебного издания. И прежде всего, намерение автора целостно представить данную отрасль социологии и свое видение ее ключевых проблем. Книга отражает развитие научно-образовательного знания, которое автор много лет транслирует студентам – будущим социологам, исследователям, включенным в повестку дня. Среди компонентов такого знания – классические и современные теории общественного мнения, представления об основных теоретико-методологических проблемах социологии общественного мнения, методология и методика его изучения, опыт использования общественного мнения в практике управления разных государств, в политической сфере и функционировании социальных институтов.

Конечно, законы жанра соблюдены: текст дополнен фрагментами первоисточников – работ классиков, статьями социологов, занимающихся изучением общественного мнения, описанием методик, разработанных отдельными исследовательскими организациями, контрольными вопросами, списками литературы. Но содержание основных разделов – это не схематичное изложение материала, а повествование об эволюции исследовательских традиций, о методических находках, конституировании социологии общественного мнения как отрасли социологической науки, изложение ее истории через описание лиц, книг, исследовательских проектов и организаций.

Л.Г. Титаренко выбрала несколько удачных приемов научного письма. Первый – создание особого контекста (исторического, общественно-политического, историко-социологического), в котором она излагает конкретный вопрос. В этом смысле история становления социологии

¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1999.

общественного мнения рассматривается как история развития демократии, плюралистического общества, форм согласования и гармонизации общественных отношений, взаимодействия социальных институтов и социологии (социологов). Второй прием – насыщение текста примерами из зарубежной, белорусской и российской практик изучения общественного мнения. Этот материал фактурный, яркий и очень конкретный. Третий прием – соотнесение проблем развития социологии общественного мнения с общими проблемами и тенденциями развития социологии на постсоветском пространстве. Здесь Л.Г. Титаренко транслирует собственный профессиональный опыт и восприятие истории советской и постсоветской социологии.

В книге есть сквозной сюжет, который обращает на себя особое внимание. Он посвящен этическим проблемам изучения общественного мнения и управления им. И тот и другой аспекты тесно связаны между собой. Манипулирование общественным мнением как одна из технологий управления им вынесена автором в особый раздел. Однако вопросы ответственности исследователей, органов власти, СМИ проходят красной линией через всю книгу. В этом ее воспитательный потенциал, который напоминает, что перед нами все-таки учебное издание, ориентированное на подготовку профессиональных социологов. Но сама постановка проблемы рассчитана не на учеников, а на профессионалов, находящихся в процессе становления. Очевидно, дискредитация социологии в современном обществе очень остро воспринимается, формулируется Л.Г. Титаренко и транслируется будущим поколениям исследователей общественного мнения.

Известный слоган Левада-центра² «От мнений – к пониманию» служит еще одной сквозной нитью книги. Понимание постулируется автором как основной принцип социологии общественного мнения, призванной не просто зафиксировать и понять актуальный срез представлений и отношений тех или иных социальных групп, но заглянуть глубже – внутрь них или даже за них, – чтобы раскрыть смысл событий и процессов, скрытых факторов социальной жизни. В этом плане примеры-кейсы, которыми богата книга, встроены в теоретические рассуждения таким образом, чтобы читатель понял «механику» социологического подхода к анализу социальной реальности сквозь призму общественного мнения. Прием ли это учебной коммуникации? Нет, не только и не столько. Это хороший пример социологической работы, гармонично сочетающей теоретический и эмпирический пласт знания и интерпретаций.

Наконец, отметим качество книги, которое очень импонирует, – бережное и уважительное отношение к коллегам-исследователям и их вкладу в развитие рассматриваемой отрасли социологии. В книге нет ритуального перечисления имен или исследований, но диапазон их упоминаний широк. Каждое отмечено отдельным сюжетом, описанием идей, цитатами, нередко пространственными, интересными и уместными. Такое «человеческое» измерение делает издание живым и убедительным.

Хороший учебник – это хорошая книга, отправная точка формирования нового социолога, точка соединения поколений исследователей, разных традиций. В социологической литературе есть своя линейка учебной классики, в которой, мы надеемся, есть место и представленной книге Л.Г. Титаренко.

П.А. АМБАРОВА

АМБАРОВА Полина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (borges75@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250022584-5

Titarenko L. G. SOCIOLOGY OF PUBLIC OPINION. Minsk: RIVSH, 2021. Reviewed by P. A. Ambarova

Polina A. AMBAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (borges75@mail.ru).

² Признан иноагентом РФ.

Коротко о книгах

Савин Н.Ю. ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. 200 с.

Монография посвящена критическому анализу современного состояния демократической теории в контексте тех вызовов, с которыми сталкиваются сегодня либеральные демократии. Автор обращается к теоретическому мейнстриму – делиберативному подходу к демократии – и подвергает его критике за неспособность идентифицировать и разрешать политические противоречия. Такая неспособность является следствием искаженного понимания политического в делиберативной теории. Политическое как непредсказуемое событие возникает там, где имеет место публичное отрицание политического порядка, затрагивающее экзистенциальные вопросы жизни людей. В рамках предлагаемой концепции политического события автор дает новое определение политической делиберации как способа предвосхищения и предотвращения политического события путем превентивного разрешения предсобытийных ситуаций, а также предлагает политические решения для преодоления кризисных тенденций современных демократий.

Книга адресована широкому кругу читателей, прежде всего философам, политологам, исследователям коммуникаций, социологам, журналистам, культурологам, специалистам по государственно-му и муниципальному управлению, а также всем интересующимся проблемами современного политического развития.

Бунов Е.Г., Тихонова Е.В. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ. М.: ИНФРА-М, 2023. 166 с.

Монография посвящена анализу теоретических и методологических основ изучения места и роли общественного мнения в управлении социальными процессами в условиях современного общества. Центральное место в работе занимает авторская структурно-функциональная концепция общественного мнения, основанная на результатах авторских исследований и открывающая перспективное направление в изучении проблематики общественного мнения в русле социологии управления.

Рассчитана на специалистов в области социологии управления, исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется вопросами общественного мнения и его роли в жизни современного общества.

Ковалева А.И. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: НОРМА И ОТКЛОНЕНИЕ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2022. 444 с.

Автор обобщает и развивает методологические основания исследований социализации, дает характеристику теорий социализации в классической и современной западной социологии, рассматривает генезис нормативов личностного развития в отечественной социальной науке и практике. В монографии представлена авторская концепция изучения, а также оценки хода и результатов процесса социализации личности как нормы или отклонения. Рассмотрены подходы к классификации типов социализации и разновидностей социальной идентичности, выделяемые по разным критериям, описан опыт исследований социализационных траекторий, а также специфики социализации нетипичных индивидов. Проблемы обсуждаются в контексте социальных изменений российского общества.

Монография предназначена для социологов и других исследователей проблем социализации личности, преподавателей, аспирантов и студентов.

Сорокин П.А. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ БЕДСТВИЙ. ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ, ГОЛОДА, ЭПИДЕМИИ НА ИНТЕЛЛЕКТ И ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ / Пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Академический проект, 2022. 399 с.

Монография Питирима Сорокина, вышедшая в свет на английском языке в 1942 г., завершает почти 25-летние исследования русского социолога по «социологии революции», «социологии голода» и т.д. Эти «монстры», как называет их социолог, до сих пор терзают человечество. Хотя характер социальных катаклизмов в наше время, естественно, изменился, социологическая их составляющая, а также закономерности человеческого поведения, выявленные и описанные Сорокиным, остались теми же.

А ВЫ ТОЧНО СОЦИОЛОГИ? НЕТОЛЕРАНТНЫЕ ИСТОРИИ О СТАНОВЛЕНИИ СОЦИОЛОГИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ. М.: Перо, 2022. 332 с.

В сборнике представлены истории, подготовленные руководителями и сотрудниками исследовательских компаний, входящих в Ассоциацию «Группа 7/89» и работающих на рынке социологических и маркетинговых исследований в регионах России. Веселые и грустные, смешные и страшноватые, эти зарисовки дают возможность составить достаточно полное представление о том, как возникла исследовательская отрасль в конце прошлого века, чем сегодня живут социологи-прикладники, какова специфика их работы.

Сборник адресован исследователям, преподавателям, студентам социологических специальностей и всем, кто интересуется социологией и маркетингом.

МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: СПбГУП, 2022. 200 с. (Социально-трудовые конфликты; Вып. 38)

Монография посвящена изучению эволюции молодежной политики в социально-трудовой сфере. Рассматриваются особенности труда молодежи в условиях становления развития капитализма; изучается эволюция законодательства о защите трудовых прав молодежи; анализируется роль профсоюзного движения в формировании молодежной политики в социально-трудовых отношениях; исследуется опыт преодоления дискриминации молодежи на производстве.

Издание адресовано ученым, студентам и аспирантам, профсоюзным работникам, работодателям и сотрудникам государственных служб и ведомств, а также всем интересующимся историей и современным состоянием социально-трудовых отношений.

МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: СПбГУП, 2022. 200 с. (Социально-трудовые конфликты; Вып. 39)

В монографии обобщаются наиболее значимые аспекты проблематики молодежной занятости на примере стран Европейского союза. Основное внимание уделено обзору институционального регулирования молодежной занятости в ЕС, анализу статистики молодежной занятости в европейских странах в 2010–2021 годах, выявлению особенностей решения проблемы молодежной безработицы в условиях цифровизации экономики. А также влияния пандемии COVID-19 на молодежный сегмент рынка труда в ЕС. Рассматриваются принятые в ЕС инициативы, направленные на борьбу с безработицей в молодежном сегменте.

Адресовано студентам и аспирантам гуманитарных специальностей, а также широкому кругу специалистов, интересующихся проблемами рынка труда.

Подготовила А. ГОВОРОВА

МИГРАЦИОННЫЙ АТЛАС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / Под науч. ред. С.В. Рязанцева. М.: Перспектива, 2022. 180 с.

Издание представляет собой комплексное исследование миграционных процессов и охватывает широкий спектр вопросов российской и международной миграционной действительности – от статистических данных до межгосударственных механизмов управления миграцией. Авторы поставили перед собой амбициозную задачу по анализу и систематизации различных практических аспектов, связанных с миграцией в нашей стране. До сегодняшнего дня не существовало масштабного издания, которое объединяло бы в себе теоретические знания о миграции, актуальную статистику внутрироссийской межрегиональной и международной миграции, практические сведения о миграционной инфраструктуре, сведения об этнической составляющей миграционных процессов в современной России и при этом представляло бы данные сведения в наглядной форме.

Подробно разобраны источники сведений о миграции, существующие в России, процесс легализации мигранта после прибытия его на территорию РФ, отличия процедур для граждан стран ЕАЭС. Авторы анализируют процесс прохождения мигрантами всех процедур вплоть до момента вступления в российское гражданство, для наглядности оформляя его в блок-схемах. Отдельное внимание авторы уделяют миграционной инфраструктуре, систематизируя информацию о пограничных переходах, законодательной базе относительно функционирования участков границы с разными странами, актуальные сведения о влиянии пандемии COVID-19 на работу пропускных пунктов, описывая ключевые проблемы, с которыми сталкиваются мигранты при переходе границы. Предоставляют сведения о представительствах российских государственных органов за рубежом, вовлеченных в обеспечение легальной и регулярной миграции.

Отдельно следует отметить главу атласа, посвященную этнической миграции и исследованию диаспор. Авторы представляют анализ нормативно-правовой базы национальной политики Российской Федерации и влияние этнического многообразия на административно-территориальное

деление страны. Информация о численности отдельных этнических групп в стране и их расселении по регионам России представлена в виде таблиц и карт, причем последние демонстрируют динамику изменений. Собраны результаты собственных полевых исследований авторов, основанные на экспертных опросах сотрудников российских дипмиссий и консульств, представителей культурных и языковых центров за рубежом.

Несмотря на характер издания, в нем присутствует авторский анализ и полемика с действующими в России правилами с точки зрения их влияния на качество собираемой статистическими службами информации. Последовательное описание процесса учета миграционных данных и выявление в нем слабых мест с точки зрения последующего использования статистики позволяет рассчитывать на стимулирование экспертной дискуссии относительно необходимого реформирования систем учета.

В целом комплексный подход и стремление отразить в книге разнообразные аспекты миграционных процессов, дать представление о видах миграции, часто выпадающих из поля зрения исследователей, представить статистику и проанализировать собранные данные – все это выгодно отличает Миграционный атлас Российской Федерации.

Р.В. МАНЬШИН, к. экон. н., ИДИ ФНИСЦ РАН,
Е.Е. ПИСЬМЕННАЯ, д. социол. н., ФУ при Правительстве РФ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2022. Т. 28)

- № 4.** *Лебедев Д.В.* Возможности использования GPS-параданных для контроля процесса сбора данных: обзор существующих методов и анализ качества данных; *Устюжанин В.В., Жодзинская П.А., Коротаев А.В.* Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций: опыт количественного анализа; *Архипова Е.Б., Бородкина О.И.* Особенности социального обслуживания в различных типах населенных пунктов: взгляд потребителей услуг (по результатам всероссийского опроса); *Воробьева И.Н., Гужавина Т.А.* Социальный капитал как фактор социального участия: кейс Вологодской области; *Ниорадзе Г.В.* Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекарнизация или новые возможности?; *Сапов В.В.* «Пророк» в стране «фарисеев». «Социальная и культурная динамика» Питирима Сорокина и ее критики. Статья 1. Питирим Сорокин и Александр Гольденвейзер; *Головин Н.А., Виссонов Р.М.* В начале международного признания социологии П.А. Сорокина: комментарий к публикации его переписки с издателем Г. Саломоном-Делатуром (1925–1932); *Головин Н.А.* (сост.). Избранная деловая переписка социологов П.А. Сорокина и Г. Саломона (1925–1932).

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2023. Т. 32)

- № 1.** *Балабанова Е.С.* Ценности и ресурсы как факторы социального благополучия специалистов российских бизнес-организаций; *Зудина А.А.* Человеческий капитал неформальных работников в России: о чем говорят некогнитивные навыки; *Поплавская А.А.* Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе; *Паин Э.А.* Национализм под покровом стабильности: изучение латентных факторов дезинтеграции СССР (уроки брежневской эпохи); *Летняков Д.Э.* Историческая память российского общества: к построению агонистической модели; *Мокин К.С., Барышная Н.А.* Территориальная идентичность: сравнительный анализ Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республики; *Денисова-Шмидт Е.В.* Академическая нечестность в российских вузах: к истории вопроса.

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2022. Т. 25)

- № 3.** *Шмерлина И.* Концептуальные ракурсы понятия интересубъективности; *Малинов А., Долгова Е.* Нормативное знание в социальных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»); *Плюснин Ю.* Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств; *Галкин К., Рассолова Е.* Социологическая служба предприятия КамАЗ: между академической наукой и прикладными задачами; *Родин Л.* Идеология и государство: актуальность альтюссеррианской традиции в анализе управления COVID-19 в Швеции; *Бабкина А., Большаков Н.* «Мне нравится, когда меня считают киборгом»: мотивация кохлеарной имплантации глухих людей во взрослом возрасте; *Русинова Н., Сафронов В.* Неравенства в здоровье и психологические ресурсы личности в европейских странах; *Петухова И.* Пожилые люди в сельской местности во время пандемии COVID-19; *Киенко Т.* Локальные практики совместной социальной и творческой деятельности людей старшего возраста: социальный активизм, социальное участие, вовлеченность или вовлечение?; *Матлин М.* Этноконфессиональные особенности придорожной мемориализации.
- № 4.** *Кивинен М.* Маркс о классе и государстве: наследие и критика; *Розов Н.* Гуманность порядков и организованное насилие: анализ тенденций социальной эволюции; *Тев Д.* Бизнес как источник рекрутирования членов Правительства РФ в 2000–2021 гг.; *Демидов М., Каши-*

на М. Оценка предпринимательницами значимости ресурсов и мер государственной поддержки малого бизнеса (кейс Ленинградской области); Пустовойт Ю., Пель В., Коба С. Динамика образов семьи, дружбы и работы в контексте теории поколений (по материалам фокус-групп в сибирском мегаполисе); Янак А. Факторная модель отцовской вовлеченности; Малышев А. Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства; Рогоц О., Фролова Е. Оценка готовности населения к участию в практиках развития туризма.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2022. Т. 21)

- № 4. Нехаенко Ф. Карл Шмитт, Эрик Петерсон и Джорджо Агамбен: война за христианскую политическую теологию; Ячменик В. Стратегии использования понятия харизмы в русской мысли конца XIX – первой трети XX в.; Беграмбеков А. Георг Зиммель и Семен Франк: от Канта к философии жизни; Чернозуб О. Теория (не)запланированного поведения? Как наши прогнозы поведения страдают от «незапланированных» действий; Аль-Энези Ф., Аль-Салех А. Насилие по отношению к женщинам-домашним работницам в Кувейте; Дибо Ш. Социокультурная травма миграции и вынужденного переселения. Теоретический аспект.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2022. Т. 10)

- № 4. Кулагина Е.В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью: доступность для граждан трудоспособного возраста. Часть 2; Богданов В.С. Социальное неравенство как политико-управленческая проблема развития регионов России. Часть 1; Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте; Муханова М.Н. Социально-трудовая адаптация сельского населения в условиях институциональной трансформации российского села; Шлыкова Е.В. Субъективные факторы готовности к риску в контексте адаптации к бифуркационной среде; Шилова В.А. Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе; Аброскин А.С., Аброскина Н.А. Критерии определения малоимущих домашних хозяйств: практика построения и перспективы совершенствования; Щеголькова Е.Ю. Межэтнические установки сквозь призму субъективных характеристик социального самочувствия; Актамов И.Г., Винокурова А.В., Оролмаа М. Монгольские мигранты в США: «американская мечта» или современная модель номадизма?

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2022. Т. 13)

- № 4. Анисимова Т.Г., Голенкова З.Т., Маршак А.Л. Социальное расслоение и занятость (региональный аспект); Горина Т.И. Региональный рынок труда Республики Тыва: тенденции и вызовы; Орехова И.М. О востребованности профессий на региональном рынке труда: пример Республики Тыва; Натсак О.Д. Женское предпринимательство в Республике Тыва: мотивы, барьеры и возможности; Зборовский Г.Е. К вопросу о применении концепции научно-образовательного знания в социологии; Андреев И.С., Девятко И.Ф. Влияет ли ненаправленное научение на повышение точности житейских прогнозов: эксперимент в области социального метапознания; Мерзляков А.А., Богданов В.С. Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России; Макарова Г.И. Акторы развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей; Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р., Туракаев М.С. Воздействие факторов трудовой занятости на восприятие баланса работы и личной жизни у наемных работников; Позднякова М.Е., Брюно В.В. Трансформация моделей наркопотребления в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции; Багина Я.А., Запорожец О.Н., Говорова А.Д. Противостоящие пандемии: человеческие и нечеловеческие агенты в дискурсе московских властей о COVID-19; Посталовский А.В. О применении методики «Day after Recall» в измерении рейтингов радиовещания: опыт Республики Беларусь.

**МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ**

(2022)

- № 6.** Обухов А.С. Исследование образования в ситуации глобальных социальных трансформаций и «шоковых инноваций», вызванных пандемией COVID-19; Костина Е.Ю., Орлова Н.А. О этот новый старый мир, или Как COVID-19 трансформировал нашу повседневность; Ивашкина Е.С., Акельева Е.Д., Сергеева М.А. Факторы восприятия приемлемости академического мошенничества на дистанционном обучении среди российских студентов; Филькина А.В. и др. Психологическое (не)благополучие студентов российских вузов в условиях пандемии COVID-19: уязвимые группы и связь с характеристиками образовательного опыта; Фролова Е.В., Рогач О.В. Дисфункции цифровизации высшего образования (опыт пандемии COVID-19); Фабрикант М.С. От обучения в пандемию к обучению пандемии: копинг-стратегии в официальных материалах ведущих российских и мировых университетов; Абалмасова Е.С., Егоров А.А. Финансовая поддержка национальных систем высшего образования в период пандемии COVID-19: обзор опыта европейских стран; Габдрахманов Н.К. и др. Самооценка эффективности обучения и типы трудностей первокурсников в период коронавирусных ограничений; Мчедлова М.М., Гузельбаева Г.Я. Влияние пандемии на представления о профессиональной роли врача у студентов медицинских специальностей; Андрееenkova А.В., Андрееenkova Е.В. Влияние пандемии коронавируса на студенчество – сравнительный межстрановой анализ; Мурашенок Н.В. Готовность студентов университетов к эффективному межкультурному взаимодействию в условиях пандемии: роль страха перед COVID-19 (российский опыт); Сакаев В.Т. Восприятие межнациональных отношений иногородними и иностранными студентами московских вузов из числа представителей тюркских народов в условиях пандемии; Константинов В.В., Осин Р.В. Иностранные студенты российских вузов в условиях пандемии COVID-19: социальная тревога и психоэмоциональное состояние; Девятко И.Ф., Бызов А.А. Измерение когнитивной нагрузки респондентов, связанной с вынесением фактических и нормативных суждений; Омельченко Д.А., Омельченко Е.Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения; Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России; Максименко А.А. и др. Проявления отклоняющегося поведения за рулем у россиян; Картузова М.В., Зангиева И.К., Сулейманова А.Н. Роль эго-сети фрилансера в увеличении его накопленного капитала; Седова Н.Н. Мировоззренческие установки россиян: опыт эмпирического анализа.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2022. Т. 23)

- № 5.** Хумарян Д.Г. Гибкое управление в IT и креативном секторе: децентрализованный капитализм?; Веблен Т. Экономическая теория дамского платья; Сизова И.Л., Русакова М.М., Александрова А.А. Рынок труда соискателей и трения в поиске работы на современных онлайн-платформах; Алексеева П.А. Брачные траектории молодых россиян: роль сетей; Бессонова О.Э. Институциональная природа жалоб в рыночной и раздаточной средах.

(2023. Т. 24)

- № 1.** Шабанова М.А. Этичное потребление как сфера гражданского общества в России: факторы и потенциал развития рыночных практик; Лефевр А. Право на город; Сарайкин В.А., Никулина Ю.Н., Янбых Р.Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость; Дубинина Д.М. и др. Конструирование ценности онлайн-курсов дополнительного профессионального образования. На примере онлайн-отзывов потребителей образовательной платформы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2022)

- № 6.** Коктыш К.Е. Становление когнитивного кода современности; Лапкин В.В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд; Маркедо-

нов С.М., Неклюдов Н.Я., Сучков М.А. Невоенные аспекты политического взаимодействия на Кавказе: сравнительный анализ подходов США и России; Конышев В.Н. Изучая природу войны: взгляд из России и Европы.

(2023)

- № 1. Гаман-Голутвина О.В., Сморгун Л.В. Политическое в пространстве турбулентного мира; Малахов В.С., Летняков Д.Э. Крушение гегемониальной нормальности: миграция и политика памяти в США, Великобритании и Франции; Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики; Козлова Н.Н., Скаковская Л.Н., Рассадин С.В. Молодежный сегмент депутатского корпуса региональных legislatures РФ: социально-профессиональные характеристики, источники рекрутирования, карьерные траектории; Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности; Розов Н.С. Возможно ли верховенство права в геополитике?; Сергеев В.М., Коктыш К.Е. Конфликты элит в трехсотлетней истории российской модернизации.

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(2022. Т. 20)

- № 3. Румат Ф., Давыдов С. Искусственный интеллект, факторы неравенства и социальная политика; Ушкин С.Г., Коваль Е., Яськин А. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации?; Галкин К. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта; Грушевская В. Модель фильтрации информации в социальных медиа; Бенуашан Х. Искусственный интеллект в социальном обеспечении: возможности и вызовы; Науменко Т., Секретарева К. Китайская система социального кредита: антиутопия или фактор общественного благополучия?; Сидорина Т., Глебов О., Сидельников И. Автоматизация и искусственный интеллект в трудовых практиках; Гбадеян О.Д. и др. Социально-политическая обстановка и коррупция в Нигерии: эмпирический анализ; Ткаченко О., Василенко И. Роль спорта в «жизненном мире» людей с инвалидностью (на примере Волгоградского региона); Казакова А. Неравенство физической активности: распределение дворовых тренажерных и детских площадок в городском пространстве (на примере МО «город Калуга»); Панова Л., Панова А. Финансовая защита как ключевой фактор доступности медицинских услуг: сравнительный анализ России и европейских стран; Савинская О., Лебедева Н., Вилкова К. Гендерные стереотипы и женские стратегии в высшем STEM-образовании: обзор междисциплинарного поля; Ляпина А. РВП вместо статуса беженца: правовое положение сирийских черкесов-беженцев в России.
- № 4. Ярская-Смирнова В., Ручин А. Стратегии маломобильных групп в пандемии COVID-19: параметры доверия и солидарности; Полухина Е., Дерезовская В. Практики инклюзивного театра в России: анализ смыслов для участников и потенциала для социальных изменений; Кононенко Р. Традиция как инклюзия. Ресурсы социокультурной интеграции в народной культуре; Козлова М. Моральные обоснования управления (этно)культурным разнообразием в образовательном пространстве; Лебедев Д., Воронков А. Оценка валидности и надежности инструментария многомерного измерения установок по отношению к инклюзивному образованию детей с ООП; Аванесян К. и др. Почему дети с инвалидностью не продолжают обучение в системе профессионального образования?; Шталс Э., Цауркубуле Ж., Константе Р. Эффективность административных данных для оценки качества работы Центров социального обслуживания; Хермавати Р., Паскарина К., Руниавати Н. Проблемы размещения уличных торговцев в Бандунге, Индонезия; Дебрэнн М. и др. Недоступная доступная среда: анализ состояния инклюзивного образования в зарубежных вузах; Антипов А., Шевченко С. Биоэтика и этика концептов вокруг движения за права инвалидов; Карасев Д. Режимы всеобщего благосостояния в развивающихся странах.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2022. Т. 13)

- № 4. Илизаров С.С. Современность прошлого: записка директора Института истории естествознания АН СССР Х.С. Коштоянца 1952 г. о задачах развития истории науки; Коштоянц Х.С. О состоянии и мерах развития истории естествознания; Келлер А.В. К пре-

дыстории появления «художеств» в Петербургской академии наук, 1697–1724; *Смагина Г.И.* Академия наук к 200-летию со дня рождения Петра Великого; *Никифорова Н.В., Дьяков Б.Б.* Детали научной биографии и контекст эпохи в дневниках и переписке Морица Якоби; *Цзинь Цзюнькай, Тан Вэньпэй, Синютин М.В.* Утверждение советского марксизма в мировой научной среде: опыт работы советской делегации на Втором Международном конгрессе по истории науки и техники; *Федорова А.А.* К вопросу о трактовке экологии и ее истории студентами профильных специальностей; *Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г.* Проблема доверия к смарт-технологиям в цифровом обществе; *Ненько Е. и др.* Эмоциональное картирование как метод анализа субъективного качества городских зеленых зон; *Бусыгина Т.В.* Анализ литературы по проблеме «гражданская наука» на основе базы данных Scopus; *Гринев А.В.* Кантри-индекс как синтез наукометрии, географии и международной репутации.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(2022)

- № 5.** *Семенов И.С., Хайнацкая Т.И.* Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим; *Алферов А.А.* Полицентризм против универсализма в картине социального мира; *Дискин И.Е.* «Колея» и гражданское общество; *Лютюва О.И., Шичанин М.А.* Публичный финансовый контроль в условиях современного российского федерализма: актуальные проблемы и пути их решения; *Асеева И.А.* Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации.
- № 6.** *Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н.* Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан; *Щедров И.Ю.* Умные города в Индии: на пути от теории к практике; *Бардин А.Л.* Виртуализация городского пространства: социально-политические перспективы и риски; *Поросенков Г.А. и др.* Проблемы института независимой антикоррупционной экспертизы и перспективы автоматизации; *Володин А.Г.* Индия как «государство-цивилизация»; *Родькин П.Е.* «Культура разрыва» и общество потребления в контексте ухода «Макдональдс» из России.

LABORATORIUM: ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(2022. Т. 14)

- № 3.** *Тулаева С., Снарский Я.* Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах; *Ненько А., Недосека Е., Курилова М.* «Соседскость» городских сервисов как измерение пространственной сегрегации; *Соколова Н.* «Интеллектуальный» досуг и «простые» развлечения: предпочтения в искусстве как сигналы групповой идентичности; *Старун М.* Репрессии и эмансипации социалистической законности: производственный товарищеский суд в годы первых пятилеток; *Бакумов Р.* Альтернативная модель операционализации теории дискурса Лакло и Муффа; *Смбатян Н.* Откуда берутся «плохие парни»? Разрыв между социальным агентством и структурой в анализе внешней политики России.

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)

(2022. Т. 14)

- № 4.** *Родионова М.М.* Травма академии: в попытках идиоритмической контекстуализации; *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Человеческое измерение безопасности: субъективные оценки и личностные смыслы; *Пузанков И.А.* «У казака вся жизнь – война, в казачьем сердце страха нет!», или Как сегодня становятся казаками; *Любинарская Н.А.* Роль «отношенческой рефлексивности» в семейных отношениях: кейс-стади на примере двух молодых пар; *Даутова Т.Е.* Память о репрессированных: онлайн-ритуал коммеморации «Возвращение имен»; *Старцев С.В.* ИНТЕР-энциклопедия: метод картографирования телесности.

**ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СОЦИОЛОГИЯ (МИНСК)**

(2022)

- № 4.** Антонович И.И. Борьба мировых сил и будущее демократии; Данилов А.Н. и др. Современный социум: новые вызовы и риски; Подлесная М.А., Ильина И.В. Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 2; Севастов К.В. Теория социальных систем Никласа Лумана: постмодернистский характер дескрипторов общества; Лебедева Е.В. Социокультурная эволюция городской среды как объект социологического анализа; Шейнов В.П. и др. Социально-психологические корреляции зависимости молодежи от социальных сетей; Симхович В.А., Наумов Д.И. Канселлинг как социальный феномен: теоретический аспект; Левченко Н.В. Мультипликация как средство формирования ценностных установок в СССР в 1950–90-х гг.

Подготовила А. ГОВОВОБА

CURRENT SOCIOLOGY

(2023. Т. 71)

- № 1.** Кук Э.А. и др. Переосмысление того, что считается фемцидом; Уолби С. Что такое фемцид? Организация Объединенных Наций и показатели прогресса в сложных эпистемологических системах; Уоклейт С., Кейт Фитц-Гиббон К. Переосмысление измерения числа убийств женщин: от «тонких» до «грубых» подсчетов; Кондри Р., Майлз К. Кто включается в подсчет? Незаметность матерей как жертв убийства женщин; Пасинато В., де Авилла Т.П. Криминализация убийства женщин в Латинской Америке: проблемы правовой концептуализации; Бунзайер Ф.А. Впечатляющие рассказы об убийстве женщин в Южной Африке: деколонизальный феминистский анализ; Субраманьям М. Эмпатия в исследовательском процессе: исследование женщин, занятых в секс-бизнесе в Индии; Саар А., Симчай Д. Тысячелетняя женственность и гармоничное состояние души; Тарек Чи М. и др. Домашние работницы-мигранты из Бангладеш, вынужденно вернувшиеся домой, и их опыт социальной реинтеграции; Байрақдар С., Кинг Э. Дискриминация, домогательства и насилие в отношении ЛГБТ в Германии, Португалии и Великобритании: количественный сравнительный подход; Фрейде Л., Уэйтс М. Анализ гомофобии, ксенофобии и сексуального национализма в Африке: сравнение количественных данных об аттитюдах для выявления социальных различий.
- № 2.** Итамар-и-Шахар и др. «Добровольчество с оружием» и переосмысление разделения между добровольчеством и вооружением; Итамар-и-Шахар. Формирующийся военно-промышленный некоммерческий комплекс? Изучение призывной добровольческой деятельности в Израиле; Хоффман Т. Вооруженное добровольчество в школах: дискурс добровольчества и допризывной подготовки в израильских средних школах; Дифурн Т., Купер-Стучат С.Дж. «Я могу делать то, чего не могут другие»: гражданская полиция как вооруженное добровольчество в Этеквили, Южная Африка; Данлэп А. Использование людей в экологических конфликтах: захват «сердец», «умов» и производство «добровольцев» для развития добывающей промышленности; Газит Н., Грассиани Э. Секьюритизированное добровольчество и неонационализм на сельской периферии Израиля; Ван Тил Дж. Вооруженное добровольчество: где и куда.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2022. Т. 128)

- № 3.** Бранднер К. Зеленый американский город: гражданский потенциал и распределенное внедрение городских инноваций; Фергюсон Дж.Л. Великое неприятие: Запад, остальной мир и новые правила в отношении гомосексуальности, 1970–2015; Мартин Э.К. Регулирование риска задолженности: законы об освобождении от уплаты налогов и экономическая нестабильность в штатах США, 1986–2012; Квисумбинг Кинг К. Структурные источники двусмысленности в современном государстве: раса, империя и конфликты из-за членства; Юй В., Куо Дж. Ч. Время – это деньги? Надбавки к заработной плате и штрафы

за профессиональные требования, связанные со временем; *Гербер Т.П. и др.* Рыночные и нерыночные пути к домовладению и социальная стратификация при гибридных режимах жилищного строительства: опыт четырех постсоветских стран; *Браунинг К.Р.* Географическая изоляция, вынужденная мобильность и повседневное воздействие расового состава соседей среди городской молодежи.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022. Т. 87)

№ 6. *Греве Г.Р. и др.* Группы онлайн-заговора: микроблогеры, боты и разговоры о заговоре в связи с коронавирусом в Твиттере; *Герринг Дж., Кнутсен К.Х.* Убийство и история государства; *Джонсон Э.М.* Сотрудничество в классе: социальный контекст класса и поиск помощи со стороны сверстников в элитной инженерной школе; *Оуэнс Дж.* Двойная опасность: предубеждения учителей, расовые организации и создание расовых/этнических различий в школьной дисциплине; *Бренсингер Дж., Сотудех Р.* Партия, раса и нейтралитет: исследование взаимозависимости отношения к социальным группам; *Пао А.Х.* Работа по взаимоотношениям в семье: гендерное микрооснование экономических решений родителей.

(2023. Т. 88)

№ 1. *Финк П.-К.* Между сценой и закулисами: неспособность Федеральной резервной системы остановить уклонение от правил во время финансового кризиса 1974 года; *Шнайберг М. и др.* Принимаете рыночный либерализм? Структура сообщества, укорененность и конвертация взаимных сбережений и займов в акционерные корпорации; *Маккей Б.Дж.* Готовность к сдаче в аренду: административные решения и управление бедностью в рамках программы ваучеров на выбор жилья; *Чжан С., Джонсон Р.А.* Иерархии в децентрализованном государстве всеобщего благосостояния: расстановка приоритетов в программе ваучеров на выбор жилья; *Чжоу С., Пан Г.* Высшее образование и разрыв в доходах между чернокожими и белыми.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022)

№ 6. *Пассаретта Дж. и др.* Возникает ли социальное неравенство в успеваемости в школьном возрасте до или во время обучения в школе? Европейская перспектива; *Кратц Ф. и др.* В каком возрасте образование является великим уравнивателем? Причинно-опосредованный анализ (внутренних) прямых последствий социального происхождения на протяжении всей жизни; *Катрняк Т., Губаткова Б.* Компенсация неравенства переходного периода: расширение сферы образования и неравенство образовательных возможностей в европейских странах в период с 2000 по 2018 год; *Араки С., Кария Т.* Инфляция учетных данных и декретенциализация: пересмотр механизма девальвации степеней; *Прис И., Килпи-Яконен Э.* Не в своем классе: Различия в социальном происхождении применительно к полу – (а)типичные области обучения в рамках образовательной иерархии; *Шерен Л.* Различное влияние отслеживания образования на разрывы SES в образовательных достижениях мальчиков и девочек; *Байер Т. и др.* Генетическое влияние на образовательные достижения в межнациональной перспективе; *Хогберг Б., Хорн Д.* Национальное тестирование с высокими ставками, гендерный фактор и школьный стресс в Европе: анализ разницы в различиях; *Карлсон К.Б., Биркелунд Й.Ф.* Семейное происхождение, образовательная квалификация и достижения на рынке труда: данные братьев и сестер в Дании.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2023)

№ 1. *Шеффер М., Хадеруп Ларсен М.* Кого вакцинировать первым? Пределы солидарности в первую неделю датской программы вакцинации; *Армандола Н.Дж. и др.* Бунтарь без причины: влияние социального происхождения и располагаемого дохода на нарушения правил; *Дедерихс К., Крузе Х.* Кто продолжает участвовать? Лонгитюдное исследование участия подростков в немецких добровольных ассоциациях; *Дикман А. и др.* Экологическое неравенство в четырех европейских городах; исследование сочетания исследова-

ний домохозяйств с геореферентными данными; *Цвир Д. и др.* Давайте держаться вместе: воздействие на выбор и его вариации подростками средней школы по их социально-экономическому положению; *Моррис К.* Где исчезает децентрализованный социальный блокчейн: пространственное неравенство и социальная стратификация при вхождении на рынок труда; *Нельсон К. и др.* Политические детерминанты жилищных льгот; *Адрианс Ж.* Справедливость заработков в Европе: последствия для удовлетворенности жизнью несправедливых недо- и избыточных вознаграждений; *Квист Е.Й.* Ранний выход на пенсию и общественный класс: еще один путь к улучшению здоровья всех? *Ван дер Лаан Я. и др.* Сеть для всего населения и ее применение в социальных науках.

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2022. Т. 37)

№ 6. *Локонто Э.М., Арнольд Н.* Управление ценностью (ценностями) и организация посредством стандартов; *Санчес-Гарсия М.А. и др.* Природа стандартов: как стандарты формируют ценность природы; *Шермер М.* Частные стандарты содержания животных в австрийском молочном животноводстве: последствия для фермеров в горных регионах; *Секине К.* Проблемы сохранения мирового сельскохозяйственного наследия в условиях рыночной экономики: опыт Ниши-Ава, Япония; *Фейер Х.Н.* Вытеснение местной инициативы в защите традиционных агропродовольственных товаров: растущая гегемония географических указаний *sui generis* в Восточной Азии; *Мозо К.* Здоровье как новая ценность в обеспечении качества ягод в Уэльве (Испания); *Рейнольдс Л.Т.* Может ли сертификация повысить справедливость в торговле и расширить возможности работников? Опыт плантаций, сертифицированных Fairtrade International в Эквадоре; *Бланкано Р.* Сезонность как ценность в органическом земледелии: о конфликте по теплоснабжению теплиц во Франции; *Ренар М.-К.* Ценности и установление стандартов в «устойчивых» кофейных сетях: пример 4С и Nestlé в Мексике.

(2023. Т. 38)

№ 1. *Бензекри К.Э.* Откуда вы знаете? Семь тезисов о качественной социологии как теории и методе; *Санду Д.* Контекстуализация планируемого поведения в связи с вакцинацией против COVID-19 в Европейском союзе; *Руиу М.Л. и др.* Недостаточность «здорового смысла» в дебатах об изменении климата: поведение СМИ и осведомленность об изменении климата в Великобритании; *Лим Х., Хон С.* Анализ лонгитюдных каузальных связей между установками к гендерной роли и участием молодых женщин на рынке труда в Корее; *Тюрк Б. и др.* Страх перед преступностью в контексте гендерного и амбивалентного сексизма в Турции; *Пан Д., Чжоу Й.* Преподавание в условиях оппортунизма: затруднительное положение академических преподавателей в Китае; *Наслерио Э.* Самостоятельное предпринимательство в неопределенном будущем: случай артистов-исполнителей в Италии.

Подготовила И. ПОПОВА

SOCIO-LOGOS

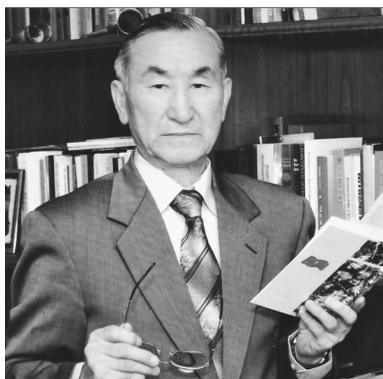
(2022)

№ 16. *Ларрег Ж.* Социология как когнитивная наука; *Шартье Г.* Физиологический факт как социальный факт. Телесный язык эмоций в свете концепции репрезентативного переопределения; *Жоли М., Лебарон Ф.* Как соединить генетический конструктивизм Ж. Пиаже и П. Бурдьё?; *Декамп Д., Фуди А.* О социальных детерминантах языковых продуктов. Анализ неправильных названий в политическом поле; *Милле М.* Что только не рождается в мозгах. Социализация, история и познание; *Сембель Н.* Дюркгейм и Мосс за работой. Социогенез и обобщение их физиологических аналогий (1873–2017).

№ 17. *Батай П., Дюмон Л., Ванг С.* Вызовы интернационализации. Социологическая рефлексия; *Сапиро Ж.* Гуманитарные и социальные науки между национальным и интернациональным. Социоисторическая перспектива, пример социологии; *Дюфуа С.* Избавление от синекдохи. За большую интернациональность французской истории социологии; *Ханафи С.* За «глобальную социологию».

Подготовил А. ЗОТОВ

ПАМЯТИ АБДУМАЛИКА НЫСАНБАЕВИЧА НЫСАНБАЕВА (01.05.1937–21.02.2023)

Уход из жизни в феврале этого года известного ученого, профессора, доктора философских наук, академика НАН РК Абдумалика Нысанбаевича Нысанбаева стал большой потерей не только для казахстанского социологического сообщества, но и евразийского. Пройдя путь в науке от лаборанта до академика, он на каждом этапе стремился к обогащению своих знаний, совершенствованию личных качеств, приобретению бесценного опыта. Часто на этом пути он боролся за свои взгляды и идеи, однако оставался верен своим принципам, продолжая работать с самоотдачей.

Вся жизнь А.Н. Нысанбаева была связана с Институтом философии и права АН КазССР. Начинал с должности старшего лаборанта, затем младший и старший научный сотрудник, с 1974 г. – зав. отделом философских вопросов естествознания, с 1990 г. – директор этого Института, который впоследствии не раз переименовывался. В 1990-е гг., после распада СССР, он отстаивал право философии быть свободной и вообще быть в Казахстане. Были те, кто предлагал исключить философию из сферы образования, критиковал эту дисциплину. Академик Нысанбаев доказывал ее актуальность и востребованность. Институт философии, политологии и религиоведения Республики Казахстан (ИФПР НАН РК), возглавляемый им в самые сложные времена, во многом благодаря ему выстоял и продолжил работать, сохранив свой статус, научный коллектив, научные школы и создавая новые направления. А.Н. Нысанбаев руководил нашим Институтом 21 год (1990–2011). Он никогда не был «чистым философом», скорее, всегда находился в поиске нового знания, включающем смежные науки: культурологию, политологию и социологию. Социология, безусловно, занимала особое место. Солидная философская база, концептуальный аппарат и методологическая направленность позволили подключиться к разработке и развитию социологических исследований актуальных социальных проблем переходного периода, применить наработанный методологический инструментарий к сравнительному критическому анализу социально-политических процессов в Казахстане и их прогнозированию.

Под руководством Абдумалика Нысанбаевича в Институте выполнялись научные проекты, которые требовали социологического осмысления. Получили свое развитие такие направления исследований, как социология религии, этносоциология, социология духовной жизни, социология гендера и др. Результаты исследований отражены в его многочисленных публикациях, в том числе в журнале «Социологические исследования», где на протяжении многих лет академик Нысанбаев был членом Международного редакционного совета. Он высоко ценил возможность представлять казахстанскую социологию в авторитетном научном издании.

Творческая активность, незаурядный талант, стратегическое мышление Нысанбаева во многом опережали время. С его именем связаны фундаментальные исследования в современном Казахстане, посвященные казахстанской идентичности, евразийской идентичности, тюркской и казахской философии и т.д. Доказывать пришлось академику А.Н. Нысанбаеву и онтологический статус казахской философии. Блестящий методолог науки, он заложил основы казахстанского дискурса философии науки. Используя методы философской

компаративистики и герменевтики, А.Н. Нысанбаев создает новый интерпретативный дискурс диалога казахских, российских и европейских социальных мыслителей.

Под его руководством осуществлялась программа «Культурное наследие» по переводу мирового философского наследия на казахский язык, благодаря которой создана источниковедческая база для молодых ученых Казахстана.

Абдумалик Нысанбаевич уважал и ценил дружбу, таланты и человеческие качества, умел дружить, быть искренним и бескорыстным. Его ученики и те, кому довелось быть знакомым с ним, отзывались о нем как человеке добром, дружелюбном, всегда настроенном на взаимопонимание. Свои идеи он формировал в процессе живой полемики, диалога, научного общения. Его яркие выступления на многих семинарах, конференциях, конгрессах самого различного ранга всегда запоминались.

Его уход – невосполнимая утрата для нас, однако его научное наследие – огромное благо. Труды ученого, его творчество на благо науки не будут забыты, они будут источником знаний и научного вдохновения для тех, кто придет в науку, и для нас, которые сегодня в ней.

Светлая память нашему Другу – Абдумалику Нысанбаевичу Нысанбаеву, изменившему наше отношение к философии как науке взаимопонимания.

С.Т. СЕЙДУМАНОВ, акад. НАН РК,
З.К. ШАУКЕНОВА, акад. НАН РК,
оба – ИФПР НАН РК, Казахстан

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 3

CONTENTS

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF L.N. KOGAN

- 3 ZBOROVSKY G.E. L.N. Kogan and Russian Sociology (to the 100th Anniversary of His Birth)
14 VISHNEVSKY Yu.R. What Would an Interview about the Sociology
of Culture with the Teacher Look Like
21 PAVLOV B.S. On the History of Empirical Research of Young Workers in the Urals

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 26 LI QIN, BABICH N.S. Reability of Public Opinion Polls in China
32 ILYIN V.I. "Human Resources" as a Category of Qualitative Sociology

ECOSOCIOLOGY

- 42 KONDRASHOV P.N. Conceptual Reconstruction of Karl Marx's Ecology: Sociological Aspect
53 PUPYSHEVA I.N., ZAKHAROVA O.V., KUZNETSOVA N.V. Varieties of the Discourse about
Collection and Processing of Recyclable Materials: Between Pursuit of Gain
and Saving the World

SOCIOLOGY OF MASS COMMUNICATIONS

- 66 OSTROVSKAYA E.A., BADMATSYRENOV T.B., VASILIEVA S.V. Mediated Orthodoxy:
Mission in China
80 ANDREENKOVA A.V., MEDVEDEVA A.A. Structure and Content of Information Campaign
on Television During First Wave of Pandemic of COVID-19 in Russia

CHAIR. CONSULTATIONS

- 91 DELANTY G. Sociology (translated by N.V. Romanovsky)

DISCUSSION. POLEMICS

- 103 SOROKIN P.S. The Problem of "Agency" Through the Prism of a New Reality:
Conditions and Perspectives

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 115 PODVOYSKIY D.G. Men, Women, ... Tribes, Peoples: What Does a Person's Life
Look Like among His Constructs? (Part 1)

ANNIVERSARIES

- 126 Congratulations to L.G. Titarenko!
127 Yu.R. Vishnevsky is 85!

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 129 LUSHNIKOVA O.L. Labor Behavior of Population from Remote Countryside of Khakassia
135 ROMANOVICH N.A. Youth and Marriage: a Transformation of Values
141 SIMAKOVA A.V., PAKHOMOV S.I., GURTOV V.A. Fellow Degree: Motives for Thesis Defence
and Professional Occupation

ACADEMIC EVENTS

- 148 ASOCHAKOV Yu.V. Sociology in the Post-Global World: Problems and Prospects
- 150 BELYAEVA L.A. Consolidation of Russian Society in New Geopolitical Realities
- 154 GRABELNYKH T.I., SABLINA N.A., ZYRYANOV V.V. Threats as a Social Phenomenon in the XXI Century
- 157 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Osinsky I.I. Intelligentsia of Tuva. XX Century. Formation, Development, Activity.* Ulan-Ude: BGU, 2022. **Reviewed by O.B. Istomina;** *Titarenko L.G. Sociology of Public Opinion.* Minsk: RIVSH, 2021. **Reviewed by P.A. Ambarova**)

162 BOOKS IN BRIEF

165 JOURNALS' GUIDE

IN MEMORIAM

- 173 A.N. Nysanbaev

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)